

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

Shishkov, Aleksandr Semenovich

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И
ПЕРЕВОДОВЪ.**

АДМИРАЛА ШИШКОВА

*Россійской Императорской Академии Президента
и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.*

Ч А С Т Ъ IX.

С. П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академии.

DT. Front 1827.

160

115

891.78
S55727
1818a
v.9

61-372188

~~PC 3361~~
~~S 45~~
~~1818~~

П Е Ч А Т А Н О:

По определению Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

Slavic Division

461919

Qw15, 34

ОГЛАВЛЕНІЕ

Девятой части.

Освобожденный Іерусалимъ. Пѣснь XI — XX	Справ. 1.
Ломоносовъ. Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова	301.
Нѣчто о сокращеніи словъ	569.

ОСВОВОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь первая на десять.

Верховный повелитель хриспіянскаго воинства, устремя всѣ мысли свои на то, чѣшбъ взяшь присупомъ Іерусалимъ, осмашприваешь согроможденные для сего воинскіе снаряды: тогда приходитъ къ нему пуспынникъ Пепръ, и опозвавъ его къ споронѣ, тако съ почтенною вѣщаешь ему важностію: шы двигаешь, о вождѣ, земныя орудія; но не опшолѣ начинаешь, опколѣ должно.

Начни онѣ неба, призови прежде въ шоржешственныхъ и благоговѣйныхъ молишвахъ свяшыя небесныя силы, единыя побѣдоносныя. Да предшешествуетъ предъ вами облаченное въ священныя одежды свои духовеншво, вознося согласныя и умиленныя пѣснопѣнія, и онѣ васъ, великихъ и славныхъ вождей, шекущій въ слѣдъ за вами народъ да научишя благочештію.

Тако рекъ спрогой пуспынникъ, и благосердый Гошфридъ мудрыя слова его похваляешь. Вѣрный Хришовъ служишель, вѣщаешь ему, послѣдую благому швоему совѣшу. Доколѣ я созову къ себѣ полководцевъ

Ч а с т ь IX.

и военачальниковъ, шы опыщи первосвящен-
телей Вильгельма и Адемара, и ваше да бу-
детъ попеченіе устроишь сіе шоржесшвен-
ное богослуженіе.

Наушріе спарець съ двумя первосвящи-
телями собираешъ прочихъ младшихъ свя-
щеннослужителей въ долину, гдѣ обыкно-
венно совершаема была божесшвенная служ-
ба. Всѣ другіе надѣвають бѣлыя льняныя
одежды, первосвященители же облачаются въ
злашопшканныя на груди засшегнушыя ризы,
и на власы свои возлагають вѣнецъ.

Петръ единъ шесшвуешъ впереди, неся
развѣвающееся по вѣпру небесными сила-
ми поклоняемое знамя. За нимъ, сосшавя
два длинныхъ ряда, шихими шпопами идушь
священнослужители, возносящіе съ умилен-
нымъ видомъ молишвенныя гласы. За сими
шли грядущіе рядомъ первосвященители Виль-
гельмъ и Адемаръ.

Потомъ шель Готшфридъ, аки верховный
вождь, безъ сошоварища. За нимъ по два
въ рядахъ слѣдовали прочіе вожди и воена-
чальники, а за сими безъ всякой пѣсношы
и безпорядка шекло вооруженное въ защиту
ихъ воинштво. Тако изъ нушри спана про-
стиралось шесшвіе. Не слышно было ни
шрубныхъ, ни иныхъ грозныхъ звуковъ, но
токмо разносилось по воздуху благочесши-
вое молишвенное пѣніе.

Тебѣ, Отецъ, тебѣ, Сынъ равный Отцу, и тебѣ Любовь, ошъ обоихъ соединенныхъ дышущая, поюшъ они, и къ тебѣ Богочеловѣка Дѣвомашерь вопіюшъ, да услышатся моленія ихъ и ниспослешся къ нимъ помощь ваша. И васъ призываюшъ, о воеводы, въ шройсшвенномъ чиноначаліи молніеносными небесными силами двигающіе; и тебя, свяшый, божескаго чела чистое челошѣество въ испочникѣ омышій.

Тебя просяшъ, о шы, камень и ушверженіе непоколебимаго дома Господня, гдѣ нынѣ новый, досшойный тебя, послѣдователь швой, ошверзаешъ двери прощенія и милосердія; и васъ другихъ Царсшва небеснаго посланниковъ моляшъ, о вы, возвѣсшившіе намъ о побѣдоносной смерти, и вы, засвидѣтельсшвовавшіе кровію и мученіемъ испинну.

Такожъ и васъ величаюшъ, наставившихъ писаніями и словами заблуждшія стопы наши на правый пущъ къ небу; и тебя, любимую и вѣрную рабу Христову, чешнѣйшей и благороднѣйшей жизни благоу частъ избравшую; и васъ, дѣвы, въ обішеляхъ цѣломудрія зашворенныя, чешшыя непорочнаго Агнца невѣшты; и васъ, великодушныя мученицы, презрѣвшія прещенія и казни языческихъ царей и народовъ.

Тако воспѣвая благочешшвное воинсшво,

широко по пространству полей распростертое, шихими стопами направляло шествіе свое къ масляной горѣ, отъ растущихъ на ней маслинъ названіе свое получившей; гора сія, священной славою въ свѣтѣ знаменишая, лежишь отъ градскихъ стѣнъ къ востоку, единою шокмо Іосафатовою глубокою долиною отъ нихъ раздѣляемая.

Туда простирается воспѣвающий народъ: гласъ его носишся по низкимъ удолиамъ и высокимъ холмамъ, звучишь въ вершпахъ ихъ и раздаешь въ тысячѣ мѣстахъ, такъ что казалось обитающіе въ лѣсахъ и вершпахъ сихъ сельскіе лики громко и ясно повторяють великое имя Іисуса Христа и дѣвы Маріи.

Собравшіеся между пѣмъ на стѣнахъ градскихъ нечеспивые Срацины стоятъ безмолвно и съ удивленіемъ внимають симъ крошкимъ пѣніямъ, смотряють на сіи шихія движенія и на чуждые, необычные имъ обряды. Посемъ, когда насытились новостію зрѣлища, воздвигли спрашные вопли, испустили изъ горшаней своихъ хулы и поруганія, огласившія горы и доли.

Но благочеспивый народъ Христовъ чрезъ то не умолкаетъ, не преспаетъ отъ сладкогласныхъ своихъ пѣній, не озирается даже на сіи клики, и не больше обращая

на нихъ вниманія, какъ на стадо каркающихъ врановъ. Не спрашится шакже пущенныхъ спрѣлъ ихъ, кои, далеко не досязая, не могутъ нарушить ихъ покоя, почему и продолжаютъ они начатое ими священнодѣйствіе безмятежно.

Возшедъ на вершину горы воздвигаютъ жертвенникъ, на коемъ первосвященникъ долженъ совершить великую тайну жертвоприношенія. По обѣмъ спранамъ онаго возжигаются блистающія огнями злашныя лампы. Вильгельмъ возлагаетъ на себя великолѣпнѣйшія златошканныя ризы, и сперва безмолвенъ погружается въ размышленіе, потомъ яснымъ и громкимъ гласомъ начинается, обвиняя себя, приносишь Богу благодареніе и молишвы.

Ближайшіе къ нему съ усердіемъ словеса его внемлютъ, прочіе же, ошдаленнѣйшіе, съ благоговѣніемъ устремляютъ на него взоры свои. Онъ, по торжественномъ совершеніи божественныхъ таинствъ, поднимаетъ къ челу пастырскую руку свою и благословляя ея воинственные полки речетъ имъ: днесъ грядишь съ Богомъ. Тогда въ шомъже порядкѣ и по шѣмъже слѣдамъ возвращающся они вспяшь.

По пришествіи къ спану Готфридъ повелѣваетъ имъ разрушить устроиство, и грядетъ къ себѣ: безчисленная шолпа

сопровождаетъ его до самаго шатра. Здѣсь обращаясь отпускаетъ онъ всѣхъ прочихъ, вождей же приглашаетъ къ столу своему и старика Тулузскаго Графа сажаетъ пропивъ себя.

По насыщеніи пищею, и по утоленіи помившей ихъ жажды, великій вождь вѣщаетъ вождямъ: съ новою зарею будите гошovy на приспущъ. Сегодня день пригосовленія и ошдыха, завтра наступитъ день шруда и брани. Всякъ изъ васъ да вкушитъ покой, и потомъ да устроитъ самъ себя и воиновъ своихъ на великій подвигъ.

Вожди опходятъ. Глашатаи шрубными гласами возвѣщаютъ, да облечетъ каждый воинъ въ оружіе и съ новою зарею изыдетъ на брань. Тако день сей часпію проводитъся въ ошдохновеніи, часпію же въ заботахъ и разпоряженіяхъ, доколѣ пихая ночь, любительница покоя, не положила конца шрудамъ.

Еще заря не появлялась и рожденіе дня не показывалось на воспокрѣ; плугъ земледѣльца не раздиралъ еще полей и паспухъ не возвращался на зеленые луга; пшички спокойно сидѣли на вѣшвіяхъ деревьевъ, и на паспвахъ не слышно было ни лая псовъ, ни звука роговъ; какъ вдругъ ушрениа шруба, къ оружію, къ оружію, воспрубиа.

Къ оружію! къ оружію! подхвашили

мгновению и воскликнули тысячи гласовъ. Храбрый Готфридъ възсѣаетъ, и не облачается ни въ большую обыкновенную броню, ни въ тяжелую гладкую обувь; онъ надѣваетъ на себя легкіе доспѣхи, и является подобенъ пѣхошному мало обремененному воину. Тогда приходишь къ нему благій Раимондъ.

Сей, видя верховнаго вождя симъ образомъ вооруженнаго, проникаешь мысль его. Гдѣ, государь, вѣщаешь ему, огромная броня швоя? гдѣ среброблищающая збруя? почто ты часшію обезоруженъ? не могу похвалить себя исходящаго шоль слабо защищеннымъ. Изъ сихъ знаковъ вижу и заключаю, что ты хочешь низайшими тебя дѣлами снискашь славу.

Ахъ! чего ты ищешь? часпнаго лавра воспекающаго на стѣны воина? другой да восходишь на нихъ, подвергая жизнь свою, меньше достойную и полезную, опасности, какой въ сраженіяхъ пребуешь отъ него долгъ; ты, Государь, одѣкись въ обыкновенное швое всеоружіе, и для нашего блага, молю тебя, самъ о себѣ имѣй попеченіе и ошорочно храни драгую главу швою, духъ и жизнь войскъ въ себѣ заключающую.

Тутъ умоля, и Готфридъ отвѣтствуетъ: вѣдай, что когда въ Клермонтѣ великій Урванъ препоясалъ меня симъ ме-

чемъ, и державною рукою посвящилъ въ поборника по вѣрѣ, шайно принесъ я Богу общаніе, не шокмо какъ военачальникъ, но купно какъ и простый воинъ упошреблялъ всякое оружіе мое и силы.

И такъ, когда всѣ мои войска прошивъ враговъ расположились и двинулись, когда исполню я все то, чего ошъ верховнаго вождя пребуется, тогда ничто, думаю, и самъ ты того не ошвергнешь, не воспрепятшвуешь мнѣ сражаясь подшупишь подъ стѣны града, и сдержашъ данное мною небесамъ слово: онѣ да спасушь и сохраняшъ меня.

Тако рѣшилъ; и всѣ Францускіе вишязи, такожь и два младшіе брата его Бальдовины, въ томъ ему послѣдовали. Прочіе Князи и полководцы облеклись также въ меньше пляжелье доспѣхи, являя видъ пѣхошныхъ воиновъ. Между тѣмъ Срацины воспекаюшъ на ту часть стѣны, гдѣ она, просшираясь на западъ къ созвѣздію медвѣдицы, была по мѣстоположенію своему меньше безопасна.

И какъ всѣ прочія часши града были крѣпки и надежны, то къ сему единому мѣсту нечешивый царь собираетъ всѣхъ изъ народа сильнѣйшихъ, и къ нимъ въ услуженіе и на подъяшіе тяжкихъ трудовъ призываетъ и спарцевъ и ошроковъ, послѣднюю свою надежду. Сіи къ крѣпчайшимъ

ихъ носятъ извѣсть, сѣру, горячую смолу, каменіе и спрѣлы.

Вся сія часть стѣны, равному мѣсту прошивулежащая, уславлена оружіями и снарядами. Тамъ по срединѣ, какъ нѣкій ужасный исполинъ, стойтъ Султанъ Турецкій. Тамъ между зубцами возносятся превышающій ихъ главою, издали зримый, грозный Арганъ. Тамъ на высокой угловой вѣжѣ блистательнѣе всѣхъ являеся могущественная Клоринда.

На хребтѣ ея съ острыми спрѣлами виситъ тяжелый шудъ. Она уже держитъ въ рукахъ напряженный пѣшивой лукъ, и жаждущая поражать, прекраснѣйшая спрѣломешательница, перваго прихода враговъ ожидаетъ. Тако нѣкогда чаяли зрѣть нисшедшую съ неба Делосскую дѣву, съ высокихъ облаковъ пускающую спрѣлы.

Сѣдый царь Іерусалимскій ходитъ опъединныхъ врагъ къ другимъ; восплекаетъ на стѣны и смогриетъ, всѣ ли заблаговременно данныя имъ повелѣнія исполнены; ободряетъ и воспаляетъ защитниковъ оныхъ. Индѣ прибавляетъ людей, индѣ умножаетъ число орудій, и обо всемъ печется. Но печальныя мапери идутъ въ мечети молятся нечестивому своему лжепророку.

Преломи, Пророче, рукою своею праведною и сильною копіе зловерныхъ Фран-

ковъ, и враговъ сихъ, великое имя пвое оскорбляющихъ, разсыпъ и низложи предъ высокими врагами. Тако зывающъ; гласъ ихъ шамъ въ преисподней посреди вѣчнаго плача и смерти исчезаетъ неслышимый. Между тѣмъ какъ во градѣ моляшся и просяшъ, благочестивый Готфридъ учреждаетъ и распоряжаетъ свои войска.

Онъ выводитъ красивую съ великимъ искусствомъ двумя вереницами успроенную пѣхоту, грядущую косвенно на приступъ къ стѣнамъ градскимъ. Въ срединѣ капишся стѣнобитная громада и другіе пагубоносные снаряды, мещущіе, подобно перунамъ, на зубчатыя вершины стѣнъ и стрѣлы и каменья.

Позади развѣзжаетъ конница, разсылая повсюду свои ошряды. Готфридъ даетъ къ сраженію знакъ : мгновенно полетѣли несмѣшныя тысячи стрѣлъ и засвистали ринушыя снарядами орудія, уменьшившія между башнями и зубцами число защитниковъ ихъ. Иной убитъ, другой ушелъ, и густоша людей на стѣнахъ примѣшнымъ образомъ спала рѣже.

Тогда Франки, удвоя шаги свои, быстро несутся; часть изъ нихъ, смыкая щипъ со щипомъ, соспавляютъ надъ главами своими кровлю; часть же, укрываясь за полстыми снарядами, спасающа отъ сыплющагося на

нихъ града каменій. Тако пришекають къ пустому, глубокому рву, сшараясь замешать и сравняшь оный съ полемъ.

Ровъ сей по сухости мѣстоположенія своего не былъ ни шопкій, ни наводненный; почему, не смотря, что онъ былъ широкъ и глубокъ, забрасываютъ его хврасіемъ, каменіемъ, бревнами и глыбами земли. Ошважный Адрасъ первый, ошкрывъ главу и не сшрашась ни града камней, ни дождя кипящей смолы, приспавляетъ къ сшѣнѣ лѣсшницу.

Гордый Гельвешянинъ воспекъ уже на половину сего воздушнаго пуши, обрашя на себя шысячи сшрѣлъ, изъ коихъ ни единая не уязвила его столько, чшобъ воспрепашшвовала дерзкому его восходу; какъ вдругъ увѣсисшый круглый камень, быспро, аки бы изъ пушки ринушый, ударясь въ шлемъ свергаетъ его въ низъ: камень сей бросилъ Черкесъ.

Хошя ударъ и паденіе были не смершельны, однакоже шакъ шяжки, чшю онъ безъ чувшвъ и движенія просшерся на земли. Тогда громкимъ и свирѣпымъ гласомъ возопилъ Арганшъ: первый упалъ, кто придешъ вшорый? почшю явно нейдете на пришшупъ, прячушїеся воины, когда я не прячусь? не помогуть вамъ сшранныя ваши со-

громожденія : вы умрете въ нихъ , какъ дикіе звѣри въ логовищахъ своихъ .

Тако рекъ ; но христіянскія войска , не смотря на слова его , продолжающъ идиши скрыпно , и подъ чрепокожнымъ кровомъ шѣсно сомкнутыхъ щиповъ своихъ выдерживающъ и стрѣлы и всякія падающія на нихъ пѣлести . Уже соспавленные изъ огромныхъ бревенъ великіе овны и шараны съ полстыми желѣзными главами приближающъ ко врашамъ высокихъ стѣнъ , грозя имъ и ужасая ихъ своими удареніями .

Но въ сіе самое время спо сильныхъ рукъ низвергающъ съ высоты стѣнъ на сомкнутые шѣсно щипы огромный камень , кошорый , какъ нѣкая гора , покашяся и обрушася раздавилъ множество щиповъ и головъ , шакъ чшо земля обагрилась и усыпалась оружіями , кровію , мозгомъ и костями .

Тогда осаждающіе , видя себя подъ закрышіемъ снарядовъ своихъ не безопасными , оставляющъ сію ненадежную защиту , и выступя изъ за оной въ единой храбрости своей ищущъ успѣха . Иные приспавя лѣстницы лѣзущъ на верхъ , другіе сильными удареніями потрясающъ основаніе стѣны : она колеблешся , рушится , и уже многіе въ ней проломы предшавляющъ силамъ Франковъ .

Она бы давно уже низринулась и упала отъ повторенія ударовъ біющаго съ ужас-

ною силою шарана; но народъ, стоящій между зубцами и башнями, обороняетъ ее всѣми искусственными способами: куда покло шаранъ успремишся,туда опускаютъ набишые волною мѣхи, приѣмлющіе въ себя ударъ его, и уступчивостію мягкаго вещества своего опъѣмлющіе у него силу.

Между шѣмъ какъ храброе воинство грудью къ шѣнамъ градскимъ приспупаетъ, Клоринда семь разъ наклоняетъ лукъ свой, семь разъ напрягаетъ шепиву и пускаетъ стрѣлу: каждая изъ нихъ лепишъ и въ благороднѣйшую кровь и желѣзо и перья свои омоклетъ; ибо гордая дѣва пролитіе низкой крови не почишетъ себя доспойнымъ.

Первый пораженный ею воинъ былъ младшій Англинскаго Короля сынъ. Едва показался онъ изъ за снарядовъ, какъ ниспущенная съ верху люшая стрѣла ударяетъ въ него и пробивъ кольчужную рукавицу вонзаетъ въ правую его руку: приведенный въ неспособность къ продолженію бишвы отходитъ онъ больше глѣвомъ, нежели болѣзнію шерзаемый.

Графъ Амбозійскій на краю рва, и Французъ Клошарій на лѣстницѣ, оба убишые, одинъ стрѣлою, пронесшеюся сквозъ грудь и хребетъ, другой сквозъ ребра и ребра на вылетъ. Фландрскій Графъ, направлявшій удары шарана, раненъ въ лѣвую руку: онъ хо-

шѣлъ вырвать вонзившуюся въ него стрѣлу, но желѣзо оспалось въ шѣлѣ.

Неоспорожному Адемару, издалека смощрѣвшему на жестокую бишву, вонзается пернашая просѣ въ самое чело. Онъ хватаетъ правою рукою раненое мѣсто, но въ шожъ время прилетѣвшая другая стрѣла пригвождаетъ руку его къ лицу. Онъ падетъ на землю и первосвященническою кровію обливаешь женское оружіе.

Паламеда, бывшаго недалеко отъ зубцовъ шѣсны и смѣло, презирая всякую опасность, восходившаго по ступенямъ лѣстницы, уязвляетъ седмая стрѣла въ правую бровь, и расшерзавъ глазныя жилы проходитъ окровавленная сѣвось зашылокъ: онъ падетъ и умираетъ при подошвѣ шѣсны, на кошорую восшекалъ.

Такъ стрѣляетъ Клоринда. Готфридъ между шѣмъ новыми нападеніями шѣснитъ обороняющихся. Онъ придвинулъ ко вратамъ градскимъ единую изъ величайшихъ своихъ громадъ. Сія огромная изъ полстыхъ бревенъ сооруженная башня вершиною своею равняется съ вершиною шѣсны; она людьми и орудіями обремененная движется везомая на колесахъ.

Движется спрашная громада, и мечущая изъ себя стрѣлы и копья ищетъ приближиться къ сопропивной шѣснѣ, подобно

кораблю стремящемуся во время бою сѣ-
питься съ другимъ кораблемъ. Но оборо-
няющіе стѣну спараются ей въ помъ вос-
препятствовашь: не допускають, упираюш-
ся бревнами въ чело ея, и оспрыми берды-
шами рубящъ и каменьями громящъ ее по
зубцамъ, бокамъ и колесамъ.

Толико въ шу и въ другую спрану не-
сешся спрѣлъ и наменій, что небо опъ нихъ
шемибешъ. Двѣ шуци сперлися въ воздухъ,
и часто пущенныя орудія, другъ въ друга
ударясь, отраженныя лещящъ обратно. По-
добно какъ съ древесныхъ вѣтвей, потря-
саемыхъ оледенѣвшимъ дождемъ, падають
несозрѣлые еще плоды, тако съ высохы
спѣнъ валящся Срацины.

Они меньше снабѣнныя и вооруженныя
желѣзными вещами большій претерпѣвають
уронъ; многіе изъ нихъ даже и нераненые
обращаются въ бѣгство, страхомъ великой
громовержущей башни обуюнныя. Но бывшій
Царь Никейскій спойтъ неподвиженъ, и мно-
гихъ боязливыхъ удерживаешъ и вливаешъ
въ нихъ духъ бодрости. Дерзостный Ар-
тантъ припекаешъ, и схвативъ толстое
бревно, оспанавливаешъ движущуюся гро-
маду.

Онъ упираешся въ нее, и сколько естъ
въ немъ силы, держищъ ее на всю длину
бревна ошдаленною. Мужеспвенная Клорин-

да сходитъ также къ нему и раздѣляетъ съ нимъ пруды и опасности. Франки между тѣмъ длинными косами опрѣзываютъ веревки, на коихъ висятъ набитые мякотью мѣхи; они падаютъ и ославляютъ стѣну безъ обороны.

Тако верхъ стѣны высокою башнею, низъ же сильными ударами шарановъ попра-сается, и вскорѣ разрушенная и проломлен-ная начинаетъ она открывать внутреннія и потаенныя части града. Тогда верховный вождь покрытый великимъ щитомъ своимъ, въ рѣдкихъ случаяхъ имъ употребляемымъ, подходитъ ближе къ колеблющейся стѣнѣ.

Отселѣ внимательно высматривая сквозь нее, видишь Солимана сшедшаго въ низъ и шекущаго къ защитѣ сихъ опасныхъ про-биныхъ въ ней опверстий. Клоринда же и Арганъ оспались оборонять вершину оной. Готфридъ зря сіе возгараея великодуш-нымъ рвеніемъ и мужествомъ.

Онъ обращая къ Сегіеру, несшему за нимъ другой щитъ и лукъ со стрѣлами, вѣ-щаетъ ему: подай мнѣ, о вѣрный мой щито-носецъ, сіе меньше тяжелое бремя, я хочу покуситься первый по симъ разрушеннымъ камнямъ пройти сквозь сію развалину. Вре-мя уже какимъ либо отважнымъ дѣяніемъ оказатъ намъ нашу доблесть.

Но едва, перемѣняя щипъ свой, произнесъ онъ сіи слова, какъ налетѣвшая внезапно спѣрѣла поражаетъ его въ ногу, въ самое то мѣсто, гдѣ жилы соединяются и боль несравненно чувствительнѣе. Клоринда! слава гласитъ, что твой то былъ ударъ; къ тебѣ единой честь сію относятъ, и что народъ Магомешанскій въ сей день избавленъ былъ отъ плѣна или смерти, тебѣ то приписуютъ.

Преисполненный твердостію духа вождь, почти не чувствуя острой причиняемой раню болю, восходитъ по каменьямъ въ проломъ и воиновъ своихъ слѣдовать за собою поощряетъ; однако видя наконецъ, что крѣпко уязвленная нога ему не служитъ, и боль отъ движенія чрезмѣрно раздражается, принужденнымъ себя находитъ уклониться отъ приступа.

Онъ мановеніемъ руки призываетъ къ себѣ благодушнаго Гвельфа и вѣщаетъ ему: я долженъ удалиться отъ битвы; ты заступи мѣсто вождя, и недосмапокъ отсустствія моего замѣни. Я не долго останусь; иду и возвращусь. Сказавъ сіе отходитъ и садится на легкаго коня, но не можетъ такъ скрытно пробѣжать въ спань, чтобы взоры войскъ на него не обращались.

Съ отбытіемъ верховнаго вождя частіе Франковъ колеблется и уступаетъ. Силы

Ч а с т ь IX.

2

противной стороны расшутъ; надежда, воспрянувшая, ободряетъ ихъ. Спремительность и пылкость въ сердцахъ вѣрныхъ съ переменною щастіемъ пошухаютъ. Уже мечь ихъ не съ такою жадностію ищетъ крови, и даже самые гласы трубные оскудѣваютъ и стихнутъ.

Вскорѣ на стѣнахъ между зубцами появляющіяся снова толпы прогнаннаго съ нихъ народа, и самыя жены, смотря на храбрую Клоринду и воспаляясь истинною къ опечесству любовію, бѣгутъ съ подобранною одеждою и распрепанными волосами, мещутъ стрѣлы и не спрашиваютъ за стѣны любезнаго имъ града подвергать жизнь свою опасности.

Наипаче же то, что приступающимъ навело болѣе страха, а у противниковъ ихъ ошнало оный, было, что великодушный Гвельфъ, на виду обоихъ народовъ, пораженный упадаетъ. Злощастіе восхошгло, чѣмъ ринутый издалече камень нашелъ его между тысячами другихъ ранящихъ. Въ тоже время подобнымъ же образомъ уязвленный Раймондъ повергается на землю.

Храбрый Евстаеій на краю рва былъ также шяжко раненъ. Въ сіе несчастное для Французовъ время ни одинъ камень или стрѣла, сопротивниками ихъ пущенная, не пролетала безъ того, чѣмъ не опадѣ-

лишь у многих души отъ тѣла, или по крайней мѣрѣ не нанесъ жестокаго удара. Возгордѣвшій сими успѣхами Черкесъ возвыся гласъ свой заревѣлъ громко:

Эшо не Аншюхія вамъ; здѣсь подъ ночнымъ мракомъ не скроешь своихъ обмановъ. Здѣсь, вы видите, солнце свѣтитъ, люди не спятъ, иной образъ войны, иная оборона. Чшожь вы ошоропѣли? куда дѣлалась жадность ваша грабишь и славишься? чшо нейдеша больше на присупъ? чшо шакъ скоро усшали, о не Французы, но Француженки!

Тако насмѣхаешься, и такою опважный вишазъ сей воспаляется дерзостію, чшо пространство обороняемаго имъ града кажешся ему тѣсно для его подвиговъ; онъ быстрыми шагами спремится къ содѣланному въ стѣнѣ пролому и воспекая на оный споявшему недалеко отъ него Солиману вопіешъ:

Солиманъ! се мѣсто и время показашъ намъ нашу храбрость. Чшо стойшь? чего бойшься? за стѣнами града ожидаешь насъ слава; посмотришь, яшо изъ насъ двухъ больше о ней рачишь. Тако рекъ, и оба они спремительно выдаются, одинъ бѣшенствомъ, другой честію и гордымъ приглашеніемъ порѣваемый.

Оба незапно и вдругъ нападаютъ на противниковъ, и другъ передъ другомъ

отплічаясь столько убивають людей, разрубають щиповъ и шлемовъ, раздробляють лѣсники и парановъ, что казалось изъ нихъ, смѣшавшихся съ грудями разбросанныхъ камней, возникла новая гора, заслонившая старую обрушенную стѣну.

Люди, недавно предъ симъ державшіе съ удивительною смѣлостію воспекаль на вершину стѣнъ, не токмо не помышляютъ теперь о завоеваніи града, но едва обороняются, и ославляя снаряды свои на разрушеніе и содѣланіе ихъ къ новому приступу неспособными, уступаютъ пораженіямъ двухъ вишней: съ такою пылкостью и гнѣвомъ нападаютъ они на нихъ!

Оба Магомешанина, шопъ и другой, спремьшл, простираются далѣе, и уже повелѣваютъ жителямъ града подати себѣ два зажженныхъ бревна для воспаленія огромной, сооруженной Христіянами башни: шакко изъ врагъ адскихъ, на погибель свѣта, исходящъ исполнители Плешоновыхъ повелѣній, двѣ злобныя сесеры, потрясая пламенниками и зіющими на главахъ ихъ вмѣсто власъ змїями.

Но непобѣдимый Танкредъ, поощрявшій въ иномъ мѣстѣ Италіянцевъ своихъ къ восходу на стѣны града, какъ скоро узрѣлъ невѣроятные успѣхи противниковъ, и сугубый пламень, и два великія бревна, пот-

часть посреди слова прерываетъ гласъ свой и лепитъ обуздавъ ярость Срациновъ; онъ съ такою храбростію подвизается, что кто побѣждалъ и гналъ, бѣжитъ пеперь уступая.

Такое состояніе битвы при перемѣнѣ счастья перемѣняетъ видъ свой. Между шѣмъ уязвленный вождь, сопровождаемый вѣрными Сегіеромъ и братомъ своимъ Бальдовиномъ, прѣзжаетъ въ шашеръ свой; печальные друзья спекаются и окружаютъ его. Онъ спараясь и поспѣвая извлечь изъ раны стрѣлу, преломляетъ оную.

Хочетъ, чтобы всѣми возможными способами излѣчили его немедленно. Велишь каждую скважину въ ранѣ освидѣтельствовать, и гдѣ надобно, рѣзать, не опасаясь причиненія боли. Осправьте меня на брань, да не кончится она безъ меня въ сей день. Тако вѣщаетъ, и опершись на длинное ратовище великаго копія, проспираетъ ногу свою къ ножамъ.

Уже спарець Эрошимъ, рожденный на берегахъ Эридана, приспупаетъ къ урочеванію его; онъ искусенъ былъ въ знаніи свѣйствъ и силы цѣлебныхъ правъ и соковъ; музы также ему благопріятствовали, но онъ восхотѣлъ посвятивъ себя наукамъ меньше громкимъ и велерѣчивымъ: спарался шокмо слабыя шѣла людей спасать опъ

смерти, но могъ бы и имена ихъ шворить
безсмертными.

Стойшь опершись съ швердымъ лицемъ
не выпускающій ни малѣйшихъ жалобъ ве-
ликодушный вождь; врачъ же съ препоясан-
нымъ запономъ и шонкими засученными
рукавами, щещно по сильными шрами,
по искусною рукою покушается извлечь
увязшую стрѣлу; по перстами шашаетъ
оную, по цѣпкимъ желѣзомъ шянешъ, но
безполезно.

Щастіе искусству и намѣреніямъ его ни
мало не благопріятшвуешь, и жестокое
спраданіе доблестнаго вождя доспигаешь
до такой степени, что становишься почти
убійшвеннымъ. Тогда Ангель хранишель,
сжался надъ его мученіемъ, срываетъ на
горѣ Идѣ мохнатый багрянаго цвѣта злакъ,
когого младыя листья имѣють великую силу.

Природа научаетъ дикихъ на горахъ
козъ прибѣгать къ цѣлебной силѣ, сокровенной въ семъ злакѣ, когда уязвленные
несутъ онѣ увязшую въ боку своемъ пернатую стрѣлу. Сіе, хотя и далеко расшущее
зеліе, Ангель мгновенно приносишь, и сокъ
онаго въ приготоженный для врачеванія
сославъ невидимо вливаешь.

Онъ примѣшиваетъ къ тому благовонную
Панацею и спасительную Лидійскаго
источника воду. Спарецъ омываетъ рану,

спрѣла сама собою выходишь, кровь пресшаешь печь, боль унимается и силы возрасшаюшъ. Тогда Эрошимъ возопилъ: нѣшъ, не искусство и не моя смершная рука тебя исцѣлила.

Высшая сила спасаетъ тебя: Ангель, мню, для возвращенія тебѣ здравія низшелъ на землю; я вижу небесной руки знаменія. Не медли, вооружайся, исходи на брань. Благочестивый Гошфридъ, въ нешерпѣни предшаешь предъ воинство, обуваешь въ гладконапшянушы сапоги, пошрясаешь великимъ копіемъ, и на главу свою празднолежавшій шлемъ паки возлагаешь.

Онъ исходишь за предѣлы шана, шысячію воиновъ послѣдуемый, и направляешь путь свой въ шрану, гдѣ присшупаюшъ къ проломленной стѣнѣ града: облако пыли подѣмлепшя надъ ними; земля подъ шпопами ихъ колеблешся и шпонецъ. Непріятели съ вышины стѣны издалуче узрѣли его приближающагося: шпахъ объялъ ихъ, и хладный шрепешъ прошекъ по ихъ жиламъ; онъ же громовымъ гласомъ восклицаетъ шрикрашно.

Народъ, познавъ гордый гласъ его и клики, поощряющіе къ брани, воспалаетъ прежнимъ огнемъ и съ новою шпремешельношцію кидаетъ на враговъ. Но уже свирѣпая двоица Срацинъ успѣла шпахъ

въ проломѣ стѣны, прошивуборсствуя слящемуся пройти сквозь нее храброму Танкреду и другимъ вмѣстѣ съ нимъ приступающимъ.

Сюда сокрытый во всеоружіи, гнѣвнѣ и грознѣ, припекаешь верховный вождь Франковъ, и при первомъ прибытіи своемъ мещешь въ яросшнаго Арганша громоносный дрошикъ свой. Ни единой стѣноломный снарядъ не могъ бы съ такою силою ринуть копія своего: лешить, шумя въ воздухѣ, толстое, суковавшее древко: Арганшъ, безъ всякаго спраху прошивупоспавляетъ ему щипъ свой.

Острое копіе разверзаетъ щипъ, пронзаетъ крѣпкую броню, и проицая всякій оплошь, уполяетъ кровію Срацина; но онъ, не смотря на боль, вырываетъ его изъ жилъ своихъ, опшоргаетъ опъ брони и кидаетъ обратно въ Готффрида, вопіа: швое оружіе назадъ къ шебѣ посылаю.

Дрошикъ, нанесшій рану, шѣмъ же путемъ возвращаясь, несетъ шеперь мщеніе; но не того уязвляетъ, въ кого направленъ былъ: Готффридъ уклонилъ опъ него главу свою, и онъ, пролешѣвъ мимо, раздираетъ горло вѣрнаго Сегіера. Сей, умирая за вождя своего, не сожалѣетъ, что распадется съ жизнію.

Почши въ шожее время Солиманъ пора-

жаешь камнемъ Нормандскаго вишья: сей падешь и обуянный силою удара камишься подобно кубарю. Тогда Гошфридъ, шолкими убійствами раздраженный, не можешь болѣе воздержаться отъ ярости, испоргаешь мечъ свой, возносишься на груды развалинъ и приступаетъ ближе къ бивву.

Онъ чудесные оказываешь тамъ подвиги, отъ коихъ произошли бы люпыя и кровавыя слѣдствія; но насупившая ночь сокрыла свѣтъ подъ ужасами темныхъ криль своихъ и распросерла мирные мраки между кипящими шолкими гнѣвомъ злощасными смертными, шакъ что Гошфридъ долженъ былъ опспустить: шакъ пагубнаго дня сего былъ конецъ.

Но прежде опшества съ поля брани благочестивый вождь повелѣваетъ всѣхъ изнемогшихъ и раненыхъ забрать съ собою; не хочешь шакъ и ошашки воинскихъ снарядовъ опдать въ добычу непріателямъ: велишь спасаешь ужасающую враговъ огромную башню, хотя уже она отъ страшноты бури во многихъ мѣстахъ повреждена и разбиша.

Испорженная изъ великой опасности влечешь она въ безопасное мѣсто; но подобно кораблю на всѣхъ парусахъ, презирая волны, плывущему, и кошорый въ виду приспанища на подводномъ камнѣ, или на мѣли

оспанавливается; или подобно коню, скачущему по шруднымъ спезямъ, и близь спокойнаго жилища своего колеблясь упадающему.

Такъ громада сія препинается: оба слабя колеса подъ избишою каменьями спраною ея, сокрушающіяся, и она обрушенная и преклоншаяся пребываетъ неподвижною. Люди, кои сопровождали ее, остающіяся при ней, и многими утверждающъ ея подпорами; вскорѣ пошомъ приспѣвшіе древодѣлатели и млашобійцы всѣ ея поврежденія исправляющъ.

Готфридъ прислалъ ихъ, повелѣвая, чшобъ прежде восхожденія солнца была она исправлена. Онъ оградилъ ее поставленною со всѣхъ сторонъ спражею. Но спухъ орудій, гласы работающихъ, были во градѣ слышны, и видны штысячи пылающихъ огней, ошколѣ непріятели могли легко о происходившемъ у нихъ догадываться и узнавать.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ-НАДЕСЯТЬ ПѢСНИ.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь втора надесятъ.

Ночь покрывала землю, но упомянутые люди не вкушали еще сна. Съ одной стороны Франки недремно работали и стояли на стражѣ; съ другой Магомешане поправляли шрапсуемые оплошны свои и укрѣпляли разломанные и валящіяся стѣны. Оба же народа пеклись о вспоможеніи раненымъ.

На послѣдокъ подавъ имъ помощь и приведя къ окончанію нѣкошорыхъ ночныхъ работъ, другія же при умножившемся мракѣ и тишинѣ оставляя предаются покою. Но храбрая работница, алчущая чести и славы, не смыкаетъ очей своихъ, и преспающихъ ошъ трудовъ не преспаешь побуждаешь къ онымъ. Арганшъ ходишь съ нею, и она сама съ собою разсуждаетъ:

Поиспинѣ въ сей день Турецкій Султанъ и мужественный Арганшъ оказали необычайные и удивительные подвиги: вышли одни противъ шолікаго числа войскъ и разгромили сооруженные Христіанами снаряды. Я однимъ, и шолько однимъ, похвалишься могу, что съ вышоты стѣны довольно удач-

но мешал аспрѣлы во враговъ; но развѣ больше сего не можешь женщина?

Лучше бы гоняшься мнѣ въ лѣсахъ за звѣрями и кидашь въ нихъ копыя и дрошки, нежели здѣсь, гдѣ мужи опшичаются храбросію, являешься между ими боязливою дѣвою! почто не облакаюсь въ приличную мнѣ женскую одежду и не сижу зашворенная въ шеремѣ? Тако сама себя укоря размышляешь, и наконецъ, взявъ швердое намѣреніе, обращаешься къ Арганшу и вѣщаешь:

Давно уже шаишься въ умѣ моемъ не дающая мнѣ покоя необычайная и смѣлая мысль. Не знаю, Богъ ли мнѣ вложилъ ее, или человѣкъ желаніе свое пріемлеть за Бога. Ты видишь вѣдѣ спана непріятельскаго горящіе огни: я иду шуда съ мечемъ и пламенемъ превращишь въ пепель огромную ихъ башню. Хочу исполнишь по какой бы небо ни опредѣлило мнѣ жребій.

Естьли случится, что судьба моя не допустишь мнѣ возвратишься назадъ, я препоручаю тебѣ заступающаго мѣсто отца моего, и вѣрныхъ моихъ рабынь. Пошцись сокрушающихся дѣвицъ и слабого старца опшравишь въ Египешъ: полъ ихъ и старость его достойны пвоего сожалѣнія.

Удивляется Арганшъ, и въ пожъ самое время грудь его воспаляется ревностію ко славѣ. Ты пойдешь шуда, опшѣтствуешь,

и меня съ простымъ народомъ здѣсь оста-
вишь? Я спану изъ безопаснаго мѣста смо-
трѣшь и радовашься на клубящійся дымъ
и горящія искры? нѣтъ, нѣтъ! бывъ сопо-
варищемъ швоимъ въ войнѣ, хочу быть
шѣмъже и въ славѣ швоей и въ смерши.

Я въ сердцѣ моемъ, презирающемъ опас-
ности, шoliko же какъ и шы чувствую,
что чести лучше жизни. Ты доказалъ это,
прервала Клоринда, достойнымъ вѣчной па-
мяши исходомъ швоимъ изъ града. Я жен-
щина, смерть моя не подвергнешь никако-
му бѣдствію сей страны; но ешлы шы
падешь, небо да не дастъ сему событься!
Кшо защишишь тогда стѣны градскія?

Арганшъ опивѣшшвуесть: шщепно не-
правыми предлогами мнишь поколебашь
швердую мою волю. Послѣдую шпопамъ шво-
имъ, ешлы поведешь меня; но предварю
ихъ, ешлы опкажешь. По семъ оба идуть
къ царю, засѣдавшему между вельможами и
царедворцами своими. Государь! начинаешъ
Клоринда, внемли намъ, и да будущъ пред-
ложенія наши тебѣ угодны.

Арганшъ обѣщаетъ, и обѣщанія его не
шщепны, сжечь грозную непріятелей на-
шихъ башню. Я иду съ нимъ, и мы для шого
шюмо медлимъ, чтообъ шрудъ работающихъ
надъ нею болѣе упомиаъ и преклонилъ ихъ
ко сну. Царь воздѣваетъ руки на небо и

радостныя слезы текутъ по наморщенному его лицу: благодарю тебя, вопіешь, о ты, обращающій очи на рабовъ твоихъ, и царство мое мнѣ сохранишь благоизволяющій.

Не падешь оно такъ скоро, нѣтъ, когда шоль великодушныхъ имѣешь защитниковъ. Но какую равную доблестямъ вашимъ, почтенная чета, могу я воздашь вамъ хвалу или возмездіе? да превознесешь васъ громкимъ во усахъ всего свѣща гласомъ безсмертная слава; да будущъ наградою вамъ дѣла ваши и немалая царства моего часть.

Такъ вѣщаешь сѣдовласый царь, и по единого, по другую усердно объемля лобызаетъ. Турецкій Султанъ, присушествовавшій съ ними, не скрывая возникшаго въ груди своей великодушнаго соревнованія, восклицаетъ: не праздно и я ношу мечъ сей, иду вмѣстѣ съ вами, или немедленно за вами въ слѣдъ. Ахъ, Государь, ошвѣстивуешь Клоринда, неужь ли всѣмъ намъ успремимся на сіе предпріятіе? есѣли и ты пойдешь, ктожь оспанеся?

Такъ рекла, и уже гордый Аргантъ пригошовляется опказать ему, но царь Іерусалимскій предупредилъ его и ласково сказалъ Солиману: многими опытами, великодушный випязь, доказалъ ты, что всегда въ бояхъ самому себѣ подобный, не ошвра-

щался ты ни ошъ какихъ опасностей, не ушомлялся никакими шрудами.

И знаю, что изшедъ изъ града содѣлалъ бы ты достойные тебя подвиги; но мнѣ кажешся не благополезно всѣмъ вамъ изыши опселѣ, и никому изъ васъ, славнѣйшихъ ратоборцевъ, здѣсь не оспашься. Даже и сихъ двухъ не согласился бы я оппусшшь, почитая жизнь ихъ нужною и драгоцѣнною, ешълибъ предприемлемое ими дѣло не споль было для насъ спасишельно, или бы кто другой исполнишъ оное могъ.

Но какъ огромную башню сію многіе поспавленные окрестъ ея спражи защищающъ. То малое число людей моихъ испребишъ ее не въ силахъ, а великое число послашъ не благоразумно: для сего храбрая чеша, вызвавшаяся на сіе важное предпріятіе, и многократно уже подобнымъ опасностямъ подвергавшаяся, да идетъ благополучно; ибо двое они вмѣстѣ превосходяшъ тысячу.

Ты же, какъ царской чести по приличію, съ другими, молю тебя, оспанься въ ожиданіи при врапахъ; и когда они, какъ надѣюсь, по сожженіи башни возвращашся, и ежели толпа враговъ за ними погонишся, тогда ты опрази ихъ, подкрѣпи и выручи спасающихся. Тако единъ Царь речетъ, другой словамъ его повинуется, но не охотно.

Тогда Исмень присовокупляетъ: не ис-

ходите скоро; да продлится ночь; я между тѣмъ пригошю ссавъ, ошъ копорого непріятельская башня удобнѣ восплаесть. Можешъ бышь, помедля нѣскольکو, найдешъ вы окружающихъ ее стражей спящими. Тако положили, и всякъ ошходишь къ себѣ, ожидая наступленія часа для совершенія сего великаго намѣренія.

Клоринда слагаетъ съ себя среброшканную одежду, и лучезарный шлемъ, и великолѣпные доспѣхи; она, какъ бы по нѣкому злопредвѣщанію, облакается въ иное чернобагровое одѣяніе, безъ перьевъ и украшеній; ибо въ ономъ мнишь бышь не познанною ошъ непріятельскихъ войскъ. Скопецъ Арсепъ присущствовалъ въ то время съ нею; она ошъ самыхъ пеленъ своихъ была имъ воспишана.

Онъ повсюду, не смотря на глубокую старость свою, за нею слѣдовалъ. Сей видя перемѣну доспѣховъ ея, предугналъ, на какую опасность она покушается: онъ преисполнился печалію, и бѣлыми власами своими въ попеченіяхъ о ней посѣдѣвшими, и памятію услугъ своихъ заклиная, неосмущено умолялъ ее, чшобъ она предпріяшіе свое оставила; но она пребывала въ немъ упорно.

Напослѣдокъ онъ сказалъ ей: когда шы къ собственной пагубѣ своей шоліко тверда и непреклонна, что ни старыхъ лѣтъ

моихъ, ни любви моей къ тебѣ, ни прозвѣ, ни слезъ моихъ не уважаешь, то я опкроюсь тебѣ болѣе: ты узнаешь о состояніи своемъ то чего никогда прежде не знала. Послѣдуй тогда своимъ желаніямъ, или моему совѣту. По сихъ словахъ она приспально устремляешь на него взоры, а онъ продолжаетъ.

Въ Эѳіопіи царствовалъ, а можешь быть и нынѣ еще царствуетъ, обладавшій благополучно ею Сенапъ; онъ и чернолицый народъ его покланяюща Христу. Я, Магометанинъ и невольникъ, вмѣстѣ съ женскимъ поломъ приспавленъ былъ служить супругѣ его, его царицѣ черной, но черноша не отрицала красоты.

Царь пылалъ къ ней страстію, но огонь любви его равенъ былъ мразу ревности: мучительное чувство сіе мало по малу въ подозрительномъ сердцѣ его возрастая, до такой наконецъ степени достигло, что онъ заперъ супругу свою въ уединенное мѣсто, и хотѣлъ бы сокрытъ ее не токмо отъ людскихъ очей, но чтобы и небесныя звѣзды на нее не взирали. Она, благоразумная и послушная, охотно повиновалась всему, что супругу ея было угодно.

На стѣнахъ храмины ея изображены были многія изъ священныхъ и жалостныхъ повѣствованій почерпнушыя живописанія, между коими являлась одна бѣлолицая, съ

Часть IX.

3

играющимъ на ланищахъ ея румянцемъ, прекрасная дѣва, и на нее, прикованную, уснарялся съ разинутою пастью спрашнй змій. Вооруженный копіемъ воинъ поражалъ сіе чудовище и окровавленное повергъ оное къ своимъ ногамъ. Царица часто предъ симъ изображеніемъ съ живыми чувствами и умиленіемъ преклонялась.

Между тѣмъ она очреватѣла и родила бѣлую дѣвицу; ты была сей плодъ: она удивилась, и сей необычайный цвѣтъ не меньше, какъ бы и новое чудовище, привелъ ее въ препенъ: зная супруга своего яроснь, когда онъ по бѣлизнѣ лица твоего въ вѣрности ея усумнился, она рѣшилась наконецъ скрыть отъ него новорожденное дитя.

И вмѣсто себя предприемлешь показать ему черную понши въ шожъ время родившуюся дѣвицу. И какъ башня, въ коей она содержалась, ни кѣмъ инымъ, кромѣ женъ и менл, не была обитаема, то и поручила она тебл некрещеную мнѣ, искренно ей преданному и съ усердіемъ служившему. Ты не могла воспріять крещенія, потому что обычай той земли еще того не позволяли.

Она съ горькими слезами опдала мнѣ себя на воспитаніе въ даленихъ отъ ней странахъ. Кто можешь описать горестъ ея и спократно повшоряемыя при послѣднемъ прощаніи лобызанія? съ поцѣлуями ли-

лись слезы и ласки ея къ тебѣ прерывались безпрестанными рыданіями. Возвела напослѣдокъ очи на небо и рекла: о Боже! шы во всякое таинство проникаешь и внутренность души моей зришь.

Ты знаешь, безпорочно ли сердце мое, и соблюдала ли я въ чистотѣ плоть мою и брачное ложе. Не молю за себя, тысячами другихъ пресступлений оскверненную и милосердія твоего недостойную; спаси невиннаго младенца, коему оприцаетъ мать груди своей млеко. Да будетъ онъ живъ и шонмо честностію мнѣ подобенъ; щастливымъ же бышь да наставишь его другой.

Ты небесный воинъ, избавившій юную дѣву отъ люпыхъ угрызеній змія, ешьли возжигала я предъ тобою свѣщу благоговѣнія, ешьли когда либо украшала образъ твой златомъ и курила предъ нимъ жерпву благоуханія, прими подъ кровь твоя сію вѣрную тебѣ рабу, ходапайствуй о ней, и да прибѣгаетъ она къ тебѣ во всякихъ обстоляніяхъ жизни. Тутъ умолкла; сердце ея стѣснилось и смертная блѣдность по лицу ея распростерлась.

Я проливая слезы взялъ тебя и въ малой корзинкѣ подъ лисьями и цвѣтами сокрытую унесъ. Ни единое око человѣческое тебя не зрѣло, и не единое о семъ слово изъ устъ моихъ не излетѣло. Тайными

*

пушми пробравшись шель я чрезъ густой, дремучій лѣсъ; какъ вдругъ увидѣлъ сверкающую яростными очами ужасную на встрѣчу пекущую ко мнѣ львицу.

Я бросился на древо и себя на правѣ оставилъ: шоль великій объялъ меня страхъ! Люпый звѣрь приходитъ и гордую главу преклоня на тебя смотришь. Зракъ его смягчаешь, ярость исчезаешь, и въ очахъ являешься крошость. Онъ тихо къ тебѣ подслунаешь и языкомъ своимъ тебя лижешь, а ты улыбаешься и его ласкаешь.

Ты играя съ нимъ, слабую руку свою безъ боязни къ острымъ зубамъ его простираешь. Львица, на подобіе кормилицы, станавится и приближаетъ сосцы свои къ ушамъ твоимъ; ты ихъ приемишь и сосеешь. Я въ страхѣ и смятеніи смотрю на сіе удивительное, необычайное зрѣлище. Дикій звѣрь, напоставъ тебя млекою своимъ, уходитъ въ густошу лѣса.

Я слезаю съ дерева, беру тебя, и продолжаю шоль же пушь, копорымъ прежде шель. Прихожу наконецъ въ нѣкій малый градецъ и въ немъ пайно тебя воспитываю. Солнце совершаетъ годовой кругъ свой и новаго круга шрецію часть: языкъ твой разрѣшается, ты начинаешь лепешать, и ноги твои, еще не швердыя, пишушь по гемаѣ кривые слѣды.

Но богатый и пресыщенный златомъ, щедро при опбышїи моемъ царицею мнѣ даннымъ, чувствуя обремененіе приближающейся старости и наскуча безпокойною странническою жизнію, пожелалъ я возвращишься въ опечесство, дабы на любимой родинѣ съ старыми друзьями пожилъ и въ зимніе холоды у собственнаго огня своего погрѣвшись и побесѣдовавъ.

И шакъ отъѣзжаю, беру себя съ собою, и пушь мой въ Египеть, гдѣ я родился, направляю. Вдругъ, по прибышїи къ рѣкѣ, вижу себя спѣсненнымъ съ одной спороны разбойниками, съ другой рѣкою. Что дѣлать? Спасишься хочу, но тебя, драгое бремя, оставишь не желаю. Въ сей крайности кидаясь вплавъ и одною рукою держу себя, а другою разсѣкаю волны.

Попокъ былъ весьма быстрый, вода по срединѣ сама себя крушитъ и вертитъ. Подплывая къ тому мѣсту, гдѣ она глубже и водовращеніе больше, чувствую, что она меня тянетъ и погружаетъ на дно: тогда выпускаю себя изъ рукъ, но вода подьмелетъ и вѣспрь совокупно съ нею выносятъ тебя безвредну на мягкій берегъ. По семъ и я изнеможенный и едва дышущій выплываю на оный.

Съ веселіемъ беру себя, и попомъ, когда ночь простерла повсюду глубокую ши-

шину, вижу во снѣ воина, который съ угрозами обнаженный мечъ свой къ груди моей пришивая, повелительно вѣщаль мнѣ: исполни, что отъ мащери тебѣ поручено, окрестии младенца сего, любимаго небесами, и моему попеченію вѣреннаго.

Я хранитель и защитникъ его; я далъ духъ жалости звѣрю и разумъ водѣ. Горе тебѣ, естли сну сему не повѣришь; онъ низпосланъ съ неба. Тушь воинъ умоля. Я проснулся, возспаль, и съ первыми лучами солнца стопы мои опшолѣ направилъ. Но почитая вѣру мою правою, и сновидѣніе мечтою, окрестишь себя не мыслилъ,

Прозвѣь мащери твоей не исполнилъ; воснипаль себя въ магомешансшвѣ, и то, что происходило, отъ тебя сокрылъ. Ты возрасла и смѣлостію духа и храбростію далеко полъ свой и природу превысила, славу и области приобрѣла, и какъ пошомъ жизнь свою провождала, сама знаешь, и вѣдаешь также, что вмѣстѣ ошцемъ и служипелемъ я слѣдовалъ за тобою во всѣхъ швоихъ воинскихъ путешешствіяхъ.

Наконецъ вчера, на ушренной зарѣ, когда погружень я былъ въ пляжій, подобный смерти сонъ, явился мнѣ пошъ же самый образъ, но болѣе смященный зракомъ, и болѣе во гласѣ грозный: се, рекъ онъ, измѣнникъ, часъ наступаетъ, въ который жизнь

и судьба Клориндина должна премѣниться. Не смотря на твое непослушаніе, она будетъ моя, а ты наследуешь горестъ и слезы. Сказавъ сіе полетѣлъ и въ воздухѣ исчезъ.

Теперь видишь, о возлюбленная, что небо угрожаетъ тебѣ страшными приключеніями. Не знаю, можешь быть оно не благоволишь, что воспишалъ я тебя въ различной съ твоими родителями вѣрѣ; можешь быть вѣра ихъ есть правая. Ахъ! опложи сіе оружіе, и духа твоего смѣлство обуздай. Тупъ умолкъ и проливалъ слезы; она же усмращенная погружается въ мысли, какъ бы другой подобный же сонъ обременялъ ея сердце.

Напоследокъ воспріявъ прежнюю веселость вѣщаетъ ему: послѣдую той вѣрѣ, кажущейся мнѣ правою, копорую ты съ молокомъ кормилицы въ грудь мою влилъ, и теперь приводишь меня въ сомнѣніе о ней. Не хочу, чтобъ подвигнушая страхомъ, опреклась я оцъ моего предпріятія: таковой поступокъ неприличенъ великодушному сердцу; не опложу оружія, хотя бы смерть, приводящая въ содроганіе смертныхъ, въ самомъ ужаснѣйшемъ видѣ предшала предо мною.

По семъ старалась она утѣшить плачущаго старца; и когда часъ къ исполненію

намѣренія насталь, тогда пошла она обрѣсши война идущаго съ нею на сей великій подвигъ. Исмень соединяешь съ ними, и рвеніе, уже и безъ шого пылокое въ нихъ, словами своими еще болѣе умножаешь. Онъ даетъ имъ два сѣросмольные шара и заключенный въ мѣдномъ сосудѣ для возжиганія ихъ огонь.

Они ночью исходятъ безмолвны, и по горѣ спускаются длинными и частыми шагами, покуда не приблизились къ шому мѣсту, гдѣ вознося главу свою стойтъ огромная непріятельская башня. Духъ возгорѣлся, сердце въ нихъ закипѣло, шакъ что въ порывахъ гнѣва желали бы они мгновенно все преврашш въ кровь и огонь. Спража окликаешь ихъ и спрашиваешь.

Они идутъ не ошвѣстшвуя: тогда спража громкимъ гласомъ къ оружію, къ оружію, повшоря возглашаетъ. Тушъ храбрая чеша не медлитъ и не скрываетъ себя болѣе: какъ молнія или бомба вмѣстѣ съ возблиспаніемъ гремитъ и ударяетъ, шакъ они вдругъ и во единъ мигъ кидаются, нападаютъ, разятъ, прорывающся и достигающъ.

Тысячи мечей и шысячи ударовъ не могли воспрепятствовать ихъ успѣхамъ. Раскрываютъ огниво и возженными фишилями воспала огнеліющіе шары повергаютъ ихъ во внушренность многодревой громады. Кшо

можешь изобразить, какъ извивается, растесть и повсюду распространяется пламя? и какой густой, свѣтлостью звѣздъ помрачающій, валишь дымъ?

Зри, какъ пламенные клубы въ черномъ крушащемся дыму вращаются и несущся къ небу! Въспрь воешь, и умножая силу пожара, многіе огни во единъ совокупляешь. Яркое сіяніе свѣта поражаетъ ужасомъ очи Франковъ: всѣ они съ поспѣшностію вооружаются. Огромная, шоліко въ брани страшная башня, падетъ, и во единъ крашній часъ шоль долговременные шруды погибаютъ.

Два полка Христіанскихъ немедленно между шѣмъ пришекаютъ. Арганшъ, обращая къ нимъ чело свое, вопіетъ грозно: я кровію вашею пошущу пожаръ! однакожь оба они вмѣстѣ съ Клориндою мало по малу опшсупаютъ, направляя шпоны свои къ вершинѣ холма. Прошивныя силы умножаясь, на подобіе возрастающаго послѣ дожда источника, нашупаютъ на нихъ, шекуютъ за ними на высоту горы.

Злашья враша опшверзаются, и царь съ вооруженнымъ народомъ своимъ исходитъ во срѣшеніе и спасеніе двумъ послѣ шолікаго подвига благополучно возвращающимся вишязямъ. Силы Франковъ несущся въ слѣдъ за ними; Солиманъ опражаетъ ихъ; враша

поспѣшно запираются, и всѣ кромѣ Кло-ринды находящіяся въ стѣнахъ градскихъ.

Она единая осталась виѣ оныхъ, потому что во время запиранія врагъ простонал и озлобленная кинулась за уязвившимъ ее Аримомъ. Наказала его; но свирѣпый Аргантъ не примѣшилъ ея отсутствія; ибо темнота воздуха и шумное смятеніе битвы не позволяли ни очамъ видѣть, ни сердцу помышлять о спасеніи другихъ.

Когда же потомъ, по уполненіи мщенія въ крови врага своего, она опомнилась и увидѣла, что врага запершы и многочисленныя непріятельскія силы окружають ее, тогда отчаялась въ жизни; однакожь примѣня, что никто на нее не обращается, къ новой для спасенія своего хитрости прибѣгаетъ: прищворяется бытъ единымъ изъ нихъ, смѣшиваясь съ ними, и ни кѣмъ не познанная между ими пребываетъ.

Подобно какъ волкъ, послѣ содѣланнаго имъ тайнаго пресупленія, ищетъ попи-хоньку удалиться въ лѣсъ, такъ она при помощи мрака и смятенія спарается скрыться и уйти. Отъ единого Танкреда не могла она утѣшиться: онъ въ то самое время прибылъ, когда она убила Аримона, замѣшилъ ее, и въ слѣдъ за нею устремился.

Хочешь сразиться съ нею; онъ почти-таетъ ее мужемъ, достойнымъ испытанія

съ нимъ своей силы. Воспекаетъ за нею на
высопу горы, куда она къ другимъ врагамъ
пусть свой направляла. Гонимся поспѣшно,
такъ чшо шумъ оружія возвѣщаетъ ей о
немъ прежде, нежели онъ до нее достиг-
нулъ. Она обращается и вопрошаетъ: о ты,
поль быспро за мною скачущій, чшо такое
приносишь ты ко мнѣ? Онъ отвѣстствуетъ:
войну и смерть.

Пріемлю, прерываетъ она, война шебѣ
и смерть, когда ты ищешь ихъ. Тако изрек-
ши оспанавливаешься и ожидаешь. Танкредъ,
видя соперника своего пѣшимъ, не хочешь
воспользоваться преимуществомъ всадника,
и съ коня своего сходишь. Оба извлекають
острые мечи, и воспалясь гнѣвомъ и гор-
достію, одинъ на другаго наступаютъ, по-
добно двумъ ревностію другъ противъ друга
разъяреннымъ воламъ.

Вишва ихъ поль достопамятная была
бы достойна свѣтлаго дня, достойна все-
мірнаго созерцанія. О ночь, ты сокрывшая
въ мрачныхъ нѣдрахъ своихъ и въ забвеніи
поль блистательные подвиги, позволь да
извлеку ихъ на свѣтъ и будущимъ потом-
камъ предаю. Да живетъ слава сихъ под-
вижниковъ, и въ славѣ ихъ да сіяетъ мрака
твоего память.

Ни уклоняешься, ни оспражашь, ни осп-
сунать, не хопяшь они; всякую хитрость

оплагаютъ; ни прищворныхъ ударовъ, ни полной всѣмъ шѣломъ выпадки, ни оспороженной осадки, не употребляютъ: ночь и гнѣвъ не даютъ искусству мѣста. Слышно только, что мечи ихъ средина обь средину ужасно ударяютъ. Никто никуда не ступитъ: нога стойтъ твердо, и рука въ безпрестанномъ движеніи. Колешъ ли мечъ, или сбѣдешъ, нѣтъ ни единого празднаго удара.

Оскорбленіе возбуждало гнѣвъ къ отмщенію, а мщеніе порывало къ возобновленію оскорбленія: отсслѣ къ скорымъ и лютымъ ударамъ всегда новая рождалась причина и побужденіе, такъ что при шѣснѣшемъ опчасу сближеніи мечамъ не доспавало простора: бьются рукоятками, и въ ярости и злобѣ ударяются шлемами, пинаются щитами.

Трижды Танкредъ сильными руками охватываетъ Клоринду, и трижды вырывается она изъ крѣпкихъ его объятій, объятій не сстрашнаго любовника, но гордаго врага. Возвращаются опять къ мечамъ, и снова обагряютъ ихъ въ крови одинъ другаго; но оба наконецъ израненные, изнемогшіе, послѣ долгой битвы расходятся опдохнуть.

Другъ на друга смотрятъ, кровопочащимъ шѣломъ на яблоко меча своего опершись. Уже при первомъ на востокѣ возгараціи зари блескъ послѣдней звѣзды блѣ-

днѣшъ. Танкредъ видитъ соперника своего изливающимъ болѣе крови, самаго же себя чувствуетъ меньше уязвленнымъ. Радуется шому и гордится. О безумный разумъ нашъ, всякою мечшою щаспія величающійся!

Нещасный, чему ты радуешься? О коль горестны будутъ злополучное торжествование и побѣда! Очи швы, естли ты ошпанешься живъ, заплачешь за каждую каплю сей крови моремъ слезъ. Тако оба окровавленные воина въ безмолвіи другъ друга озирають. Наконецъ Танкредъ, желая узнать имя противника своего, прерываетъ молчаніе и вѣщаетъ:

По нещасію нашему мы шоль храбро сражаемся шамъ, гдѣ ннко насъ не видитъ; но когда уже неблагопріятная судьба оприцаетъ намъ и въ похвалахъ и въ свидѣтеляхъ, шо прошу тебя, естли прозьба въ бншвѣ имѣетъ мѣсто, открой мнѣ имя швое и санъ, дабы я, побѣжденнымъ ли останусь или побѣдителемъ, зналъ, кто почшилъ меня или смертію или торжествомъ.

Отвѣтствуетъ гордая: напрасно вопрошаешь меня о шомъ, чего я никому не объявляю. Но кшобъ я ни былъ, ты видитъ предъ собою одного изъ шѣхъ, которые огромную башню вашу превратили въ пепель. При сихъ словахъ Танкредъ вспыхнулъ гнѣвомъ: ты худо сдѣлалъ, возопилъ, что въ

помѣ мнѣ открылся; швое молчаніе въ одномъ, и признаніе въ другомъ, нечестивый Срацинецъ, равно порѣваютъ меня къ мести.

Яросль снова въ сердцахъ ихъ возга-
рается, и побуждается; хошя слабыхъ, вступи-
пишь въ бой. О коль люшая бивша, гдѣ си-
лы испощены, искусство оставлено, и поль-
но одно свирѣпство застукаетъ ихъ мѣсто!
О какія кровавыя и глубокія раны помѣ и
другой мечъ наносишь, раздробляя доспѣхи
и водружаясь въ пѣло! и естли жизнь еще
не исходишь изъ нихъ, то опъ того шокмо,
что сила гнѣва не допускаетъ ее ошорваться
опъ ихъ груди.

Подобно какъ глубокое Эгейское море,
югомъ и западомъ воспѣненное, хошя они и
укромятся, не скоро ушыхаетъ; но колы-
хаетъ и плещетъ еще шумными волнами:
такъ они, хошя съ изліяніемъ крови попере-
рали силу, съ какою рука ихъ ударяла,
однако сохраняютъ еще въ себѣ прежнюю
запальчивость, и порѣваемые ею ударъ за
ударомъ другъ другу наносятъ.

Но се насшатъ роковой часъ, должен-
ствующій пресѣчь дни Клориндины. Тан-
кредъ вонзаетъ въ прекрасныя перси ея мечъ
свой; кровь печетъ по немъ, и злашопкан-
ная одежда, легко и нѣжно обвивавшаяся во-
кругъ пухлыхъ грудей ея, наполняется сею
горячею влагою. Она чувствуетъ себя уми-

рающею, и слабыя ноги подъ нею подламы-
ваются.

Она продолжаетъ побѣду свою, и на
пораженную дѣву грозно наспушаетъ и шѣ-
снитъ. Она упадаетъ и шоннымъ гласомъ
произноситъ послѣднія слова; слова, но-
вымъ духомъ ей внушенныя: духомъ вѣры,
любви и упованія; добродѣтелей, какія въ
шотъ мигъ возсоздашь въ ней угодно было
Богу, восхошѣвшему непокорную въ жизни
содѣлать ее въ смерти своею рабою.

Мой другъ (промолвила она), ты побѣ-
дилъ; я прощаю тебѣ; проси и ты, не
шѣлу моему, нѣшь, оно ничего не страшитъ-
ся; но душѣ моей. Такъ! помолись за нее;
окрести меня, и всякую вину мою омой. Въ
сихъ слабымъ гласомъ произнесенныхъ сло-
вахъ звучало нѣчто сладкое и жалостное,
дошедшее до глубины сердца его, и понуж-
давшее, пошуша въ немъ гнѣвъ, очи его къ
слезамъ.

Недалече отшолъ изъ нѣдръ горы жур-
ча испекалъ малый ручей. Танкредъ побѣ-
жалъ шуда, и почерпнувъ шлемомъ воды,
печально возвращался назадъ, дабы испол-
нитъ великое и благочесливое дѣло. Руки
его дрожали, когда онъ снималъ шлемъ съ
чела ея и отшкрывалъ еще невѣдомое ему
лице. Увидѣлъ, узналъ, и спалъ безгласенъ

и неподвиженъ. О зрѣлище! о позднее узна-
ніе!

Онъ не умеръ однакожъ; но собралъ всѣ свои силы, оградилъ ими сердце свое, и преодолевая въ себѣ горестъ, обратился дасть водою жизнь шой, которую убилъ мечемъ. Покуда чиналъ онъ божественныя молишвы, зракъ ея просіявалъ радостію, она улыбалась, и душу тихо и спокойно испуская, казалось вѣчала: небо опровергается; я иду съ миромъ.

Близна лица ея покрылась томною блѣдностію, подобно какъ бы цвѣтъ лилей смѣшался съ цвѣтомъ фіалокъ. Она устремила очи на небо, и казалось небо и солнце съ жалостію на нее смотрятъ; приподняла обнаженную, хладную руку, и вѣсто словъ просперла ее въ знакъ мира къ Танкреду. Тако скончалась прелестная дѣва, и казалась бытъ уснувшею.

Какъ скоро Танкредъ узрѣлъ, что душа ея благороднѣйшая разлучилась съ тѣломъ, вся собранная имъ твердость духа пришла въ изнеможеніе. Онъ перелетъ надъ собою владычество и предается необузданному грызенію печали, которая списнувъ сердце его, и сжавъ жизненныя силы, наполнила чувства и покрыла лице его хладомъ смерти. Онъ живой уподобился мершвому, и цвѣ-

шомъ, и безмолвіемъ, и неподвижностію, и охладѣніемъ крови.

Конечно слабые, исчезающіе остатки прошивной, несносной жизни своей прервалъ бы онъ, дабы въ скорости послѣдовать за тою, кошорой душа, столь любезная ему, отъ него улетѣла; но нечаянно опрѣдъ Христіанскихъ войскъ, посланный за водою и другими пошребностями, наѣхалъ на нихъ, и взялъ съ собою обоихъ, одну бездушную, а другаго въ самомъ себѣ едва дышущаго, а въ ней съ нею умершаго.

Вождь опрѣда, бывъ еще въ нѣкоторомъ опдаленіи, узналъ Танкреда по оружію, и приближась увидѣлъ съ сожалѣніемъ убишную дѣву: онъ удивился сему неожиданному случаю, и хощя почишалъ ее магомешанкою, однакожъ не желая шоль прекрасное шѣло оставишь въ снѣдъ волкамъ, велѣлъ ихъ обоихъ взяшь и на рукахъ опнести въ Танкредовъ шаперъ.

Во время шихаго и бережливаго шествія сего Танкредъ пребылъ безчувственъ, и шомо по однимъ слабымъ шенаніямъ его могли узнавать, что нить жизни его еще не пресѣкалась. Но другое шѣло безгласное и неподвижное являло, что уже въ немъ нѣтъ дыханія. Тако несли ихъ одного подлѣ другаго, но по пришествіи положили въ разные покои.

Топчасъ къ лежащему на одрѣ вишыю
Ч а с ш ъ IX.

приехали усердные домочадцы его и слуги. Уже попеченіями ихъ сомкнушыя очи его начинаютъ опроверзаться; онъ видитъ цѣлебную руку врачей, и слышитъ голосъ ихъ; но изумленная душа его возвращу жизни своей не вѣритъ: онъ смотритъ дикими взорами окрестъ себя, и узнавая мѣсто и прислужниковъ печально и шомно произноситъ:

Я живъ? я дышу еще? и ненависные лучи злополучнаго дня сего еще вижу? дня, который былъ свидѣтелемъ сокрытыхъ во мракѣ злодѣйствъ моихъ, и меня за мои преступленія жестокимъ свѣтомъ своимъ укоряетъ! О вялая и робкая рука, ахъ! ты, которая такъ умѣла поражать, ты, виновница лютой и преужасной смерти, почто не дерзаешь шеперь гнусную жизнь мою прервать?

Пронзи грудь мою и пагубнымъ желѣзомъ твоимъ разорви сердце мое на части! Но можешь быть, обидная къ дѣламъ свирѣпымъ и звѣрскимъ, почишаешь ты за милосердіе убить во мнѣ мою печаль. И такъ я буду жить, чѣмъ между мерзосными примѣрами быть достопамятнѣйшимъ чудовищемъ пренещасливой любви; чудовищемъ, которое одною шокмо казнію можетъ достойно быть истязано; казнію, жить за безмѣрное злодѣяніе во всегдашнемъ презорствѣ и мученіи.

Я буду жиць и шерзаться, безумный, скишающийся, раздираемый горестями. Уединение и мракъ, напоминая мнѣ о моемъ злодѣйствѣ, станутъ ужасать меня. Солнца, освѣтившаго мое преступленіе, я буду убѣгать и зрака его спрашиваться. Самъ себя возненавидя, и отъ себя самого всегда удаляясь, вездѣ самъ съ собою буду.

Но гдѣ, о несчастный! гдѣ почиваетъ тѣло ея безпорочное и прекрасное? Можешь быть то, что въ немъ отъ ярости моей уцѣлѣло, зубами хищныхъ звѣрей обезображено. О чрезмѣру благороднѣйшая для нихъ добыча! о сладкая, драгая, и всякую цѣну превышающая пища! О презлополучный я! Сперва уединеніе и ночь раздражили меня, а потомъ уже дикихъ звѣрей.

Иду, любезные оспашки, иду обрѣсти васъ шуда, гдѣ вы возлежите; еспьли же найду, что прекрасные члены ея расшерзаны жадностію звѣрей, то пусть и меня тѣжъ самые зубы расшерзають, и пажъ самая, поглотившая ихъ ушроба, поглотитъ. Всякій гробъ для меня честень и миль, гдѣ шокмо съ нею заключень буду.

Тако рекъ несчастный; ему возвѣщаютъ, что тѣло Клориндино, о коемъ онъ шолико сокрушается, находящся здѣсь. Тогда на мрачномъ лицѣ его появилось нѣкое удовольствіе, на подобіе сверкнувшей сквозь облако

молніи. Онъ поднялъ съ одра тяжелые члены свои, и съ трудомъ переступая, повлекся, шапаясь, туда.

Когда же пришелъ и увидѣлъ на прекрасной груди злую, рукою его нанесенную рану, и блѣдное, пошухшее лицо, на подобіе ночнаго неба еще свѣтлое, такъ воспрепешалъ, что упалъ бы, естлибъ его не поддержали. По семъ возопилъ: о лице! ты, которое смерть можешь дѣлать сладостною, но мою судьбу усладить не можешь.

О любезнѣйшая десница, съ ласкою въ залогъ дружбы и мира ко мнѣ просширавшаяся, какими, злополучный, вижу васъ теперь? и какимъ сюда прихожу? а вы, прелестные члены, вы уже не тѣ, что были прежде. Ахъ! что вы стали? лютаго и звѣрскаго гнѣва моего бѣдные и плачевные признаки. О сколько же, какъ и рука, злобныя очи мои! она сотворила сіи раны, а вы на нихъ взираете!

Взираете безъ слезъ. Пусть же вмѣсто слезъ, когда вы оприцаетесь проливать ихъ, пощечеть кровь моя. Тупъ умолкаешь, и движимый опчаяннымъ желаніемъ умереть, срываетъ перевязки съ ранъ своихъ, и кровь изъ нихъ полилась ручьями. Онъ бы убилъ себя, естлибъ сія самая надъ собою жестокость, опняя у него память, не послужила къ его спасенію.

Опиносяшъ его на ложе и новыми спараніями гошовую излепѣшь душу призываюшъ паки въ ненависнѹю жизнь. Но слухъ не молчишъ о безмѣрной печали и нещасномъ его состояніи. Онъ привлекаетъ къ нему Готффрида и другихъ знаменитыхъ его друзей. Однакожъ ни важныя увѣщанія, ни дружескіе совѣты не смягчаютъ упорной горести души его.

Подобно какъ въ нѣжномъ членѣ смертельная рана опъ прикосновенія къ ней больше раздражается и болитъ, такъ опъ ласковыхъ убѣжденій, въ полъ великомъ злѣ, упиѣшаемое сердце болѣе разрывается. Но достопочтенный Петръ, сострадая какъ добрый пастырь о заблуждающей овцѣ, укоряетъ долгое изскупленіе его, и тако ему вѣщаетъ:

О Танкредъ, Танкредъ! о на самага себя и на правила свои не похожій! кто помрачилъ толико умъ швой? какое густое облако слѣпоты возлежишъ на очахъ швоихъ? случившееся съ тобою нещасіе послалъ къ тебѣ Богъ: развѣ ты не видишь его? развѣ гласа его не слышишь? онъ громко вопіетъ къ тебѣ, и тебя, съ прежняго пути своего совратившагося, призываетъ на него и указываетъ оный.

Онъ призываетъ тебя къ первымъ дѣламъ швоимъ, досшойнымъ воина Христова,

и къ той обязанности, которую ты оставилъ, чтобы содѣлаться, о недостойный промѣнъ! обожашелемъ невѣровавшей въ него музульманки. Благодатная ненависть, милосердый гнѣвъ небесный наказуетъ безумную вину твою легкимъ бичемъ, и тебя самого спасишелемъ твоимъ дѣлаешь, а ты ропщешь и отвергаешь?

Отвергай, неблагодарный, отвергай, коль шакъ, спасительный даръ небесъ, и оскорбляй ихъ ропшаніемъ твоимъ! Злополучный! куда стремишься ты, спроптивой и буйной печали твоей предаваясь? Ты уже на краю вѣчной пропасти, преклонился къ паденію, висишь надъ нею, и того не видишь? воззри, молю тебя, воззри на нее, и обуздай или по крайней мѣрѣ укроти неистовую горесть твою, влекущую тебя въ глубокую смерть.

Умолкъ; и спрахъ ошъ единой изъ сихъ смершей, отъемля у Танкреда желаніе предаться другой, даешь въ сердцѣ его мѣсто утѣшенію, уменьшаетъ владычество душевной, снѣдавшей его тоски; однакожъ не сполько, чтобы время ошъ времени онъ не спеналъ и языкъ его не произносилъ жалобъ. Иногда онъ самъ съ собою размышляетъ, иногда бесѣдуетъ съ тою оставившею тѣло душою, которая можетъ бытъ внимаетъ ему на небесахъ.

Ее съ захожденіемъ, ее съ восхожденіемъ солнца зовешъ, и умоляешъ, и оплакиваешъ. Тако соловей, у коего жестокій поселянинъ похищилъ изъ гнѣзда неоперившихся еще пшеницевъ, шоскуешъ въ уединеніи, плачешъ по ночамъ, и печальнымъ пѣніемъ своимъ наполняешъ лѣсъ и воздухъ. На послѣдокъ на упренной зарѣ Танкредъ смыкаешъ очи, и сонъ прокрадывается въ нихъ сквозъ слезы.

Онъ видишь во снѣ Клоринду: она является ему въ свѣтлозарномъ одѣяніи, спокрашно прекраснѣе, чѣмъ была прежде; но небесное сіяніе и лѣпоша не опнмали у ней прежняго ея образа. Казалось она жалостною рукою ошерла текущія слезы его, и тако рекла: зри, вѣрный другъ мой, сколь я прекрасна и весела, зри, и во мнѣ утѣшься.

Симъ состояніемъ тебѣ я обязана; ты по незнанію испоргъ меня изъ числа живыхъ; ты, подвигнушый жалостію, содѣлалъ меня достойною взойти на небеса и водвориться между безсмертными. Здѣсь наслаждаюсь я блаженствомъ и любовію; здѣсь, надѣюсь, и ты гостовишь себѣ мѣсто, гдѣ при лучезарномъ 'солнцѣ и вѣчномъ свѣтѣ дня будешь ты любоваться ихъ красошою, и моею.

Не лиши шокмо самъ себя небеснаго цар-

ства, и заблужденіямъ чувствъ не предавайся. Живи, и знай, что я люблю тебя, не сокрываю, колико шварь любишь возможно. Тако вѣщая блистала необычайною смертнымъ въ очахъ ея ласкою; попомъ во внутренность лучей своихъ погрузла, скрылась отъ взоровъ, и пролила новую въ душу его опраду.

Онъ възстаетъ спокойнѣе, и оспорожной врачующихъ помощи болѣе не ошвергаетъ. Между тѣмъ великъ предашь погребенію тѣло, въ коемъ шоль благородная душа обитала, и хотя гробъ ея не былъ изваянъ рукою Дедала и украшенъ драгими каменіями, однакожъ, сколько обстоятельствъ позволяли; отличнымъ художникомъ избранному камню данъ былъ приличный образъ.

Знаменистые сопровождатели, устроясь въ длинные ряды, съ возженными свѣщами шли за гробомъ. Доспѣхи ея, собранныя въ видъ воина, повѣшены были на обнаженной отъ вѣтвей соснѣ. На другой день, когда Танкредъ могъ възстать съ одра своего, исполненный жалостію и почтеніемъ посѣщалъ онъ прахъ усопшей.

Когда пришелъ къ могилѣ, назначенной отъ небесъ быть плачевною для души его шемницею, блѣдный, хладный, безгласный, и почти безчувственный, устремилъ взоры свои на мраморъ. Наконецъ тихимъ гласомъ

съ горькимъ рыданіемъ изрекъ: о камень, шолико мнѣ любезный и почтенный, въ шебѣ мой огонь сокрышь, и на тебя слезы мои ліющся.

Нѣтъ, ты не смерти, но живаго, любовію одушевляемаго пепла жилище. Прикасаюсь къ шебѣ я чувствую исходящій отъ тебя потѣже самый пламень, меньше сладостный, но не меньше воспаляющій сердце мое. Увы! прими вздохи мои, прими горькія слезы и лобзанія; дай ихъ по крайней мѣрѣ ты, когда я не могу, любезнѣйшему, живущему въ груди моей, сокрытому въ шебѣ праху.

Дай ихъ ты: естли прекрасная душа ея обратишь нѣкогда взоры свои на прежнее прекрасное свое обиталище, она не осердится на твою жалость и на мою дерзость: ненависти и гнѣва нѣтъ на небесахъ. Она простишь мою вину: сею единою надеждою питаешься сердце мое посреди шолкихъ мукъ. Она знаетъ, что не я, рука моя преслупница, и не подосадуешь, чтобы потѣ, кто любя ее жилъ, любя ее и умеръ.

Такъ, я умру любя ее: щасливъ будешь для меня потѣ день, когда я закрою глаза; но еще несравненно щасливѣе потѣ, когда я, скишающійся шеперь вокругъ тебя, заключенъ буду въ твою упробу: дружныя наши души будутъ жить въ горнихъ селе-

ніяхъ; ея и мой прахъ во единомъ совокупящся гробѣ; мы не находя щасія въ жизни, найдемъ его въ смерти: о преблагополучная судьба, естли надѣяшься шого позволено!

Между тѣмъ слухъ о несчастномъ съ Клориндою приключеніи носится смутно въ осажденномъ градѣ, и вскорѣ попомъ достоверно подтверждается. Печальная молва вмѣстѣ съ крикомъ и воплемъ женъ печетъ по спогнамъ, словно какъ бы люшый непріатель вломился уже во градъ, рушишь его, и носишь огонь по домамъ и храмамъ.

Но очи всѣхъ Арсешъ на себя обращаетъ, страшный взоромъ и спенаніями. Онъ, силою печали удрученный, не плачетъ, какъ другіе; но сбѣе власы свои посыпавъ нечиснымъ пепломъ, рветъ ихъ и біетъ себя во грудь и главу. Народъ тѣснится и обступаетъ его. Тогда Арганшъ входитъ въ средину и шако возглашаетъ:

Примѣшя первый, что мужественная Клоринда осталась за врагами, я хотѣлъ пошчасъ послѣдовать за нею, дабы шой же подвергнуться участи. Чего не сдѣлалъ, чего я не сказалъ? какими прозьбами не убѣждалъ царя, да повелишь отверзнь враша? но всѣ мои старанія были безуспѣшны: онъ, яко властителъ, повелѣлъ мнѣ оспашься.

Ахъ! естли бы я шогда вышелъ, я бы

спасъ знаменишую дѣву и съ нею сюда возвращился, или бы шамъ, гдѣ она кровію своею обагрила землю, положилъ славно мою главу. Что могъ я болѣе сдѣлать? Боги и люди иначе опредѣлили. Рокъ осудилъ ее на смерть, но я должности моей не позабуду.

Внемли, Іерусалимъ, обѣщъ Арганшовъ; внемли пы, небо; и ежели я не исполню его, порази меня громомъ своимъ: клянусь опшпшишь смершоубійцѣ Франку за опшняше у ней жизни. Не положу меча сего, доколѣ не расперзаю имъ Танкредова сердца, и не повергну смрадный шрупъ его въ пищу вранамъ.

Тако рекъ: полпы народныя по окончаніи словъ его восплескали ему руками; ибо единое ожиданіе месши печаль и страхъ ихъ ушѣшало. О щещная клятва! вскорѣ прошивныя высокой надеждѣ оказались слѣдшвія, и шопъ въ единоборствѣ рукою шогто палъ мершвъ, кого въ мечпаніяхъ своихъ воображалъ уже онъ побѣжденнымъ и убитымъ.

Конецъ второй-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

пѣснь третiнадцать.

Едва великая, стѣноломная громада обра-
щилась въ пепель , какъ уже Иسمень о но-
выхъ къ защитѣ града средствахъ помыш-
ляетъ : мнитъ воспрепятствовать Фран-
камъ въ доспаваніи стѣхъ веществъ , изъ
коихъ могутъ они для потрясенія и разру-
шенія стѣнъ градскихъ соорудить новую
бойницу.

Въ нѣкоей не далеко отъ Христiянска-
го спана дикой долины возвышался густой
древними, маперыми деревьями исполненный
лѣсъ, всю обширную окрестность мрачною
стѣнію покрывающій. Въ немъ при самомъ
величайшемъ сіяніи солнца едва свѣтятся
слабые, блѣдные, померцающіе лучи, подоб-
но какъ при облачномъ небѣ , приводящемъ
въ сомнѣніе , день ли ночи , или ночь дню
уступаетъ.

Но когда солнце закашится, тогда мгно-
венно всступаютъ въ него и шма , и шуми,
и шуманы , и ужасы , кажущіся бытъ ад-
скими, и кошорыя, омрачая очи слѣпошою,
наполняютъ сердце страхомъ. Никогда па-

спухъ не гоняешь сюда спадъ своихъ; никогда ушпужденный пупешеспвенникъ не заходитъ подъ стѣнію его отдохнуть, но идешь мимо, и шокмо перспомъ на него указуешь.

Здѣсь собираются колдуньи, и съ ними на облакахъ приносятся ихъ лѣшіе любовники, кто въ видѣ люшаго змія, кто въ образѣ брадашаго козла. Срамное скопище, привлекаемое приманчивостію гнусныхъ ушѣхъ, состоящихъ въ нечеспивыхъ пиршествахъ, скверныхъ обжорствахъ, и спудныхъ дѣянiяхъ.

Таковымъ лѣсъ сей почиался. Никто изъ жипелей сего спраны не дерзалъ брать изъ него ни единыя розги. Но Франки нарушили сію неприкосновенность; ибо изъ онаго нужно имъ было созидать свои стѣнобойныя орудiя. Туда, избравъ къ тому наставшую ночь, приходитъ волшебникъ Исмень, и тамо чародѣйспвенные круги свои обводитъ и знаки начертаваетъ.

Распоясуешь, обнажаешь ноги свои, вступаешь въ средину круга, и шепчешь могущеспвенныя слова. Трикрапы обращаешь лицомъ къ востоку, и прикрапы къ западнымъ спранамъ солнца. Трикрапы пошрясаешь жезлъ, коимъ мершваго подьсмелешь изъ гроба и даешь ему движеніе. Трижды босою ногою шопаетъ о землю, и пошомъ спрашнымъ гласомъ вопіешь:

Внемлите, внемлите, о вы, громовыми перунами сверженные съ небесъ; и вы, шучи и бури наводящіе, разсѣянные по воздуху обиташели; и вы, душъ осужденныхъ грѣшниковъ вѣчные мучители, граждане геенскіе: всѣхъ васъ созываю, придите сюда; придите вы, самъ лютаго огненнаго царства лютый царь.

Придите лѣсъ сей взявъ подъ свою стражу. Каждое древо сочтенное мною вручаю вамъ. Какъ душа обитаетъ въ плѣтъ, служащемъ ей облаченіемъ, такъ каждый изъ васъ къ каждому древу да обитаетъ, дабы Франки не посмѣли къ вамъ приблизиться, или по крайней мѣрѣ при первомъ ударѣ устрашились бы вашего гнѣва. Рекъ, и присовокупилъ къ тому ужасныя словеса, коихъ языкъ, не бывъ злочесливымъ, пересказать не можешь.

При сихъ словахъ блескъ озаряющихъ шемногу ночи небесныхъ огней погасъ; луна смутилась, и закрывъ рога свои облаками, не появлялась болѣе. Раздраженный Исменъ вопль свой возобновляетъ: что неидете, духи призываемые? что медлите? развѣ ждете еще сильнѣйшихъ, еще таинственнѣйшихъ словъ?

Хотя долгое время не прибѣгалъ я къ крайнему въ чародѣйственныхъ наукахъ средству, непременно дѣйствующему,

однако не забылъ оное, и еще умѣю черно-крававымъ языкомъ моимъ произнести по великое, спрашное имя, при коемъ ни адъ глухъ и неподвиженъ, ни самъ царь его медленъ и непокоренъ бышь не можешь. Ежели вы ежели вы онъ хошѣлъ изречь; но увидѣлъ, что заклинанія его исполняющся.

Лепишь несмѣтное, безконечное число духовъ, одни съ высошы воздуха, по коему они разсѣянные скишались, другіе изъ глубины мрачныхъ пропастей земныхъ. Несущся медленно, шрепещущъ еще ошъ спрашнаго повелѣнія не учаспивовать въ сей брани, но оное не воспрещало имъ поселиться и обитать въ шебляхъ древесъ и между листьями.

Волхвъ, по исполненіи всего, что для намѣреній его нужно было, возвращается съ веселіемъ къ Царю: Государь! опложи всякое сомнѣніе и будь спокоенъ; царскій престоль швой безопасенъ: Франки, хопя и надѣющся, но не могутъ соорудить снова шѣноломныхъ своихъ громадъ. Тако вѣщаешь ему, единое за другимъ повѣдаешь о успѣхахъ своего чародѣйства.

Пошомъ присовокупляешь: ко всему содѣянному мною возвѣщу тебѣ еще о единомъ не меньше для насъ пріятномъ: знай, что Марсъ и солнце скоро вспуняшъ

въ соединеніе съ небеснымъ львомъ, и тогда изыдесть отъ нихъ несперпимый, ни вѣш-ромъ, ни дождемъ, ни рососою непрохлаждае-мый зной. По всѣмъ признакамъ небо угро-жаешь самолюшѣйшимъ жаромъ и сухосцію.

Возгорится воздухъ у насъ больше, нежели у черныхъ Назамоновъ и Гараманшовъ. Намъ, живущимъ во градѣ изобильномъ водою и прохладными шѣнями, не будетъ онъ споль шягоспень; но Франки на сухой и безлѣсной землѣ потерпятъ много, и ушом-ленныхъ прежде небомъ, легко преодолѣшь ихъ Египетское воинство.

Ты побѣдишь не исходя изъ града и не имѣя нужды вступать въ сраженіе. Но естли гордый Черкешанинъ, отвергающій всякій даже и честный покой, придетъ по обыкновенію своему преклоняшь тебя на брань, найди способъ обуздать его; время не продолжится, благопріятствующее небо скоро дастъ тебѣ миръ, а врагамъ твоимъ войну.

Слыша сіе Царь обнадеживается и не спрашится непріятельскихъ силъ. Уже опчасти исправилъ онъ разломанныя ударами парановъ стѣны; но и послѣ сего не преспаешь отъ попеченія воздвигать и укрѣп-лять ихъ; и воинство, и жители града, и невольники, всѣ движутся и обращающа въ безпрестанныхъ трудахъ и работѣ.

Между шѣмъ благочестивый Гошфридъ не хочеть бесполезно приступать къ стѣнамъ градскимъ, доколѣ не сооружится огромная бойница и другія стѣноломныя орудія. Онъ посылаетъ въ лѣсъ работниковъ для срубки и привоза потребныхъ на шо деревъ. Они съ упреннею зарею идушъ шуда, но при появленіи онаго, пораженные необычайнымъ ужасомъ оспанавливаются.

Подобно какъ боязливое дѣшя не смѣетъ взирашъ шуда, гдѣ кажушся ему необыкновенные призраки, или спрашитъ мрака ночи, воображая въ немъ пребываніе бѣсовъ и чудовищъ; такъ они ужащаются, не зная спраху своему причины, кромѣ шой, что онъ превозмощъ сердца ихъ больше, нежели бы мечтались имъ уродливые Сфинксы и Химеры.

Всѣ шолпою бѣгутъ назадъ, и смущенные, испуганные, рассказываютъ о видѣнномъ ими съ такимъ разнорѣчіемъ и несвязностію словъ, что всѣ надъ ними издѣваются и смѣются. Не вѣряшъ возвѣщаемымъ ими чудеснымъ дѣйствіямъ. Тогда верховный вождь посылаетъ съ ними опрядъ избранныхъ воиновъ, дабы они сопровождали ихъ и внушали имъ смѣлосшь къ исполненію его повелѣній.

Сіи приближась къ дремучему лѣсу, гдѣ злые засѣдали духи, какъ скоро узрѣли

Ч а с ь IX.

5

мрачность его, потчасъ почувствовали нѣкій оледѣнившій сердца ихъ мразъ. Однакожь простирающъ далѣе путь, скрывая подъ смѣлыми лицами постыдный страхъ свой, и столько перешли, что осталось уже малое разстояніе до очарованныхъ предѣловъ.

Тогда мгновенно поднялся въ лѣсу полъспрашный шумъ, какъ бы вдругъ и земля запряслася, и вѣтры засвисѣли, и ударяющія о скалы волны зашонали; шамъ слышилось, и львы рыкающъ, и медвѣди ревущъ, и змѣи шипящъ, и волки воющъ, и громы гремлящъ, и трубы трубящъ, и всѣ сии звуки во единъ сливаются гласъ.

На всѣхъ тогда напалъ ужасъ; всѣ трясутся и блѣднѣющъ. Ни воинская спростость, ни ободрительныя поощренія, не могутъ возбудить въ нихъ смѣлости продолжашъ путь, ниже остановиться; дѣйствія оныхъ слабы и тщетны противу тайной устрашающей ихъ силы; наконецъ предающся они бѣгству, и одинъ изъ нихъ въ оправданіе робости своей тако вѣщаетъ Готфриду:

Государь! никто изъ насъ не отважился вступить въ сей лѣсъ, спрегомый, какъ я думаю и готовъ утвердить клятвою, всѣми переселившимися въ него адскими силами. Мѣдное, прикрашенное алмазною корою обложенное сердце долженъ имѣть потъ,

кто безъ страха на него изглянешь. Не возможно съ человѣческими чувствами безбоязненно слышать, какъ онъ вдругъ и гремишь и реветъ и шипитъ и свищетъ.

Такъ вѣщаль онъ. Сію рѣчь его внималъ присупствовавшій шумъ случайно Альнастъ, человѣкъ неимовѣрной отважности, презритель смертныхъ и смерти, не спрашающійся ни лютыхъ звѣрей, ни ужасныхъ чудовищъ, ни бурь, ни громовъ, ни землетрясеній, ниже чего либо еще болѣе сего грознаго.

Онъ покивалъ главою и усмѣхался рекъ: куда сей не смѣешь идти, я пойду; я срублю сей лѣсъ, гнѣздо пустыхъ страховъ и мечтаній. Сіи призраки лѣсные, сіи крики и свисты птицъ, не воспрещаятъ мнѣ войти въ него, хотя бы мрачные доли и вершины его повели меня въ адъ.

Такъ похваляется предъ верховнымъ вождемъ, и получа отъ него позволеніе опходитъ. Онъ приближается, смотритъ на густому лѣса, слышитъ возставшій снова въ немъ шумъ и ревъ; однако дерзкихъ спопъ своихъ не останавливаетъ, и съ шюю же, какъ и прежде, бодростію спремится вступитъ въ запрещенные предѣлы; но восплавшій вдругъ огонь пославляетъ ему препону.

Огнь возрастаетъ, усиливается, и на подобіе высокихъ стѣнъ возноситъ вихре-

крушащееся съ чернымъ дымомъ пламя; оно объемлетъ окрестность лѣса и возбраняетъ, да никто дровъ его посякнетъ не дерзаетъ. Изъ холмищагося въ верху пламени составляющіяся образы гордыхъ съ башнями крѣпостей, и вершины пылающихъ горъ новаго ада сего усѣвающагося огнедышащими орудіями.

О сколько вооруженныхъ чудовищъ, съ ужасными зраками, споятъ на спражѣ при зубцахъ башенъ? иные смотрятъ на него искосившимися очами, другіе грозятъ ему, пошрясая оружіемъ. Наконецъ онъ бѣжитъ, хотя и медленно, какъ левъ ошсупающій ошъ охошниковъ; однако бѣжитъ, и грудь его поражается страхомъ, дошолъ ему неизвѣстнымъ.

Онъ сначала не примѣшилъ въ себѣ дѣйствіа робости, но когда ошошелъ далеко, то почувствовалъ, что страхъ принудилъ его удалиться: онъ удивился и опечалился; жестокое раскаяніе угрызло сердце его, и сшылъ, возгорѣвшійся въ немъ, уклонилъ шопы его въ шпору. Онъ не смѣлъ взорвать своихъ, шолко прежде гордыхъ, возвестъ на людей.

Позванный Готфридомъ, медлитъ, и медленности своей извиненіе вымышляетъ, и желаетъ нейти; однако напослѣдокъ идеть, шупаетъ шихо, и по прибышii молчитъ,

или говоришь пошупясь, крашко, какъ бы сномъ обремененный. Верховный вождь видѣлъ въ немъ великую силу спыда, и по ней о бѣгствѣ его предузнавая, вѣщаетъ: что подумаешь? подлинно ли то мечшаніа, или чудеса природы?

Но есѣли есѣ кто, въ комъ горитъ благородная ревность проникнуть въ сіи обихалища лѣсныя, да шествуешь, да испытываешь еще, и да возвратишься къ намъ по крайней мѣрѣ съ подробнѣйшими о нихъ извѣстіями. Тако рекъ, и въ шри послѣдовавшіе дни знаменитѣйшіе вишязи покушались войти въ ужасный потъ лѣсъ, но всякъ, угрозами его усшрашенный, возвращался вспяшь.

Между шѣмъ князь Танкредъ, по ошданіи возлюбленной своей послѣдняго долга, спалъ выходитъ, и хопя слабъ еще, блѣденъ, и худо способенъ къ облеченію себя въ шлемъ и брону; однако, видя шоль великую надобность и не оприцааясь никогда ни ошъ шрудовъ, ни ошъ опасностей, духъ швердаго сердца своего преноситъ въ шѣло, шакъ что оно кажется ему бодрымъ и крѣпкимъ.

Дышущій храбросшію, и весь предавшись мысли сей, онъ ошходитъ скромно и шихо испытывать сію безвѣстную опасность. Зришь безъ спраха на ужасную мрачность

лѣса , и ошъ громовъ , и шуковъ , и земле-
трясеній его , не смущается ; чувствуешь
покомо нѣкоторое въ груди шрепешаніе , но
преодолѣваешь его и смѣло вступаешь въ
предѣлы. Тогда изъ дикаго лѣса сего вдругъ
появляется огненный градъ.

Танкредъ останаавливается и пришедъ
въ нѣкое сомнѣніе самъ съ собою разсуж-
даешь : къ чему служишь здѣсь оружіе?
неужли бросишься мнѣ въ челюсти сихъ
чудовищъ и въ нѣдра сего пожирающаго
пламени ? гдѣ долгъ и честь пребують ,
тамъ для общей пользы не должно жизни
своей щадить ; но здѣсь кто пожертвуетъ
ею , шомъ бесполезно ее лишишься.

Но чшожъ скажешь воинство , когда я
возвращусь безъ успѣха ? въ какомъ другомъ
лѣсу найдешь оно пошребныя для себя де-
ревья ? Готфридъ не оставишь намѣренія
своего безъ новыхъ покушеній. Ештли дру-
гой кто исполнишь Можешь быть
сей пылающій предъ очами моими пожаръ
больше грозенъ видомъ , нежели дѣйствиємъ.
Но чшобъ шакое ни было изрекъ
и кинулся въ пламень. О неслыханная смѣ-
лость !

Онъ не почувствовалъ ни малѣйшаго
зноя и жара ошъ шоль сильного огня. Но
ешплибъ шо и подлинный былъ пламень и
чудовищи , онъ не могъ бы сего шакъ скоро

ощутишь, пошому что съ прикосновеніемъ его въ одно мгновеніе всѣ сіи призраніи исчезли, все покрылось густымъ облакомъ, принесшимъ зиму и ночь, и самая зима и мракъ сей вскорѣ разсѣялись.

Танкредъ удивился; но не былъ ни малѣйшимъ страхомъ пораженъ. Когда попомъ увидѣлъ онъ, что вездѣ стало тихо, то пошелъ съ безопасностію осматривать всѣ тайныя сей волшебной обители исходища. Не зрится болѣе никакихъ страннѣйшихъ привидѣній, и на пуши своемъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, кромѣ что мрачная густота лѣса воспящаетъ и взорамъ и спо-памъ его свободно просираваться.

Наконецъ видитъ пространную на подобіе полукружія площадь, на коей нѣтъ ни единого древа, исключая, что посрединѣ стойтъ гордящійся вершиною своею высокій кедръ. Онъ идетъ къ нему, и озирая его примѣчаетъ изображенные на стеблѣ знаки, подобные тѣмъ, какіе древлѣ вмѣстѣ нисымень употреблялъ таинственный Египецъ.

Между безвѣстными знаками усматриваетъ и Сирійскаго, извѣстнаго ему языка, буквы: о ты дерзнувшій вступитъ въ жилище смерти, отважный воинъ! молю тебя, не буди только жестокъ, колико силенъ. Ахъ! не возмущай покой сей тайной оби-

шли; пощади усопшія души: живымъ не должно воевать съ мертвыми.

Тако гласила подпись. Танкредъ размышляетъ, ища проникнуть въ таинство сихъ крапкихъ словъ. Между тѣмъ вѣспрь въ листвахъ и лѣшоросляхъ безъумолчно шумитъ, испоргая изъ нихъ какъ бы нѣкое согласное звучаніе человѣческихъ вздоховъ и сшенаній, вливающихъ въ сердце нѣчто вѣбствѣ и жалостное, и страшное, и печальное.

Наконецъ извлекаетъ онъ мечъ и съ великою силою рубитъ высокое дерево. О чудо! изъ усѣченной коры льется кровь и обогрѣетъ кругомъ землю. Танкредъ ужасается, однакожь усиливаетъ удары и хочетъ видѣть какой изъ шого послѣдуетъ конецъ. Тогда слышитъ онъ изшедшій какъ бы изъ гроба жалобный и невнятный спонъ.

Спонъ сей спановишся пошомъ вняшибе и произносишь сіи слова: Ахъ Танкредъ! уже и шакъ ты меня много оскорбилъ; будь тѣмъ доволенъ: ты изъ пріятнаго мнѣ жилища, изъ тѣла, мною и со мною жившаго, изгналъ меня. Почто и бѣдное дерево, съ коимъ спрогая судьба меня соединила, сѣчешь ты нещадно? жестокой! развѣ ты соперниковъ своихъ и по смерти въ гробѣ оскорблять хочешь?

Я была Клоринда: не одна я изъ чело-

вѣческихъ душъ обитаю въ сихъ швердыхъ и грубыхъ древесяхъ : всѣ другіе, Франки и Срацины, коихъ шѣла лежатъ при сихъ высокихъ стѣнахъ, явкіимъ новымъ и чуднымъ чародѣйствомъ удерживаюшся здѣсь, не умѣю сказать, во гробѣ или въ шѣлѣ; но шеблѣ и вѣшви онаго одарены такимъ чувствомъ, что посѣкая древо ты спановишься убійцею.

Подобно какъ больной, когда во снѣ увидишь дракона, или дышущую огнемъ химеру, хотя и подозрѣваешь, или опчасши и примѣчаешь, что не истинный то образъ, но лживое привидѣніе, однако хочетъ уйши, шолько мечта сія наводишь ему спраха и ужаса; шако въ Танкредѣ воспренепавшая любовь не вѣришь обманамъ, однакожъ боишся и уступаешь.

Сердце его сѣбсняется различными спрасшиями; хладъ и шрепешъ, объемлюшь его, и при сильномъ движеніи души мечъ нечаянно падаешь у него изъ рукъ : самое меньшее чувствованіе въ немъ ешь спрахъ. Онъ идешь самъ себя не помня, и шолько видишь предъ собою плачущую и шенящую Клоринду: не можешь ни воздыханій ея слушашъ, ни на кровь ея шекущую смотребшь.

Тако сіе швердое, никзкимъ зракомъ смерши не возмущаемое, но въ единой шокмо любви слабое сердце, обманушо было

щещнымъ привидѣніемъ и ложными жалобами. Между тѣмъ сильный вихрь подхватилъ падшій мечъ его унесъ изъ лѣса. Символомъ образомъ пошелъ онъ побѣжденный, и уже на пуши обрѣлъ его и паки препоясалъ.

Однакожь не возвратился, ниже дерзнулъ снова приступить къ испытанію причинъ; но пришедъ къ верховному вождю, и успокоя сколько можно смятеніе души своей, вѣщалъ: Государь! я прихожу къ тебѣ вѣспникомъ о происшествіяхъ, коимъ не вѣрятъ и трудно повѣрять. Все, что сказывали о страшномъ зрѣлищѣ и ужасномъ шумѣ, совершенно справедливо.

Чудесный огонь, вдругъ появившійся предомною, возникъ и распространился наподобіе силъ, представилъ взорамъ моимъ вооруженныхъ къ оборонѣ его чудовищъ. Я однакожь вошелъ въ него, и ни огнемъ не былъ опаленъ, ни сопротивляющихся мнѣ оружіемъ не встрѣтилъ. Хладъ и ночь наступили, но вскорѣ за ними послѣдовали теплоша и ясность дня.

Скажу еще болѣе, что древесамъ его, оживленнымъ человѣческою душою, чувствуютъ и говорятъ: я былъ тому свидѣтель; самъ слышалъ гласъ, даже и шеперь жалобно въ сердцѣ моемъ вопіющій. Изъ каждой раны ихъ печетъ кровь, словно какъ бы онѣ были живыя тѣла. Нѣтъ, нѣтъ, я не могъ,

признаю себя побѣжденнымъ, ни коры съ нихъ сдирашь, ни вѣшвей ихъ рубишь.

Тако рекъ. Верховный вождь, боримый сомнѣніями, погружающа въ глубокія мысли. Мнишь, самому ли должно ему идти разрушить сіе очарованіе (ибо таковымъ оное почишаешь), или въ иныхъ ошдаленныхъ мѣстахъ, послашь, хошя и съ шрудомъ, ошскаивать пошребныя деревья. Но изъ глубины размышленій извлекаешь его пущынный Пештръ, тако вѣщая:

Ошринъ дерзновенную мысль; другой, а не ты, долженъ исхишишь древа изъ сего лѣса. Уже роковый корабль ошавляетъ пущынную обшпель и злаяшя распускаешь вѣшрила. Уже разорвавъ недосшойныя цѣпи, ожидаемый нами вишязъ ошплываетъ ошъ берега. Скоро опредѣленный часъ взятія Сіона и разбитія враговъ наступишь.

Тако съ воспаленными взорами вышшимъ человѣческаго гласомъ вѣщаетъ. Благочестивый Гомфридъ къ новому намѣренію мысль свою ушпремляетъ; ибо не хочешь пребывашъ въ праздношпи. Но солнце, вступи въ знакъ рака, проливаетъ необычайный зной и прошивуборштвуя предпріятіямъ его шворишь всякую работу и шрудъ воиншевъ шспершимыми.

Погасли благодѣшельныя небесныя свѣшила, и ошнѣ шокмо злошворныя звѣзды

господствуютъ: онѣ расплѣваютъ воздухъ вредными, заразительными испареніями. Палящій зной увеличивается, и по въ шой, по въ другой часпи, свирѣпствуетъ и наноситъ пагубу. Послѣ злаго дня злѣйшая настукаетъ ночь, и за нею, еще худшій чѣмъ она, послѣдуетъ день.

Солнце не восходитъ иначе, какъ окруженное кровавымъ заревомъ, и челою своимъ нахмуреннымъ предвѣщаетъ плачевный день; не заходитъ иначе, какъ угрожая багровыми пятнами подобнымъ же при возвращеніи злополучіемъ, и увеличивая претерпѣнные бѣдствія страхомъ неминуемаго ожиданія будущихъ золь.

Когда же лучи свои мещетъ съ вышины неба, тогда око человѣческое, сколь далеко взоръ его простирается можешь, зришь окрестъ себя увядшіе цвѣты, поблеклыя листья деревьевъ, истаявающую отъ зноя траву, разсѣдающую землю, и воду изсыхающую. Всякая земная шварь претерпѣваетъ гнѣвъ небесный, и шощія носящіяся по воздуху облака являющіяся въ видѣ пламенномъ.

Небо кажется бытъ раскаленнымъ горниломъ; ничто, хотя бы мало прохладительное, не представляется очамъ; легкіе вѣтерки спятъ въ пещерахъ и всякое дыханіе воздуха упихло. Одинъ шокмо вѣтръ, вредный и зло-

войный, ошъ Мавришанскихъ песковъ шекущій, густымъ и знойнымъ дуновеніемъ своимъ время ошъ времени опалляешъ лице и грудь.

Ночныя наступающія попомъ тѣни не больше были оправды: онѣ, солнечными лучами разгоряченныя, казалось соспавляли покрывало изъ огненныхъ полосъ и власовъ комешъ испканное. Бѣдная земля! даже и луна для ушоленія жажды ея скупилась низпосылалъ ей росу: увядающія травы и цвѣты щещно просятъ соковъ жизни.

Ошъ безпокойныхъ ночей сладкій сонъ прогнанный бѣжитъ, и ушомленные смершныя никакими ласканіями призвавъ его къ себѣ не могушъ. Но хуже всѣхъ золь жажда; ибо злый Іудейскій владыка смершоносными соками и оправами всякій испочникъ заразя и возмушя содѣлалъ его зловреднѣе, нежели адскій Спиксъ и Ахеронъ.

Малый Силойскій ручей, свѣплый и чистый, щедро предлагавшій сокровища свои Франкамъ, теперь шинистое дно свое осташками изсякшей и теплой влаги едва покрываетъ; тогда какъ самый Ериданъ, въ Майскіе дни глубочайшій, ниже Гангъ или Ниль, когда онъ изъ седми рукавовъ своихъ высшупаетъ и по злачнымъ лугамъ Египта разливается, не могъ бы досшашочно ушолить ихъ жажды.

Всякъ выдавшій изъ нихъ покоящееся

подъ зелеными древами прозрачное озерко, или низвергающіа сь Альпійскихъ горъ чистыя струи, или плавно текущіа между пріятными берегами свѣжіа воды, представляешъ себѣ ихъ образъ, раздражаешъ ими свои желанія, и наводишь себѣ новое мученіе; ибо видъ ихъ жидкій и хладный воспаляешъ и умножаешъ кипящій въ немъ жаръ.

Зри сихъ крѣпкихъ воиновъ, у коихъ ни далекій по непроходимымъ мѣстамъ путь, ни тяжелыя обременяющія ихъ лапы, ни желѣзо на убіеніе ихъ простертое, не могли опнѣять силы и бодрости, днесъ разслабленные, изнуренные опъ жара, лежатъ сами себѣ въ пыгость, и разливающимся въ жилахъ ихъ скрышный огонь мало по малу помишь ихъ и приводишь въ изнеможеніе.

Гибнешъ конь, прежде шоль репивый, и сладкую пищу свою праву не хочешъ болѣе вкушать; ноги его прясунся, и гордая грива опускается долу. Онъ не помнитъ лавровъ своихъ и не горитъ болѣе благородною къ славѣ любовію. Навьюченные на него непріятельскіе доспѣхи и собственную свою великолѣпную збрую, аки нѣкое подлое бремя, ненавидишь и презираешъ.

Томишься вѣрный песъ и всякое попеченіе о домѣ и хозяинѣ своемъ забываетъ. Лежишь распростершись и частымъ дыханіемъ жаждешъ внутренній жаръ свой прохладить.

Но естѣли природа дала ему сіе дыханіе на то, чѣшбъ почерпаніемъ новаго воздуха умѣряшь зной сердца своего, то теперь не чувствуешь онъ никакой ошъ того опрады: шоліко глашаемый имъ воздухъ густъ и шяжелъ!

Тако спрадала земля и бѣдствовали нещасные смершны. Христіянское воинство приходитъ въ опчаяніе о побѣдѣ и спрашится всеобщей пагубы. Уже повсюду слышится единоголасный ропшъ и жалобы, въ сихъ словахъ изливающіяся: чего ожидаетъ Готфридъ? чего надѣется? того развѣ, чѣшбъ смерть всѣхъ насъ постигла?

Эхъ! какими силами можемъ мы преодолѣть высокія стѣны враговъ нашихъ? гдѣ стѣнобишныя овы и бойницы? одинъ онъ не видишь шоль явнаго гнѣва Божіа, шысячами признаковъ и чудесъ являющаго, чѣшб онъ прошивишся его намѣренію: шоль сильнаго солнечнаго зноя Индѣецъ и Египціанинъ не прешерпѣваютъ!

По всему видно, чѣшб Готфридъ ни мало объ насъ не думаетъ; ему нѣшъ никакой нужды, чѣшб мы, какъ низкія и подлыя шварі, всѣ здѣсь помремъ, лишь бы онъ сидѣлъ на престолѣ и царшвовалъ. Такъ ли должны мыслишь владыки, чѣшбъ ушѣшашся властію своею и всѣми образами пещися о

сохраненіи ея, хотя бы то сопряжено было съ погибелію ихъ подданныхъ?

Его называютъ благочестивымъ, крошкимъ и попечительнымъ человекомъ, а онъ всѣхъ насъ забылъ и только о вредномъ и пагубномъ для насъ любочестіи своемъ заботишся. У насъ нѣтъ ни капли воды, а ему возящъ ее съ Іордана, и когда намъ нечѣмъ промочить горшани, онъ въ то время веселясь сидитъ съ немногими за шрапезою и свѣжую воду мѣшаешь съ Кришскимъ виномъ.

Тако ропшали Франки; но Греческій военачальникъ, наскуча слѣдовать за ихъ знаменами: почто мнѣ умирашь, возопилъ, почто воинству моему здѣсь гибнуть? Естьли Готфридъ ослѣпленъ безуміемъ, то пусть съ Французами своими самъ и потерпитъ. Намъ что до него? И въ слѣдующую ночь безъ всякаго оппуска тайно опшелъ изъ сшана.

Примѣръ сей, когда по разсвѣтѣ дня ошомъ узнали, многихъ соблазнилъ и на шожъ подвигнулъ. Воины, пришедшіе съ Клошаріемъ, Адемаромъ и другими вождами, кои нынѣ суть кости и прахъ, чая себя опъ данной имъ кляшвы бытъ освобожденными шожъ, кошорая опъ всего освобождаетъ, помышляющъ о бѣгствѣ, и многіе изъ нихъ при ночномъ мракѣ оспавляютъ сшанъ.

Готфридъ слышитъ и видитъ сіе; онъ могъ бы спрогія принять мѣры, но сердце его гнушается ими и опшвергаетъ ихъ. Онъ съшою вѣрою которая сдвигаетъ горы и опшнавливаетъ шеченіе рѣкъ, прибѣгаетъ благоговѣйно къ Создателью вселенныя и молитъ, да ущедритъ ихъ и благодать свою на нихъ изліетъ. Онъ воздѣваетъ руки и устремля пламенѣющія усердіемъ очи, взываетъ къ небу:

Царь и Отецъ! ты древлѣ сладкою росою одождилъ пустыню; ты рукѣ смершнаго далъ силу поразить камень и изъ распорженной скалы испочилъ живой воды источникъ: благоволи примѣрамъ симъ для сихъ рапниковъ возобновиться, и ешъли они достоинствомъ не равняются Израильскому швоему народу, вознагради недоспашки ихъ швоею благосшію, и шою да нарекушя они швоими воинами.

Молишва сія, опъ чиштого сердца пролишая, не опшалась безплодна; но скоро и легко, аки пернашая пшца, возлетѣла на небо. Превѣчный Отецъ воспріялъ ее, и на воиновъ своихъ вѣрныхъ пресвѣшлыхъ обрашя очи, и надъ бѣдспвіями и спраданіями ихъ умилосердся, шако съ умиленіемъ рекъ:

Да будешъ конецъ пляжкимъ бѣдамъ и опасностямъ, кои сіе любимое мною воиншво прешерпѣваетъ; да прешанушъ опол-

Ч а с ш ь IX.

6

ченныя на нихъ адъ и свѣшъ тайными ухищреніями своими имъ противоборствовать. Опшынѣ да начнешся въ пользу и во благо ихъ новый порядокъ вещей. Да снидеть дождь; да возвратится къ нимъ непобѣдимый вишязь ихъ, и войско Египетское пришедъ да умножишь славу ихъ.

Тако рекши помавалъ главою: безпредѣльное небо и движущіяся и неподвижныя звѣзды почтительно воспрепечали, и воздухъ, и пучины водъ, и горы, и глубокія пропасти восколебалися. Въ лѣвой странѣ появилось блистаніе молній и возгремѣлъ гласъ грома. Народъ увидя молнію и услыша громъ соединилъ съ нимъ гласъ свой и воздвигъ радостныя клики.

Се несущя облаки, не опъ земли уже въ верхъ силою солнечныхъ лучей подъяшья, но съ высотъ неба, всѣ свои врашъ имъ опшверзшаго, поспѣшно опускающя долу. Се незапная ночь мраками своими шемнишь ясность дня: изъ ней ліется крупный дождь, и ручей наводняясь изъ береговъ своихъ выступаетъ.

Подобно какъ иногда въ жаркіе лѣтніе дни крикливыя ушки сидятъ спѣхами на сухомъ берегу, изъясняя хриплыми гласами неперпѣніе свое въ ожиданіи желаемого дождя, и когда онъ польется съ небесъ, тогда каждая изъ нихъ съ радостнымъ восклицаніемъ крылья свои распуская спѣшишь

купаться, и шамъ, гдѣ больше накапливается воды, плаваешь и ныряешь, зной жажды своей уполяя.

Тако ліющійся дождь, десницею благости ниспосланный съ небесъ, веселыми восклицаніями поздравляютъ воины, и не токмо одежду свою, но и власы напишашъ имъ желаютъ: иной пьетъ изъ хрустала, иной черпаетъ шлемомъ, шопъ руки свои въ хладную погружаетъ воду, иной лице, иной виски свои кропитъ, иной же, осторожнѣйшій запасаясь, наполняетъ ею сосуды.

Не одни токмо люди веселятся и по прешерпѣніи пѣжкихъ нуждъ вкушаютъ опраду; но и земля, прежде унылая, сухая, во многихъ членахъ своихъ разсѣдшаяся, приемлетъ въ себя дождь, напояется имъ, сообщаетъ его внутреннимъ своимъ жиламъ, и распространяя пишательные соки, оживляетъ ими и растенія, и травы, и цвѣты.

Она уподоблялась больной женщинѣ, у коей живошворные напѣшки, погася пожигающей внутренность ея жаръ и опниавъ причину зла, всѣ ея составы снѣдаваго, возобновляютъ въ ней прежнюю живость и свѣжестъ, такъ что она, забывая прошедшую свою немощь, снова великолѣпными убранствами и цвѣтами себя украшаетъ.

Наконецъ дождь престаешь и возвращается сіяніе солнца; но сіяніе крошкое,

*

пріятное, исполненное теплою, какое
 бываетъ между исходомъ Апрѣля и началомъ
 Мая. О благодатная вѣра! кто Бога досто-
 должно чпишь, шощь плѣшворность воз-
 духа искореняшь, порядокъ временъ и со-
 стоянія премѣняшь, и свирѣпость звѣздъ
 и рока побѣждать можешь.

Конецъ третій-надесять пѣснь.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь четвертаянадесять.

Уже темная ночь, изшедъ изъ мокраго и хладнаго великой мащери своей лона, легкими дыханіями и распроещершымъ шумомъ чистой, жемчужной росы, покрываешь поля, и попрысая краями влажныхъ одеждъ своихъ сѣешь повсюду злаки и цѣвшы. Тихіе вѣщери, махая крыльями, услаждають сонъ смершныхъ.

Они наспунающія съ днемъ заботы погружаютъ въ сладкое, глубокое забвеніе. Но Царь міра, въ неприсупномъ свѣщѣ недремно на кормилѣ сѣдящій, обращаетъ съ высоты небесъ благоспынный и веселый взоръ свой на вождя Франковъ. Ошполѣ ниспосылаешь онъ шихое сновидѣніе, да изъявишь ему высокое свое опредѣленіе.

При злыхъ врапахъ, ошполѣ исходишь солице, ешь кристальныя на воспоки враша, всегда ошверзающіяся прежде, нежели ошворяшся шѣ, въ кои выступаетъ раждающійся день. Изъ сихъ выходятъ сны, посылаемые ошъ Бога въ знакъ благоволенія его къ умамъ чистымъ и цѣломудрымъ.

Изъ сихъ изшелъ шопъ, который днесъ ниспускается, простирая позлащенные крылья свои къ благочестивому Готфриду.

Ни единое изъ сновидѣній не представляло никому шоль важнаго и великолѣпнаго зрѣлища, какое сей ниспосланный сонъ являетъ ему при откровеніи тайнствъ неба и звѣздъ. Предъ нимъ въ испомъ видѣ своемъ, аки въ зеркалѣ, предсталъ весь горній міръ. Онъ чаялъ себя бытъ пренесеннымъ въ чистое, златыми огнями блещущее поле.

Между шѣмъ какъ онъ въ высренней странѣ удивляется пространству, движению, свѣтлости, согласію, се предшаешь предъ него препоясанный лучами огнезарный воинъ, и гласомъ, предъ сладостию коего всякій земный гласъ естъ грубое звучаніе, рекъ ему: Готфридъ, ты не обрадовался мнѣ? ты не привѣщивуешь другу швоему? развѣ ты не узналъ Угона?

Готфридъ отвѣщивуетъ: сей новый видъ швой, въ солнечныхъ лучахъ чудесно блистающій, воспрепятствоваль мнѣ скоро тебя узнать. Посемъ съ дружескимъ чувствомъ при раза покушался обнять его, но всякій разъ сей видимый имъ образъ уходилъ изъ его объятій подобно сну или мечтѣ.

Угонъ усмѣхнулся и сказалъ: ты чаешь меня бытъ облеченнаго плошію, но я есмь

простый образъ, чистый духъ, гражданинъ небесной области. Ты видишь здѣсь храмъ Божій, обитель воиновъ его, куда и ты водворишься. Когда будешь сіе? спросилъ Готфридъ. Да прервется жизнь моя, если она препятствуетъ мнѣ здѣсь остаться.

Скоро, отвѣчалъ ему Угонъ, раздѣлишь ты съ нами славу шоржештва; но еще много надлежитъ тебѣ, ратуя въ дольномъ мірѣ, пролить крови и претерпѣть трудовъ. Прежде долженъ ты отъ власти Срацинъ освободить свящую землю и возстановить въ ней христіанскую державу, въ коей по тебѣ царствовать будетъ братъ швой.

Но дабы еще больше воспалилось въ тебѣ желаніе и любовь къ сему горнему міру, возри пристально на сей свѣтлый чертогъ и живогорящіе въ немъ огни, вѣчною премудростію сотворенные и движимые! вземли сихъ Ангельскихъ ликовъ прѣснопѣнію и сладостному лиръ ихъ бряцанію; низведи теперь, продолжалъ онъ указуя на землю, низведи взоры швы на сей послѣдній изъ шаровъ.

Сколько ничтожную человѣческая доблесть за трудъ и борьбу свою получаетъ шамъ награду! Въ какомъ маломъ кругу, въ какой дикой пустынѣ заключается ваша пышность! Сія земля и сіе море, наподобіе острова ее обтекающее, называемы вами

проспранными, безпредѣльными, ни мало не соотвѣшсвующь симъ великимъ именамъ, и не иное что сущь, какъ бласто и лужа.

Тако рекъ единъ; другій обращаетъ очи свои, и съ нѣкоею презришельною улыбкою зришь и землю и моря и рѣки, шоль здѣсь разнovidныя, какъ бы во едину почку слѣянными; зришь и удивляется, что человѣческое наше слабоуміе, прилѣпляясь къ тѣнямъ и дыму, ищетъ рабскаго владычества и нѣмой славы, не помышляя, что небеса насъ къ себѣ зовуть и приглашаютъ.

Зришь и попомъ вѣщаетъ: когда Богу еще не угодно, чтобы земная шемница моя разрушилась, то прошу тебя, покажи мнѣ между сими соблазнами свѣша наименѣе опасный путь. Угонъ отвѣшсвуетъ: ты идешь прямымъ путемъ, не совращай съ онаго стопъ швоихъ; шокмо совѣшую тебѣ, призови изъ далекаго зашоченія сына Бершольдова.

Высокое провидѣніе избрало тебя верховнымъ въ семъ предпріятіи владыкою: но въ шожъ время опредѣлило ему бышь главнымъ намѣреній швоихъ исполнишелемъ. Тебѣ поручило первую, ему вторую должность; ты глава, онъ рука сихъ войскъ и ничто другой, ниже самъ ты мѣста его засшупишь не можешь.

Ему единому предославлено очарованіе
 аѣса превозмочь; имъ воинство швое, ошъ
 недослапка людей къ совершенію шоль ве-
 ликаго предпріятія неспособное и кажется
 ошступитъ принуждаемое, ободритъ и на
 новый подвигъ новыя получитъ силы, и
 укрѣпленныя стѣны, и сильное восточное
 ополченіе преодолѣетъ.

Умолкъ, и Гошфридъ ошвѣстшуеъ; о
 коль бы пріятно для меня было возвраще-
 ніе сего вишязя! шы глубину мыслей моихъ
 видишь и знаешь люблю ли я его, и правду
 ли уста мои вѣщають; но скажи, съ каки-
 ми предложеніями и въ какую страну дол-
 женъ я ошправитъ къ нему посла? Проситъ
 ли мнѣ его, или повелѣтъ ему? Какъ соблю-
 сти въ семъ дѣлѣ пристойность поступка?

Вѣчный правитель міровъ, ошвѣчалъ
 ему Угонъ, облекшій себя симъ верховнымъ
 саномъ, благоизволилъ, да подчиненные ше-
 бѣ народы чшутъ себя и уважають: сего
 ради не долженъ шы проситъ; шаковое
 уничтоженіе не совмѣстно съ швоимъ вели-
 чіемъ; но при первой о шомъ прозьбѣ дру-
 гихъ, снизойди на оную и прощеніе изреки.

Гвельфъ, по внушенію ошъ Бога, при-
 дешъ себя умолять: тогда освободи горда-
 го юношу, прешупившаго ошъ излишней
 пылкости гнѣва; да возвратишъ съ преж-
 ней чесшію къ войску. Хотя по младости

ушопаетъ онъ нынѣ въ роскошахъ и любви, но не сомнѣвайся, въ немногіе дни и къ самому нужному времени ты увидишь его въ своемъ станѣ.

Петръ вашъ, коему Небо высокія тайнства свои открываетъ, направишь стопы пословъ твоихъ шуда, гдѣ они получаютъ о немъ иѣкоторыя извѣстія и будутъ наставлены въ искусствѣ и способѣ, какимъ образомъ освободить его и съ нимъ къ тебѣ явиться. Тако всѣхъ твоихъ странствующихъ соповарищей небо соберетъ подъ святыя твои знамена.

Теперь окончу слова мои крапкимъ заключеніемъ; знаю, что оно тебѣ будетъ пріятно: кровь твоя соединится съ кровію его, и отъ сего союза произойдутъ великоимениные и славные потомки. Тупъ умолю, и на подобіе легкаго дыма, развѣяннаго вѣтромъ, или тонкаго солнечными лучами разгнаннаго шума, вдругъ исчезъ. Готфридъ проснулся съ пренепущимъ отъ радости и удивленія сердцемъ.

Онъ отверзаетъ очи и зрѣтъ давно уже разсвѣтшій день: сего ради поспѣшно возстаетъ и облачается въ доспѣхи. Вскорѣ потомъ военачальники и полководцы приходятъ въ шашеръ его, гдѣ обыкновенно засѣдаютъ въ совѣтѣ, и то, чему индѣ надлежитъ исполняться, здѣсь опредѣляютъ.

Здѣсь благодущный Гвельфъ, новою мыслію свѣше вдохновенный, начавъ первый вѣщать, тако рекъ Готфриду: о Царь милосердый, проси миѣ, что прихожу умолять тебя о прощеніи недавно содѣянной вины, почему прозьба моя, конечно, можешь почесться скоропоспѣжною и преждевременною.

Но когда я помышляю, что прибѣгаю къ благочестивому Готфриду, испрашивая прощеніе храброму Ринальду, и когда умоляю о сей милости мною, что я не совсѣмъ недостоинный ходатай, то смѣю надѣясь получить швое на то соизволеніе всѣми желаемое и для всѣхъ пріятное. Благоволи, Государь, да возвратишься сей юный воинъ, и проливая кровь свою за общее благо, да загладишь свою погрѣшность.

Кто, кромѣ его, будетъ шотъ сильный, котораго, рукою падеть оный ужасный лѣсъ? кто прошивъ косы смерти поидеть съ грудью болѣе отважною и твердою? ты узришь его въ переди всѣхъ сокрушающаго врага и воспекающаго на высоту стѣнъ. Возврати, молю тебя, возврати въ немъ общее желаніе и высокую всего воинства надежду.

Возврати миѣ храбраго племянника, и тебѣ самому скорого повелѣній швоихъ исполнителя. Не пошерци, чшобъ погрязь

онъ въ недоспойной праздности, и вмѣстѣ съ возвращеніемъ его къ войску возврати ему и славу его: да послѣдуешь за побѣдоносными швоими знаменами, и да возблещешь знаменишыми подвигами, имѣя себя своимъ насшавникомъ и вождемъ.

Тако умолялъ, и на лицѣ каждаго можно было прочишашъ, что всякъ съ прозьбою его шакже просишъ. Тогда Гомффридъ, какъ бы въ сіе шокмо время преклоненный, могли я, рекъ, опказашъ въ прощеніи, когда всѣ вы шого желаете и просите? Да умолкнешъ спрогосшъ, и да будешъ закономъ и правдою шо, что по всеобщему согласію избираешся.

Да возвратишся Ринальдъ, и впредь, умѣряя пылкость гнѣва своего, да соошвѣтсшвуетъ дѣлами своими общему всѣхъ желанію и возлагаемой на него надеждѣ. Но призывашъ его, Гвельфъ, поручаю шебѣ. Мню, что онъ не умедлишъ прибыть. Ты избири посла и направи пушъ его шуда, гдѣ полагаешъ бышъ гордаго юношу пребывающимъ.

Умолкъ, и шогда воинъ Дашскій возсшавъ рекъ: молю, да посланъ буду я для врученія назначеннаго въ даръ ему почшеннаго меча; не оприцаюсь, сколь бы пушъ сей ни былъ далекъ и шрудень. Гвельфу пріятень былъ сей вызовъ воина швердаго сердцемъ, и крѣпкаго мышцами. Онъ воз-

желалъ да посланъ будешь, и къ нему да присовокупилъ еще Убальдъ, мужъ опытный, оспорожный и хитрый.

Убальдъ во младости своей претекъ многія земли, и зрѣлъ различные народы, спрансвуя отъ хладныхъ поясовъ до жаркихъ Эѳіопскихъ спранъ, и какъ человекъ остроумный и проникательный, приобрѣлъ знаніе въ ихъ языкахъ, нравахъ и обычаяхъ, и потомъ, въ мужесшвенныхъ уже лѣтахъ, находился при Гвельфѣ, и былъ имъ ошлично уважаемъ.

Таковымъ посланникамъ поручено было важное попеченіе призвавъ великаго воина. Гвельфъ назначалъ имъ путь къ шѣмъ спѣнамъ, въ коихъ Боемондъ престолъ свой утвердилъ; ибо по носящимся слухамъ шамъ его навѣрное бытъ полагали; но благій пуспынникъ Пешръ зная, что ихъ не въ шу страну посылають, вмѣшался между совѣщателями и прервавъ бесѣду ихъ рекъ:

О храбрые вишязи, утверждаясь на ложной молвѣ народной, вы ввѣряетесь обманчивому предводителю, который трудъ путешествія вашего содѣлаешь тщетнымъ. Идише на близкіе къ Аскалону берега, гдѣ рѣка падаетъ въ море. Тамъ предстанетъ предъ васъ сопряженный дружбою съ нами мужъ; что онъ скажетъ вамъ, вѣрьте ему, какъ мнѣ.

Мужъ сей о многомъ свѣдуѣ и за долгое время предувѣдомленъ отъ меня о вашемъ путешествіи; онъ колико мудръ, столько будешь къ вамъ благосклоненъ. Тако рекъ, и оба посланника, Убальдъ и Карлъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ повиновались словамъ его, яко свыше отъ небесной власти внушеннымъ.

Они прощаются, и горя нестерпимѣ исполнить порученное отправляются немедленно въ путь, и направляють шопы свои къ Аскалону гдѣ волны примыкающаго моря о берега его разбиваются. Еще не успѣли они услышать сшенящаго ихъ шума, какъ уже пришли къ рѣкѣ, отъ скопленія новыхъ водъ и дождей широко-разлившейся.

Она, выступя изъ береговъ своихъ, шечетъ какъ шпрѣла, быстро. Они останавливаются, и предъ ними являешся почтенный видомъ старецъ. Главу его украшалъ буковый вѣнецъ. Тѣло его покрыто было длинною, бѣлою, изъ тонкаго льна испиканною одеждою. Онъ съ жезломъ въ рукѣ шествовалъ сухими шопами противъ шеченія по хребту рѣки.

Подобно какъ въ хладныхъ сѣверныхъ странахъ, когда сильный мразъ сгустилъ и оледенилъ поверхность рѣкъ, видимъ скользящихъ по онымъ на конькахъ, безопасно

нападающихъ юношей: такъ онъ шелъ по непостоянному хребту сихъ водъ нешвердыхъ и незамерзлыхъ, и когда приблизился къ двумъ успремившимъ на него взоры свои воинамъ, шако рекъ имъ:

Друзья, въ тяжелый и шрудный пуспились вы пушь; нужно вамъ имѣшь проводника: искомый вами воинъ далекъ опселѣ, въ странѣ безплодной и невѣрной. О сколько, сколько еще предстоишь вамъ трудовъ! сколько морей и береговъ должны вы преплыть! даже за предѣлы нашего свѣта надлежишь вамъ стопы свои просперть.

Но не поскучайте войти въ глубокіе вертепы тайнаго жилища моего; тамъ услышите вы многія вещи, о коихъ нужно вамъ знать. Рекъ, и повелѣлъ разступиться водѣ: она разверзается, холмится, и составя тамъ и семо висящія на подобіе горъ глыбы, оставляетъ между ими пустоту.

Сшарецъ, взявъ обоихъ воиновъ за руки, ведетъ ихъ на дно рѣки, и опшолѣ въ глубокія подземныя пропасти. Слабый, дрожащій блистаетъ тамъ свѣтъ, подобный тому, какой опъ неполной луны въ дремучемъ мелькаетъ лѣсу. Однакожь они видятъ наполненные водою пространныя хляби, изъ коихъ спруются къ нимъ протоки, составляющіе индѣ источникъ, индѣ быструю рѣку, индѣ широкое озеро.

И зрящъ ошколѣ раждаешся Эриданъ, ошколѣ Гангъ, Эвфратъ, Испръ происекающъ; ошколѣ выходитъ Дунай, и самыя пошпенныя исходяща Нила здѣсь созерцающся. Нѣсколько пониже усматривающъ они лѣющійся источникъ чистой сѣры и ртути. Солнце освѣщаетъ сіи жидкости и претворяетъ ихъ въ глыбы серебра и золота.

Брега сего источника повсюду испещрены драгоценными каменіями, кои подобно раскаленнымъ углѣмъ побѣждаютъ густоту мрака. Тамъ лазуревыми лучами блистаетъ небесный сапфиръ и яцинтъ, тамъ пламенѣетъ яхонтъ, и несокрушимый горитъ алмазъ, и смѣющийся играетъ изумрудъ.

Воины, пораженные удивленіемъ, смотрятъ съ безмолвіемъ, на сіи чудесныя для нихъ новости. Наконецъ Убальдъ прервавъ молчаніе вопрошаетъ своего пушеводителя: опче! повѣдай намъ, гдѣ мы, кшо ты и куда насъ привелъ? Ибо поистинѣ я не знаю, на яву ли вижу сіе, или эшо мечта и сонъ: шоль сильное удивленіе чувствами моими обладаетъ.

Онъ отвѣстствуетъ: вы находитесь въ пространномъ нѣдрѣ земномъ, источникъ всякаго прозябенія; вы безъ моего руководства не могли бы въ шолцу ушробы ея проникнуть. Я проведу васъ въ мои чертоги, кошорые увидите вы чудеснымъ свѣтомъ

зарящіеся. Я родился въ язычествѣ, но по благодаши Божіей святымъ крещеніемъ возрожденъ.

Не силою злыхъ духовъ произвожу я свои чудотворенія; Богъ да избавишь меня, чѣшобъ я какими либо кругоначершаніями или куреніями спалъ повелѣвашъ Ноцишомъ или Флегешоншомъ. Но я упражняюсь въ изслѣдованіи сокровенной силы правъ и влажностей, и въ другія безвѣстныя таинства природы вникаю, и примѣчаю различныя движенія звѣздъ.

Сего ради не всегда обипаю я въ сихъ подземныхъ храминахъ далеко отъ неба; но часпо высоко въ воздухѣ живу на горахъ Ливанѣ и Кармилѣ. Тамо, Венера и Марсъ являющся мнѣ безъ всякой пусклости во всѣхъ своихъ видахъ, и зрю, какъ всякое другое свѣсило пише или скорбе капишся, и благопріятный ли кажешъ, или грозный зранъ.

И вижу подъ ногами моими иногда густыя, иногда жидкія облаки, шо въ черную шучу спирающіяся, шо въ разноцвѣтную раздѣляющіяся радуго, шо въ дождь и росу разсыпающіяся. Примѣчаю какъ вѣшрь косвенно дуешъ; какъ молнія возгараешся, и какими извилистыми пушами спремилшся къ низу. Созерцаю кометы и другіе огненные

Ч а с ь IX.

7

шары шакъ близко, что самъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ воспаляюсь.

Толико былъ я самъ собою доволенъ, и толико возгордился мыслями и знаніемъ моимъ, что возмнилъ оное бышь доспащочнымъ къ постиженію всѣхъ дѣяній высокаго Творца природы; но Пешръ вашъ окропилъ власы мои во святомъ Іорданѣ, и омылъ нечистоту души моей; онъ просвѣшилъ умствленный взоръ мой и далъ мнѣ увидѣть мрачность его и краткость.

Тогда позналъ я, что при лучахъ превыспренней истины разумъ нашъ есть, аки нешопырь предъ солнцемъ. Я самъ надъ собою смѣлся и надъ безуміемъ, толикою гордостью меня напыщавшимъ. Однакожь по волѣ очистившаго меня продолжаю упражняться въ обыкновенныхъ моихъ испытаніяхъ, ставъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, нежели прежде; отъ него нынѣ завишу и къ нему обращаюсь.

На немъ почию; онъ повелѣваетъ и научаетъ меня, вмѣстѣ наставникъ и владыка, не пренебрегающій шворишь чрезъ меня достойныя иногда рукъ своихъ дѣла. Днесъ на меня возложилъ онъ попеченіе возвращишь къ войскамъ пребывающаго въ отдаленной шемницѣ непобѣдимаго вицязя, предувѣдомленный отъ него, я давно уже прибишія вашего ожидаю.

Такъ бесѣдуя съ ними приходитъ въ обитѣемое имъ жилище. Оно имѣло подобіе пещеры, виѣщавшей въ себѣ множество покоевъ и огромныхъ храминъ. Все что земля въ жилахъ своихъ хранишь свѣшлаго, богатого и драгоцѣннаго, вездѣ тушь блистало, и всѣ рѣдкости и сокровища, черпоги сіи украшавшія, были не рукошворныя, но самородныя.

Великое число учтивыхъ и проворныхъ служилыхъ явились для услугъ гостямъ; они воздвигли великолѣпный столъ и устлали оный вкусными яствами въ златыхъ, серебряныхъ и кристальныхъ сосудахъ. Когда же войны гладъ свой насыпили и жажду утопили, тогда сшарецъ сказалъ имъ: время шеперь главнѣйшее желаніе ваше удовольствовашь.

Вамъ ошчаспи извѣстны, продолжалъ онъ, дѣла и обманы злохитрой Армиды, какимъ образомъ пришла она въ спанъ, и какъ многихъ воиновъ, сшавъ предводительницею ихъ, увела съ собою. Знаете шакже въ какіе крѣпкіе подѣ измѣнническимъ угощеніемъ повергла ихъ оковы, и подѣ спражею послала въ Газу, гдѣ на пущи были они освобождены.

Теперь возвѣщу вамъ о шомъ истинномъ происшествіи, о коемъ вы, яко о случившемся послѣ шого, еще не слыхали. Когда

лукавая чародѣйка узнала, что сія полики-ми коварствами приобрѣшенная добыча изъ рукъ ея испоржена, то ошъ сильной досады перспы свои угрызла, и воспламененная гнѣвомъ рекла: да не будешь того никогда, чтобъ Ринальдъ освобожденіемъ спольныхъ узниковъ моихъ могъ величаться.

Когда онъ избавилъ ихъ ошъ пѣна, то пусть самъ будешь пѣнникъ, и претерпишь опредѣленное для другихъ долгое шомленіе и муки. Симъ я еще не довольна; но хочу, чтобъ всѣ они вкупѣ погибли. Тако сама съ собою вѣщая сосшавила въ умѣ своемъ злое, о коемъ скажу вамъ, ухищреніе. Пришла на мѣсто, гдѣ Ринальдъ въ сраженіи спражу ея разсѣялъ и ошчасши убилъ.

Здѣсь снялъ онъ съ себя доспѣхи свои и облекся въ Срацинскую одежду, можешь быть для того, что желалъ путешествовать скрытно, не имѣя никакихъ примѣшныхъ на себѣ признаковъ. Волшебница беретъ оружїа еѣ и облекши ими обезглавленный трупъ, кладетъ оный на берегу рѣки, зная, что туда прибудешь ошрядъ Франковъ.

Она могла легко сіе предвидѣть; ибо разсылала повсюду соглядатаелей, приносившихъ ей извѣстія о войскѣ, и о шомъ, что въ оное прибылъ, или ошъ онаго ошлучился.

Сверхъ сего она часто и долго бесѣдовала съ духами. Такимъ образомъ положила она мертвое шѣловъ удобномъ для обмановъ ея мѣстѣ.

Недалеко отсюда поставила остроумнаго юношу, одѣшаго въ пастушеское платье, и научила его какъ и что ему дѣлать и говорить должно. Онъ исполнилъ по со всевозможною смешливостію, разговаривалъ съ вашими воинами и внушилъ въ нихъ сѣмя подозрѣнія, изъ коего произрасли попомъ плоды раздора и несогласія, едва не превратившіеся въ междоусобную брань и войну.

По намѣренію ея смерть Ринальдова сочтена была шайнымъ мщеніемъ Гомфридовымъ; но наконецъ при первомъ дословномъ извѣстіи недоскойное подозрѣніе сіе оказалось клеветою: таковы были прежнія хитрости Армидины; теперь услышите, какъ она продолжала ихъ, и что попомъ воспослѣдовало.

Подобно лукавой ловишельницѣ Армида ожидала Ринальда при распушіи: онъ приходитъ на берегъ Оронша, гдѣ сія рѣка, раздѣлясь на два рукава, обшекаетъ островъ. Тамъ на берегу видитъ онъ возвышающійся столбъ, и недалеко отъ него малую ладію. Устремляетъ очи на прекрасную работу сего бѣлаго мрамора, и читаетъ злыми буквами насѣченную надпись:

О ты, кто ты ни еси, волею или слу-

чаемъ ко берегу сему пришедшій, знай, что отъ востока до запада нѣтъ ничего чудеснаго, какъ то, что на сему маломъ островѣ сокрывается; преплыви, еспли хочешь оное увидѣть. Неоспорожный випязь воспламеняется желаніемъ быть на немъ, и какъ ладія не могла поднять многихъ, то оставляешь онъ служишелей своихъ, и одинъ переѣзжаетъ.

Переѣхавъ, озираешь всѣ мѣста жадными очами; но не видишь ничего, кромѣ пещеръ, воды, травъ, цвѣтовъ и растѣній. Онъ огорчается и почищаетъ себя обманутымъ; но островъ сей увеселяешь его, и представляешь ему сколько прелестей, что онъ останавливается, садится, и обнажа главу свою, наслаждается тихимъ дыханіемъ благорасвореннаго воздуха.

Между тѣмъ слышишь въ рѣкѣ нѣкое необыкновенное журчаніе: онъ устремляетъ тудавзоры свои, и видитъ посреди ея кающуюся клубомъ волну, изъ коей сперва появляются блондинныя власы, потомъ исходитъ дѣвическое лице, потомъ шея, груди, и наконецъ весь станъ по самый поясъ.

Тако въ представленіяхъ ночныхъ зрѣлищъ видимъ тихо возникающую нимфу или богиню. Сія хотя не была настоящая сирена, но единый токмо мечтательный призракъ, однакожь казалась быть одною изъ

тѣхъ, кои при Тиренейскихъ брѣгахъ въ обманчивомъ обихаютъ морѣ. Гласъ ея столько же, какъ и сама она, былъ прелесть. Она восхищивъ небо и воздухъ запѣла:

О юноши, доколѣ весна облекаетъ васъ своими зелеными одеждами, ахъ! не воспламеняйте младаго ума своего лживыми лучами славы и цѣломудрія. Мудръ, кто слѣдуя склонности своей вкушаетъ во время плоды; сего требуетъ природа; неужели сладкій гласъ ея не омягчитъ суровой вашей души?

Безумные, почто не пользуетесь драгоценнымъ даромъ младости, шоль скоро исчезающимъ? то, что свѣтъ называетъ знаменитостію и достоинствомъ, суть пустыя имена, щещно поклоняемые кумиры. Слава, кажущаяся вамъ гордымъ смертнымъ шоль прекрасною, и которая сладкою своею молвою прельщаетъ слухъ ваше, есть пустой звукъ, сонъ, или одна тѣнь сна, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра уносящаяся и погибающая.

Вкушаетъ утѣхи, и въ нѣдрахъ ихъ наслаждается спокойствіемъ духа; забываетъ прежнія скуки, и ожиданіемъ будущихъ золь не разрушаетъ настоящихъ благъ; гремятъ ли небеса, сверкаютъ ли молнии, не помышлять о томъ и не бояться угрозъ ихъ и

гнѣва: вопшь чшо щаспливая жизнь; вопшь чшо швердишь намъ и чему научаетъ насъ природа.

Тако злохипрая пѣла, и симъ сладко-лукавымъ гласомъ преклоняла юнаго вишлязъ къ дремошѣ. Сонъ мало по малу вкрадывается въ чувства его, и берешъ надъ ними полное владычество. Скоро ни самые громы не могли бы разрушить въ немъ сего шихаго, подобнаго смерти успокоенія. Тогда измѣнница чародѣйка исходитъ изъ пошаненныхъ мѣстъ, и кидаетъ къ нему съ подыштою на мщеніе рукою.

Но когда взглянула на него, и увидѣла его спокойно и безопасно почивающаго; когда узрѣла даже и въ сомкнутихъ очахъ его нѣкую ласковую улыбку, и вообразила, чшобъ такое были онѣ, ешълибъ онѣ обращалъ ихъ опкрышыя; шо сперва изумленная ошановилась; пошомъ сѣла подлѣ него, и любуясь на младость и красошу лица его, чувствовала, чшо гнѣвъ ея исчезаетъ. Наконецъ шакъ приспально ушпредила на него взоры свои, чшо казалась бышь Нарцизомъ, шопрящимся въ испочникъ.

Тонкимъ покрываломъ пошъ съ прекраснаго чела его шихонько спираетъ, и легкими маханіями спараетъ прохладишь лѣшній безпокоющій его жаръ. Тако, кшо бы подумаль? пошухшій огонь зажмуренныхъ

очей растопилъ окружавшій сердце ея твердѣйшій алмаза ледъ, и превратилъ ее изъ лютоѣйшаго врага въ нѣжнѣйшую любовницу.

Изъ яциновъ, розъ и лилей, на сихъ пріятныхъ берегахъ растущихъ, сплетается она особымъ искусствомъ составленныя мягкія и легкія, но крѣпчайшія цѣпи: ими шею, руки и ноги его опутываетъ, и тако связаннаго содержишь въ плѣну. Пошомъ соннаго еще возлагаетъ на колесницу свою, и съ нимъ подымается и летишь подъ небесами.

Не правишь ни въ царство свое Дамасское, ни въ крѣпость свою, посреди озера лежащую, но ревнующая о сохраненіи польдрагоцѣннаго залога, и спыдящаяся любви своей, пускается въ неизмѣримый океанъ, за предѣлы извѣстнаго намъ свѣта, куда рѣдко или никогда никакое судно опъ бреговъ нашихъ не заходитъ, и тамо жилищемъ своимъ избираетъ уединенный островъ.

Островъ, получившій съ малыми окрестъ его островами имя свое опъ щастія. Здѣсь оспанавливается она и сходишь на вершину дикой, мраками окруженной, необитаемой горы, и волхвованіемъ своимъ шворишь, что льды и снѣги опускаются на бока ея и подошву, вершина же оспається безснѣжная, зеленѣющая и прекрасная: шущъ подлѣ озера спавишь она свои чертоги.

Тамо въ вѣчной веснѣ, утопая въ роскоши и сладострасшіи, провождаетъ съ нею дни свои пѣнненый ею младый випязь. Изъ сей-то далекой и безвѣстной шемницы надлежитъ вамъ освободить его, и преодолѣть всѣ препоны, боязливою и ревнивою волшебницею вокругъ горы сей и жилища своего обставленныя. Съ вами будетъ пущеводитель, который снабдитъ васъ всѣми потребными для сего великаго предпріятія оружіями.

Едва изыдете вы изъ сей рѣки, найдете младую лицомъ, но древнюю лѣтами жену; вы узнаете ее по длиннымъ собраннымъ на челѣ власамъ и по разноцвѣтной ея одеждѣ. Она скорѣе крикъ вѣпра, и быстрѣе молніи, промчитъ васъ по пространству морской пучины, и съ такою же вѣрностію пошщитъ препроводить васъ на обратномъ пути.

При подошвѣ горы, гдѣ обитаетъ волшебница, повстрѣчаете вы новыхъ ползающихъ и шипящихъ пиеоновъ, и спрашныхъ, разверзающихъ широкія пасти свои львовъ и шигровъ; но когда вы махнете лозою моею, услыша свистъ ея въ воздухъ, не посмѣютъ они къ вамъ приблизиться. Послѣ сего, еслили слухъ правдивъ, найдете вы на вершинѣ горы еще величайшія сихъ препятствія.

Тамо представившя вамъ текущій испочникъ, имѣющій поль свѣжія и чистыя воды; что въ зрящихъ на него возбуждаетъ жажду; но внутри холодной и прозрачной влаги его таишя поль чудный и вредоносный лѣдъ, что ошъ малѣйшаго вкушенія сихъ свѣтлыхъ водъ, душа упивается веселиемъ, и понуждаетъ человѣка до шѣхъ поръ хохотать покуда онъ умретъ ошъ смѣха.

Да отвратятся съ гнушеніемъ уста ваши ошъ сей зловредной, смертоносной воды. Да не прельстятъ васъ также разсѣяленные на злчномъ берегу вкусныя яства, ниже лукавыя дѣвы, сладкогласно поющія, и прекраснымъ, смѣющимся лицомъ обворожающія. Не смотрише на нихъ, и презирая и взоры и слова ихъ хитрыя и сладострастныя, идише прямо въ высокія врапа.

Внутренность жилища обнесена оградой, тысячами пущей извивающеюся. Но я вручу вамъ малую харшію, содержащую въ себѣ поль вѣрный чертежъ, что вы по немъ безошибочно пройши можете. Въ срединѣ лабиринта сего находится верхоградъ, гдѣ каждое древо, каждый листь кажется дышетъ любовію. Тамо на мягкой муравѣ найдете вы лежащихъ рыцаря и дѣву.

Но когда она, оставя своего любезнаго, ошлучится на время ошъ него, вы тогда

появись приспущише къ нему, и алмазный щипъ, какимъ я васъ снабжу, поставыше ему предъ глаза, дабы въ немъ, какъ въ зеркалѣ, узрѣлъ онъ и образъ свой и женоподобную одежду, въ кошорую облеченъ. Сіе зрѣлище пристыдишъ его, подвигнешъ на гнѣвъ, и недостойную любовь изженешъ изъ его груди.

Ничего мнѣ больше не остаеся вамъ сказать, кромѣ того, что идите безъ всякаго опасенія, и проникнувъ сквозь всѣ искривленныя и запутанныя спези, вступите смѣло въ самую сокровеннѣйшую внутренность. Вы сопровождаеся такимъ могущесвомъ, что никакая волшебная сила не воспрепятствуетъ вашимъ спонамъ, и Армида прибытія вашего предузнашъ не можетъ.

Такожъ и обратный изъ черпаговъ ея выходъ будетъ вамъ невозбраненъ и безопасенъ. Но наступаешъ время сна, и завшра должны вы съ разсвѣтомъ дня воспашъ. Тако рекъ, и ошвелъ ихъ въ назначенныя имъ для опочишія храмины; тамо, благій спарець, оставя ихъ въ веселыхъ размысленіяхъ, ошшелъ къ покою.

Конецъ четвертой-надесять пѣсни.

ОСВОВОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь пятнадцатъ.

Уже прекрасный лучъ восходящаго солнца вызывалъ къ трудамъ всѣхъ обитающихъ на земли пварей, когда пришедшій къ двумъ воинамъ мудрый старецъ принесть имъ харшію, и щипъ, и злашую лозу. Приготовшесь, сказалъ онъ, къ великому пуши, доколѣ день еще не совсѣмъ разсвѣлъ. Вопъшо, что я вамъ обѣщаль, и чѣмъ можно разрушитъ волшебничино чародѣйство.

Воины оставили уже одръ свой и крѣпкіе члены ихъ облечены были во всеоружіе, а попому и пошли немедленно за старцемъ пушями не освѣщенными солнцемъ, и тѣ же слѣды, кои приходя проложили, топчущъ опходя. Но когда они пришли къ ложу рѣки его: друзья мои, сказалъ онъ имъ, я васъ оставляю; спускайте благополучно!

Рѣка пріемлетъ ихъ въ глубокое нѣдро свое, и вода тихо подхватываетъ и возноситъ ихъ, подобно какъ приподнимаетъ она легкую оторвавшуюся въ низу былинку; и попомъ поставляетъ ихъ на мокрый берегъ. Тамъ зрятъ они обѣщаннаго проводника;

видяшъ малый кораблець , и на кормѣ его шу, кошорая долженствовала бытъ ихъ пушеводительницею, волшебную жену.

Она имѣла власы кудрявые , и взоры ласковые и дружелюбные и спокойные; и видомъ походила на ангела; такъ ошъ нее свѣдѣлось, что казалось она сіяетъ и горитъ. Одежда ея назвалъ бы ты шо лазуревую, шо багряною, и тысячами цвѣтовъ играющею , такъ что сколько разъ на нее ни взглянешь, всегда видишь иною.

Тако иногда перья на шеѣ прелестнаго и страстнаго голубка никогда сами съ собою не сходны , но всегда при солнечномъ сіяніи разными цвѣтами блистають. То мнишся бытъ на немъ изъ горящихъ рубиновъ ожерелье; шо зеленыхъ смарагдовъ кажешъ онъ лучи; шо вмѣстѣ ихъ смѣшиваешъ , и разнообразенъ и красивъ, множествомъ перемѣнъ увеселяетъ очи зрительей.

Войдите, сказала она, щастливые смертные , въ сей корабль , на коемъ я безопасно преплываю океанъ , и кошорому всякій вѣтръ попушенъ, всякая буря шиха, и всякій тяжкій грузъ легокъ. Господинъ мой, охотно благодѣтельствующій , поручилъ мнѣ бытъ вашею служницею и проводницею. Тако рекла жена, и приблизила къ берегу корабль.

Когда благородная чета вступила въ

него, жена отваливаетъ отъ берега, освобождаетъ его отъ узъ, и распуска парусы, сидишь на кормѣ и правишь. Рѣка на сей разъ шая была многоводна, что могла бы на хребтѣ своемъ и грузные корабли нести, а сей былъ такъ легокъ, что его поднятъ бы и всякой другой маловодный ручей.

Надушенные вѣтромъ парусы съ необыкновенною скоростію несутъ корабль: сбѣгая пѣна бѣлѣется, и раздвинутыя волны журчатъ за кормою. Се достигаютъ они шуда, гдѣ рѣка расширяясь уменьшаетъ свою быстрину, и по проспранству морской пучины разлиная или шеряется, или спановишся невидимою.

Едва чудесный сей корабль вступилъ въ проспранныя буруеваемыя тогда морскія бездны, мгновенно облаки исчезаютъ и угрожавшій черными пучами угрюмый югъ преспахаетъ душу. Горы волнъ падаютъ, распилаясь въ равнину и шокмо шихимъ вѣтромъ синяя поверхность моря чешуишся. Никогда улыбающееся въ благораспворенномъ воздухѣ небо не являлось шокъ веселымъ.

Малый корабль, миновалъ Аскалонъ, правишь пущь свой въ лѣво на задъ, и вскорѣ достигаетъ окрестностей Газы, сей Газы, что въ древнія времена была одно при-

спанище корабельное, а нынѣ, обогатясь разореніемъ другихъ, возрасла въ великій и сильный градъ, на берегахъ коего почти сполько же зришся людей, сколько песку.

Плаватели, обращая взоры на землю, видяшъ безчисленное множество палашокъ, видяшъ всадниковъ и пѣшихъ, безпрестанно движущихся изъ града въ спанъ и обратно; зряшъ навьюченныхъ верблюдовъ и слоновъ медленною стопою шолчущихъ песчаныхъ спези. Усмаприваюшъ во внушренности пристанища исходящіе изъ него и на якоряхъ лежащіе въ немъ корабли.

Иные изъ нихъ распускаюшъ парусы, другіе проворно и сильно гребушъ веслами, ошъ коихъ, равно какъ и ошъ оспрыхъ носовъ, влажное нѣдро водъ, шо шамъ, шо индѣ ударяемое брызжешъ и пѣнишся. Тогда речешъ имъ жена: хошя берегъ и море преисполнены рапными людьми, однакожъ войски могущественнаго царя Египетскаго не всѣ еще сюда собралися.

Здѣсь зрише вы воиновъ изъ одного шокмо Египта и окрешносшей онаго; оспальные же изъ опдаленныхъ спранъ еще не пришли; ибо царшво его далеко на восшокъ и полдень просшираешся. Я надѣюсь, что мы прежде возвратимся, нежели спанъ сей, имъ самимъ или первѣйшимъ изъ полководцевъ его предводимый, двинешся.

Между шѣмъ, какъ она тако вѣщаетъ, корабль ея, подобно орлу между другими птицами безопасно пролетающему, и высоко къ солнцу едва очами видно парящему, летишь между множествомъ судовъ, не заботясь и не опасаясь, чѣмъ кто его задержалъ или бы за нимъ погнался, и скоро удаляясь теряется изъ виду.

Мгновенно приближающся къ Раффи, градъ, который шѣмъ, кои плывущъ изъ Египта, прежде всѣхъ появлялся; посемъ преносимся къ безплоднымъ брегамъ Ринокера, отколѣ вскорѣ открывающся гора, возносящая гордую вершину свою надъ моремъ, омывающимъ бурными волнами подошву ея, гдѣ лежатъ кости великаго Помпея.

Потомъ видяшь Даміетпу, и зряшь какъ Ниль семью славными устьями, и спомня другими не столь широкими рукавами, низливающихся съ небесъ въ него воды несешь въ дань морю, и гдѣ корабли проходящъ мимо града, храбрымъ Грекомъ для Грековъ основаннаго, и мимо Фароса, острова далече отъ берега отстоявшаго, а нынѣ съ берегомъ соединеннаго.

Родоса и Криша, весьма отдаленныхъ къ сѣверу, распознать не могутъ, и плывущъ вдоль цвѣтущихъ и плодоносныхъ береговъ Африки, коея внутренняя страна одними безплодными песками и лютыми

Ч а с т ь IX.

8

изобилуютъ чудовищами. Проходящъ Марма-
рику, и землю, гдѣ пять градовъ имѣлъ
Циренъ; видящъ Пшоломишу, и спокойно
текущую изъ исходящъ своихъ баснослов-
ную Лешу.

Отъ великой Сиршы, опасной для море-
плавателей, держащъ далѣе въ море. Про-
ходящъ мысъ Іудейскій, и удаляющъ отъ
залива Магры. Видящъ открывающійся на
берегу Триполь, прошивъ кошораго лежищъ
утопающая въ водахъ низкая Мальша. Ос-
тавляютъ позади себя малыя Сиршы и Аль-
цербу, бывшую нѣкогда жилищемъ Лощофа-
говъ.

Посемъ среди согбеннаго дугою берега,
имѣющаго по каждую сторону высокую го-
ру, зрящъ богатый, ни единому изъ всѣхъ
знаменистыхъ Ливійскихъ градовъ не усту-
пающій Тунисъ. Недалеко отъ него Сицилія,
прошивъ коея возвышаетъ чело свое вели-
кій Лилибей. Отселѣ жена указываетъ двумъ
воинамъ мѣсто, гдѣ былъ Кареагенъ.

Лежищъ поверженъ славный Кареагенъ;
едва остались на берегу знаки величествен-
ныхъ его развалинъ. Падающъ грады, па-
дающъ царства; великолѣпіе и пышность
ихъ покрываются пескомъ и правую, а че-
ловѣкъ кажешся бытъ негодующимъ на то,
что смертенъ: о ума нашего безумная и
корыстолюбивая гордость! Оттолѣ плы-

вуть мимо Бизешты, и далѣе оставляють по другую руку островъ Сардинію.

Проплывають попомъ землю, гдѣ кочующіе Нумиды вели жизнь пастушескую. Срѣщаютъ Бугію и Алжиръ, гнусныя гнѣзда морскихъ разбойниковъ; далѣе срѣчаютъ Оронъ, и плывутъ вдоль береговъ Тангиданы, липапельницы львовъ и слоновъ, нынѣ составляющей Марокское и Фецкое царство; и проходятъ мимо лежащей противъ нихъ Гранапы.

Уже достигли они шуда, гдѣ море между земель отверзло себѣ путь, дѣяніе приписуемое подвигу Алкида; и можешь быть правда, что нѣкогда проспирался путь непрерывный берегъ, великою силою раздвоенный: океанъ хлынулъ, расшоргъ его, Абиля на одну, Кальпъ на другую спрану бросилъ, и Гишпанію съ Ливією раздѣлил: шолікія долговременность вѣковъ шворить премѣны!

Солнце, отъ начала отшествія корабля, чешырежды появлялось на восхождѣ; но онъ, преплывъ шолікій путь, не имѣлъ ни единой надобности зайти въ пристанище. Днесъ входишь въ проливъ, быспро пролепашешь оный, и пускаешься въ безпредѣльную пучину. Когда здѣсь море, сжатое землею, шоль пространно, чшожъ будешь

памъ, гдѣ оно въ нѣдрахъ своихъ содержишь землю?

За высокими волнами не видно болѣе плодоноснаго Гадира, ни двухъ близкихъ къ нему острововъ. Скрылись всѣ берега и земли: вода съ небомъ, и небо слилось съ водою. Тогда Убальдъ рекъ: о ты, везущая насъ по сей пучинѣ жена, возвѣспи намъ, бывалъ ли кто когда либо здѣсь, и далѣе въ свѣтѣ, куда мы плывемъ, находясь ли жители?

Она отвѣстствуетъ: Геркулесъ по убіеніи Гишпанскихъ и Ливійскихъ чудовищъ, покоря и обжегши всѣ сіи земли, не дерзнулъ пускаться въ пространный океанъ. Онъ назвалъ сіи горы сполбами, знаменующими конецъ свѣта, и заключилъ дерзновеніе человѣческаго ума въ тѣсныя предѣлы; но Улиссъ, любопытный все увидѣвъ и узнавъ, пренебрегъ сіи предназначенныя имъ знаменія.

Онъ прешекъ сіи сполбы, и воспѣня веслами море просперъ по немъ дерзкій свой полетъ; но пріобрѣтенная имъ въ мореплаваніи опытность не послужила ему въ пользу: прожорливый океанъ поглотилъ его, и сіе великое происшествіе, ушаемое между вами, совокупно съ шѣломъ его погребено въ волнахъ. Если бы былъ кто другой, силою вѣтровъ отъ береговъ отшпор-

женный, пошъ или не возвратился или погибъ.

По сей причинѣ сіе великое, преплываемое нами море никому неизвѣстно: въ немъ сокрывающіяся тысячи острововъ, и тысячи царствъ, коихъ земли, населенныя жишелями, шoliko же, какъ ваши, плодo-носны, и способны производить всякія растѣнія: сила солнечныхъ лучей не меньше тамъ плодотворна. Тогда Убальдъ сказалъ: повѣдай намъ, какую безъизвѣстный свѣтъ сей исповѣдуешь вѣру, и какими законами управляешься?

Жена продолжаетъ: разные народы различны вѣроисповѣданіемъ, одеждою и нарѣчіемъ. Иные поклоняются живошнымъ, иные общей всѣмъ матери земли, иные солнцу и звѣздамъ. Есть, кои нечистую ушробу свою наполняютъ сквернояденіями, и вообще, всѣ живущіе по сію страну Кальпа народы имѣютъ грубые нравы и злочесливое Богослуженіе.

Посему, прервалъ воинъ, Богу, снисшедшему просвѣтивъ насъ Божественными откровеніями, не благоугодно было сію великую часть свѣта озарить лучами истины? Напрошивъ, освѣстившавала жена, вѣра Свяшаго Петра и всѣ наши гражданскія художества проникнуть къ нимъ; не всегда

пусть сей далекий будетъ для нашихъ народовъ неприступенъ.

Придетъ время , когда Геркулесовы столбы почишась будутъ презрѣнною ошъ искусныхъ мореплавателей баснею. Сѣ моря , нынѣ безъимянныя , и царства безвѣстныя , прославятся между вами. Опважнѣйшій изъ смертныхъ возсядетъ на корабль , измѣряетъ необъятное великихъ водъ пространство , и обещетъ , соперникъ солнца , всю земнаго шара поверхность.

Мужъ Лигурянинъ дерзнетъ первый вѣдаться безвѣстному пушеплаванію ; ни грозный шумъ вѣтра , ни безпредѣльность моря , ни сомнительность подъ шѣмъ небосклономъ воздуха и погодъ , ниже что либо иное , еще болѣе опаснымъ и ужаснымъ почишаемое , не поколеблетъ швердаго духа его , и не удержитъ въ шѣсныхъ при Абилѣ пославляемыхъ предѣлахъ свѣта.

Ты , Колумбъ , распрострешь съ шолікою быспрошою щастливья вѣтрила швои хъ новымъ , далекимъ шранамъ міра , что едва взорами своими успѣешь слѣдовать за тобою споочияя и спокрываая слава. Пусть пошъ она Алкида и Вакха , о тебѣ же токмо да не умолчишь пошомкамъ , и тогда сей малый глаголъ ея подвигнетъ умы хъ составленію достопамятнѣйшихъ о тебѣ бышописаній и пѣснопѣній.

Тако рекла жена, и по холмистой пучинѣ мчала ихъ къ западу, и пошомъ обратилась къ югу. Они видѣли какъ солнце предъ ними погружается въ воды, и какъ позади ихъ восстающе ему рождается день. Когда прекрасной зари багряные возсіяли лучи, тогда въ дали сивозъ мракъ открылась имъ гора, скрывающая чело свое въ облакахъ.

Но чѣмъ ближе становились они къ ней, тѣмъ болѣе мракъ сей прочищался, и вскорѣ представилась она взорамъ ихъ на подобіе острой въ верху, въ срединѣ же толстой пирамиды, изъ коей исходилъ дымъ, подобно какъ изъ хребта Энцилада, днемъ по природѣ своей курящагося, ночью же извергающаго пламень освѣщающій небо.

Напоследокъ появляющія другіе соединенные острова, другія не столь высокія и огромныя скалы. Острова сіи въ древности названы щасливыми. Почивали ихъ столь благоутробными небесамъ, что земля на нихъ сама собою, безъ всякаго рукъ человѣческихъ труда, приносила зрѣлый виноградъ и сладчайшіе плоды.

Здѣсь масличныя безъ обмана цвѣтущія дерева; изъ дуплистыхъ дубовъ каплетъ медъ; съ высокихъ горъ текутъ чистыя, пріятно журчащія струи; лѣсныя лучи такъ прохлаждающія легкими вѣтерками и ро-

сою, что жаръ ихъ никогда не бываетъ ушомишеленъ. Здѣсь полагались быть Елисейскія поля и славное блаженныхъ душъ жилище.

Къ симъ повезла ихъ жена, и сказала: конецъ пущи вашего приближается; вы видите предъ собою острова, называемые щасливыми, о коихъ великая, но не совсѣмъ вѣрная достигла до васъ слава; они безсомнѣнія цвѣтущи, плодоносны и прекрасны; но много однакожъ къ правдѣ примѣшено неправды. Тако рекла, и держала весьма близко къ первому изъ десяти оныхъ.

Тогда Карлъ сказалъ ей: естли желаніе мое не препятствуетъ предпріятію нашему, на которое мы поспѣшаемъ, то позволь мнѣ сойди на сей берегъ, обозрѣть сію безвѣстную землю, увидѣть людей, узнать о ихъ богослуженіи, и обо всемъ помѣ, въ чемъ бы ученые могли мнѣ позавидовать. Сколь пріятно для меня будешь повѣствовать о сихъ зримыхъ мною новостяхъ, и скажешь: я былъ тамъ!

Она отвѣтствуетъ: поистинѣ желаніе твое справедливо и достойно тебя; но что могу я сдѣлать, когда строгое, ненарушимое опредѣленіе небесъ того не позволяешь? время, назначенное Богомъ къ сему великому открытію, еще не приспѣло: не положено

вамъ о пространствѣ океана принести вѣрное въ свѣтъ ваше извѣстіе.

Вамъ по особой благодати, свыше обыкновеннаго искусства и дѣяній мореплавателей, дано преплыть сію воду, сойти шуда, гдѣ заключенъ Ринальдъ, и возвратишь его въ ваше земное полушаріе. Сего довольно: покушайся далѣе, было бы горделивое хощеніе воспропавишься року. Тутъ умолкла, и казалось имъ первый островъ становившися ниже, а второй выше.

Она показываетъ имъ, что сіи острова, простираясь длиннымъ рядомъ на востокъ, лежатъ почти въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго, и что на семи изъ нихъ можно примѣнить дома жителей, поля, и другіе признаки обитанія; а прочіе при пущы, и шокмо въ горахъ и лѣсахъ являютъ безопасныя для дикихъ звѣрей жилища.

На единомъ изъ сихъ необитаемыхъ острововъ есть мѣсто весьма упесистое, гдѣ берегъ, искривясь и выдавшись двумя длинными рогами, приѣмлетъ въ себя уходящій за нихъ широкій заливъ, при коемъ стойтъ примѣтная по двумъ холмамъ высокая скала, котораи лицомъ къ нему, хребтомъ же къ морю обращенная, служишь непреодолимую преградою спреющимся въ него и сокрушающимся объ нее морскимъ волнамъ.

Вода въ заливѣ покоится за нею въ тишинѣ; вершина скалы, покрывая дремучими лѣсами, являетъ мрачное зрѣлище; но посреди оныхъ находишь пріятная, обросшая плющемъ, прохлаждаемая тѣнями, и свѣшлымъ источникомъ орошаемая пещера. Здѣсь нѣтъ надобности ни якоремъ ко дну, ни вервиемъ къ берегу, усалые прикрѣпляютъ корабли. Жена въ сіе уединенное и тихое пристанище входитъ и убираетъ распущенные паруса.

Видишь, сказала она, сіе огромное зданіе, на вершинѣ горы воздвигнутое? тамъ въ нѣдрахъ роскоши, посреди лакомствъ, игръ и веселія, упоаешь защитникъ христіанскія вѣры. Вы съ восходящими лучами солнца спускайтесь на крутизну горы; не поспѣвайте симъ промедленіемъ; ибо одни токмо утренняя часы предпріятію вашему благопріятствовать могутъ.

Теперь же, съ остающимися еще свѣтомъ дня, можете вы дойти до подошвы горы. Воины, просиявъ съ услужливымъ вождемъ своимъ, выступаютъ на возделанный берегъ; они идутъ по пуши шоль гладкому, что никакой усталости не чувствуютъ, и достигаютъ до мѣста, когда еще колесница Фебова далеко была отъ океана.

Видяшь, что путь на величавую вершину горы лежитъ чрезъ пропасти и стрем-

нины, и что до самой вышины ея всѣ спе-
зи покрыты инеями и снѣгами, за которыми
цвѣтны и правы и распутившіяся деревья,
какъ бы при бѣлой брѣдѣ на зеленомъ шемѣ
процвѣтають. Тамъ льды ласковы съ лилея-
ми, и мразы дружны съ розами: шоль сверхъ-
естественна сила очарованія!

Оба воина въ тѣни уединеннаго и дика-
го мѣста при подошвѣ горы останавли-
ваются. Какъ скоро солнце, вѣчный источ-
никъ свѣта, златыми лучами своими вновь
освѣтило небеса, пойдемъ, пойдемъ, оба во-
скликнули они, и съ бодростію, съ ревно-
стію пустились въ путь; но вдругъ невѣ-
домо откуда появляется спрашый, разно-
образный, ползущій змій.

Возносишь главу и поднимаешь желтый,
чешуйчатый гребень; надуваешь гнѣвное
горло; сверкаешь очами, и облегиши чревомъ
всѣ пуши, рыгаешь дымомъ и ядомъ. То
самъ въ себя спрячется, то звѣно изъ звѣ-
на выдвигаетъ, и самъ себя за собою тя-
нетъ. Тако стойшь на спражѣ, но воиных
шопъ своихъ не останавливаютъ.

Уже Карлъ извлекъ мечъ свой и напа-
даетъ на змія; но соповарицъ его вопіетъ
къ нему: что дѣлаешь? что предприемлешь?
силою руки и шаковымъ оружіемъ хочешь
побѣдить пославленное на спражѣ чудови-
ще! Онъ махнулъ златою розгою, и звѣрь,

услыша свистъ ея, вострепешалъ, кинулся бѣжать, и оставя имъ свободный путь, скрылся въ пещеры.

Нѣсколько повыше встрѣчаетъ ихъ свирѣпый левъ; онъ ревешъ, смогришъ на нихъ злобно, бѣетъ себя хвостомъ по ребрамъ, и отвержая широкую пасть свою возгарается яростію; но едва погрозили ему розгою, какъ весь природный гнѣвъ его исчезаетъ, превращается въ необычайную боязнь, и онъ спасаетъ себя бѣгствомъ.

Воины скорыми шопами продолжаютъ путь; но предъ ними являешся цѣлое полчище звѣрей, различныхъ и видомъ и гласомъ и движеніями. Все, что есть свирѣпаго и чудовищнаго въ предѣлахъ между Ниломъ и Аплантомъ; всѣ лютообразныя спрашилища, въ Ирканскихъ и Герсинскихъ дебряхъ и лѣсахъ скипающіяся, кажешся здѣсь во единое мѣсто собраны.

Но однакомъ сія свирѣпая, шоль многочисленная шолпа, не могла остановишъ и вопрошивишъ ихъ шествію; напрошивъ, о новое чудо! отъ крашкой угрозы, отъ малаго свиста розги, вся разбѣгается. Побѣдоносная чеша воиновъ достигаешъ, безъ всякаго препяшствія, до хребта горы, кромѣ токмо, что ледъ и шрудная крушизна пуши не позволяли имъ съ желаемою скоростію преходишъ оный.

Когда же потомъ вышли они изъ сѣговъ, и преодолѣли всѣ препоны и трудности, тогда находятъ на горѣ пространную долину, свѣтлое небо, и теплый, благораспороченный воздухъ. Легкіе вѣтерки прохладно дышатъ и разносятъ повсюду безпрестанное благоуханіе. Пріятное ихъ вѣяніе, не такъ какъ въ другихъ странахъ по обращенію солнца или усиливается или спихаетъ;

Не такъ какъ индѣ, то жаръ, то холодъ приносишь, и попеременно, то ясностію увеселяешь, то угрожаетъ пучами. Небо всегда одѣто здѣсь чистѣйшимъ сіяніемъ, и никогда не бываетъ ни пламенно, ни мрачно; оно питаетъ сочностію луга, рождая въ нихъ праву, въ правѣ цвѣты; цвѣтамъ даетъ сладкій запахъ, и деревьямъ всегдашнюю пріятную тѣнь. На самой высотѣ стоятъ при озерѣ великолѣпнѣйшіе чертоги, господствующіе вокругъ надъ горами и моремъ.

Воины, утомленные тяжелымъ на крутизнахъ восходомъ, шли по испещренному пуши медленно и оспанаавливались для отдохновенія. Се зрятъ они возбуждающій въ засохшихъ устахъ ихъ жажду свѣтлый источникъ, съ высоты скалы быстро по камнямъ текущій, и раздѣляясь на тыся-

чи малыхъ пропсковъ орошающій зеленымъ травъ.

Но вся вода скопляется потѣмъ вмѣстѣ, и составляя между злчными берегами глубокой ручей, шечешъ журча подъ тѣнію вѣчноцвѣтущихъ деревьевъ, прохладна и синя, но такъ прозрачна, что всѣ вещи на днѣ рѣки явственны видны. Распущая по берегамъ густая мурава мягкостію и пріятностію своею привлекала желаніе на ней сидѣть.

Вотъ источникъ смѣнянія; вотъ ручей, смертоносную опасность въ себѣ содержащій. Здѣсь надлежитъ намъ воздержаться отъ всѣхъ нашихъ страстей, и быть весьма оспорожными. Заградимъ слухъ свой отъ сладкаго пѣнія, и отъ обманчивыхъ ласкъ сихъ прелестницъ сиренъ. Тако бесѣдовали между собою воины и пришли шуда, гдѣ ручей, разливаясь шире, составляетъ малое озеро.

На берегу пригопвленъ исполненный лакомыми и роскошными яствами столъ. Въ чистой водѣ гладнаго озера играя купались двѣ рѣзвыя и веселыя дѣвицы: онѣ, то брызгались водою, то спорясь, кто опередитъ, пускались въ запуски плыть до условнаго мѣста. Иногда ныряли, и по долгомъ въ водѣ исчезновеніи, выспавляли голову свою и спину.

Нагія и прекрасныя плавательницы колебали нѣсколько швердую грудь двухъ воиновъ, шакъ чшо они оспановились по-смотримъ на нихъ. Дѣвицы же продолжали играть и забавляться: одна изъ нихъ высу-нулась изъ воды по самый поясъ, и открыла жаднымъ взорамъ всѣ прелести бѣлоснѣжныхъ своихъ персей; но другимъ членамъ ея озеро было покрываломъ.

Подобно какъ утренняя звѣзда омовенная и блистающая восходитъ изъ водъ, или какъ возсіяла рожденная изъ морской пѣны богиня любви, шакъ она появилась; шакъ съ свѣтлорусыхъ власовъ ея капали мокрыя жемчужины. Посемъ обратила она взоры, и будшо нечаянно увидя двухъ воиновъ, пришла въ смяшеніе.

Власы свои узломъ на шемѣ завязанные, мгновенно распускаеиъ: они густые и длинныя упадаюиъ, и нѣжнѣйшій мраморъ златымъ одѣваюиъ покровомъ. О какое сокрылось подъ ними зрѣлище! но и то, которое сокрыло его, не меньше прекрасно. Тако водою и власами покровенная обращается она къ нимъ ласково и сшылливо.

Смѣшся вмѣстѣ и краснѣеиъ: сшылливостъ умножала въ ней пріятностъ смѣха, а смѣхъ придавалъ красоту сшылливости, разливавшей по нѣжнымъ ланитамъ ея до самаго подбородка прелестный румянецъ.

Она запѣла такимъ сладкимъ и пріятнымъ голосомъ, что воспоржесшвовала бы надъ всякимъ другимъ сердцемъ: о щасливые странники, пришедшіе въ сіе блаженное жилище!

Здѣсь, въ семъ убѣжищѣ отъ свѣта, забывающся всѣ претерпѣваемыя въ немъ скуки и печали, вкушаются шѣ ушѣхи и покой, какими въ златыя древніе вѣки наслаждались совершенно свободные люди. Оружіе, нужное вамъ доселѣ, можете безопасно опложити, и въ сихъ шѣняхъ посвятивъ оное миролюбію; ибо опныя содѣлаешъ вы воинами любви.

Сладкимъ полемъ сраженія будетъ вамъ зеленый дернъ и мягкая на лугахъ права. Мы опведемъ васъ предъ царское лице шой, кошорая подданныхъ своихъ шворишъ благополучными; она приметъ васъ въ число избранныхъ своихъ, наслаждающихся непрерывными радостями. Но прежде въ сихъ прозрачныхъ спруяхъ омойте прахъ чела своего, и вкушите отъ сихъ яствъ.

Тако одна пѣла, другая шѣлодвиженія свои и взоры соглашала съ ея убѣжденіями, подобно какъ съ спройными звуками громкихъ спрунь соглашають быспрошу или медленность спопъ. Но воиновъ глухія и окаменѣлыя сердца не внимали симъ вѣроломнымъ и обманчивымъ прелесшамъ; со-

блзнительный видъ ихъ и ласковыя слова, хошя и дѣйствовали надъ ихъ чувствами, но въ глубину души не досязали.

Естьли часть сладости сей, воспламеняющей желанія, и проникала внутрь, то строгій разумъ, ополченный оружіемъ, мгновенно истреблялъ и разрушалъ рождающуюся волю. Одна чета осталась обманушою и побѣжденною, другая ушла даже безъ всякаго привѣщствія и прощанія. Воины вступили въ чершогъ; дѣвицы же, огорченные отказомъ ихъ, опустили въ воду.

Конецъ пятой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь шестнадцатая.

Кругло великолѣпное Арמידино зданіе, и внутри онаго, въ самой срединѣ, находится садъ, поле украшенный, что изъ всѣхъ славнѣйшихъ въ свѣтѣ садовъ нѣтъ ни единого, могущаго съ нимъ сравниться. Вокругъ онаго демонскою хипросію устроены неудобные для исхода, по извивающимся чертамъ расположенные ряды комнатъ. Садъ посреди сихъ изворосховъ и кривизнъ лежишь непроницаемъ.

Оставляя сто другихъ вратъ, ведущихъ въ сіе обширное зданіе, воины вошли въ самыя величайшія изъ нихъ: врата сіи, изъ чистаго серебра изваянныя, вращались на златыхъ блистающихъ пѣтеляхъ. Различныя на нихъ изображенія, искусствомъ работы драгоцѣнность вещества превышающія, обратили на себя взоры воиновъ. То были живыя лица; недоставало шокмо словъ; и тѣ, естли повѣрить очамъ, казались бытъ слышимы.

Здѣсь между Меонійскими дѣвицами зрѣлся съ прялкою въ рукахъ пустослова-

щій съ ними Алкидъ Побѣдитель ада, державшій небо на раменахъ, шеперь прядетъ куделю. Леля смопритъ на него и смѣшся. Тола, имѣя на спинѣ лъвиную кожу, весьма для шоль нѣжныхъ членовъ ея грубую, забавляется, вращая слабыми руками убійственное оружіе.

Насупрошивъ море, и видишь на синихъ поляхъ его сѣдя пѣнящіяся волны. Посреди оныхъ зрятся два ряда успроенныхъ другъ прошивъ друга кораблей; ошъ орудій ихъ пышетъ пламя; вода горитъ какъ злато, и кажешся по всему Левкашу распрошерся пожаръ. Съ одной спраны Августъ привелъ Римлянъ, съ другой съ Антоніемъ подвигся весь востокъ, Египтяне, Индѣйцы и Арабы.

Яроссть, съ какою грозные корабли другъ на друга наспупали, являлась шоль чрезмѣрною, что казалось сдвицупые съ мѣстъ своихъ Циклады плаваюць по водамъ, и горы спираюцца съ горами. Уже огни и копья сверкаюць; уже море покрылось обломками и шрупами. Побѣда еще колеблется; но се Клеопатра уже бѣжитъ.

И бѣжитъ Антоній! Онъ ли возмогъ ошъ владычества надъ свѣтомъ, коего алкалъ, опрещися? Нѣшъ! храбрость его не знаетъ страха; нѣшъ! онъ не бѣжитъ; но слѣдуешь за тою, кошорая бѣжитъ, и его за собою

*

влечетъ. Въ немъ видѣнъ человекъ, вмѣстѣ и любовію и спыдомъ и гнѣвомъ кипящій; онъ въ недоумѣніи озирается, то на лющую сомнишельную бисву, то на бѣгущіе корабли.

Въ Нильскія потомъ убѣжища сокрытый кажется въ обѣщаніяхъ ея ожидаетъ смерти, но красотою лица ея утѣшаемый забываетъ о своемъ несчастіи. Таковыя изображенія представлялись на сихъ великолѣпныхъ вратахъ изваянныхъ. Воины, по насыщеніи зрѣнія своего оными, вступаютъ во внутренность лабиринта.

Подобно какъ Меандръ въ извиствующихся берегахъ своихъ играетъ, и печеніемъ своимъ непостояннымъ, то вверхъ подымается, то опускается внизъ, и воды свои по къ истоку своему, то къ морю несутъ, и между тѣмъ какъ стремишься, себя, возвращаясь, встрѣчаетъ: такими и еще болѣе изгибистыми путями надлежало чрезъ жилища сіи проходить; но книга, содѣржащая въ себѣ чертежъ оныхъ, книга, данная волховомъ, вѣщала, и всю таинственность ихъ ясно открывала.

Когда воины вышли изъ всѣхъ сихъ искривленныхъ и перепутанныхъ путей, тогда предъ очами ихъ открылся прѣлестивѣйшій верхоградъ: споящія и текущія, какъ хрусталь, воды; различные цвѣты, раз-

ныя растѣнія и разныя травы; зеленые холмики, тѣнистыя долины, лѣса и пещеры, во единомъ представлялись обзорѣ. Все-го же краше и удивительнѣе было то, что искусство, все сіе произведшее, само нигдѣ не являлось.

Соединеніе простоты съ хитросцію было шоль совершенное, что всякъ почель бы всѣ сіи творенія и украшенія естественными. Казалось, что природа подражательницѣ своей хитросці шупя подражала. Самый воздухъ, олішвенявшій древа, былъ не иное что, какъ волшебство: съ вѣчными цвѣтами вѣчно произрастали плоды; одинъ раждался, другой поспѣвалъ.

На единомъ и томъже стеблѣ, и подъ тѣми же лисствіями, смоква наливается, и смоква увядаетъ; на единой и той же вѣткѣ виситъ спарое желтое, и новое зеленое яблоко. Тамъ, въ мѣстахъ ярче освѣщаемыхъ солнцемъ, индѣ высоко вьются и выпускають пучки свои виноградныя лозы; индѣ начинаютъ цвѣсти и зеленѣть грозды, а индѣ, наполненные уже нектаромъ, являюшыя златожелты и зрѣлы.

Прекраснѣйшія пшички на зеленыхъ вѣшвахъ сладко поють любовь. Легкіе вѣтерки, повѣвая и шевеля лиспками деревьевъ, тихій шумъ свой соединяють съ пріятнымъ журчаніемъ водъ. Когда пшички пере-

спаютъ пѣть, шумъ сей слышишься громче, когда же опять запоешь, онъ спановишься пише. Случайностьъ ли то, или искусство, но вѣщери или согласно съ пѣніемъ пшичекъ шумяшь, или пѣніе ихъ повторають.

Одна между пшицами лепаетъ; имѣющая разноцвѣшныя перья и багряный клювъ. Она языкомъ своимъ дебелимъ умѣла исходящій изъ гортани гласъ свой уподоблять человѣческой рѣчи. Пшица сія къ великому удивленію воиновъ начинаетъ сладко вѣщать. Всѣ другія, внимая ей, умолкли, и вѣщры дыханіе свое прекратили.

Взгляните, пѣла она, взгляните на младую, нѣжную розу, когда она изъ пучка своего выступаетъ, и до половины открытая, до половины сокрытая, чѣмъ меньше показывается, тѣмъ прекраснѣе. Вошь она смѣло нагую грудь свою раскрываетъ, вошь вянетъ, и вошь уже не та, какая была прежде, тысяцію дѣвицъ желаемая, тысяцію спраспныхъ юношъ искомая.

Тако съ прохожденіемъ дня преходишь живость и цвѣтъ жизни нашей смертной. Весна возвращается, но мы не зеленѣемъ съ нею и не разцвѣщаемъ. Сорвемъ розу, въ ушреннемъ ея блескѣ, покуда она не ошцвѣла. Сорвемъ розу любви: спанемъ любви, покуда любя можемъ быть любимы.

Умолкла, и всѣ пшички, какъ бы въ

ушверженіе словъ ея, согласно подхвати-
ли и воспѣли снова. Голуби умножили по-
цѣлуи свои, и всѣ животныя воспылали
спрасшію: казалось швердый дубъ, и цѣло-
мудрый лавръ, и вся ихъ сѣннолиственная
порода; казалось и земля, и вода, взды-
хающъ и нѣжашся въ сладчайшихъ чувст-
вахъ любви.

Посреди сего объявшаго всѣхъ сладос-
спрашнаго шаянія, и сполькихъ размыг-
чающихъ сердце соблазнительныхъ преле-
стей, воины, швердые и спрогіе, идущъ,
скрѣпясь и не увлекаясь приманчивостію
ушѣхъ. Се между кустами и кустами, спер-
ва думающъ видѣшъ, или кажется имъ, а
напослѣдокъ и подлинно видяшъ ушопую-
щихъ въ любви Ринальда и Армиду: она въ
нѣдрахъ шравы, онъ въ ея объяшяхъ.

Покрывающая грудь Армидину легкая
одежда была раскрыта, и расшрепанные
власы ея возвѣвались вѣтромъ: она имѣ-
ла видъ ушомленный, лице зардѣвшееся,
бѣлизною влажныхъ просѣдающихъ изъ не-
го жемчужинъ украшенное. Въ очахъ ея оро-
шенныхъ играла, подобно какъ въ водѣ
лучъ, милая, сладосспрашная улыбка. Она
сможрѣла на него наклонясь, а онъ, положи-
голову свою на мягкія колѣна ея, лежалъ ли-
цемъ къ лицу.

И взоры свои жадные на нее ушпрем-

ляя прельщался и мѣлъ: она тогда, нагнувшись, сладостно лобызала его и въ очи и въ уста. Онъ въ сіе время выпускалъ столь глубокаго воздыханія, что казалось душа его, исходящая изъ него преселялась въ ея душу. Воины скрытно смотрявъ на сіи любовныя ихъ нѣжности.

Армида на бедрѣ своемъ имѣла странное украшеніе, чистое зеркальное стекло. Она встала, и сіе избранное таинствъ любви хранилище подала ему въ руки. Оба, одна съ смѣющимися, другой съ пламенными взорами, смотрявъ и въ разныхъ предметахъ видявъ одинъ предметъ: ей стекло, а ему веселые глаза ея служатъ зеркаломъ.

Одинъ пѣномъ своимъ, другая побѣдою гордились; онъ ею, она имъ не можетъ надыхаться. Обращи, говоритъ онъ ей, обрати на меня прекрасныя очи свои, блаженство мое составляющія; взгляни, естли еще не знаешь, взгляни на пламень души моей: твой образъ и всѣ твои несравненныя прелести, лучше нежели зеркало, покажешь тебѣ грудь моя.

Ахъ! ежели ты на меня взглянуть не хочешь, то посмотри по крайней мѣрѣ на собственное твое лицо; взоръ твой, не могущій ничего подобнаго тебѣ найти, насладишься самъ на себя обращенный. Зеркало не способно изобразить всѣхъ твоихъ кра-

сошь: рай въ маломъ сшекаѣ вмѣспитъся не можешъ. Одно небо естъ досшойное ше-
бя зеркало, въ звѣздахъ его можешъ ты
зрѣшь свой прелестнѣйшій образъ.

Армида при словахъ сихъ усмѣхаешся, однакожъ не престаешъ смошрѣшься въ зеркало и украшашъ себя нарядами. Она власы свои поправляешъ: длинныя, распре-
павшіеся, приводитъ въ порядокъ, корошкіе же завиваешъ въ кудри, или вплешаешъ въ нихъ, какъ синешу въ злапо, свѣжіе цвѣшы; къ природнымъ лилеямъ прекрасной груди своей приспавляешъ постороннія розы, и распахнувшіеся на ней шонкіе покровы вмѣ-
стѣ соединяешъ.

Никогда гордый павлинь многоочишыми перьями своими шолико не величался, ни-
когда прекрасная радуга при солнечномъ сіяніи шоликою разноцвѣшностію не бли-
стала. Но выше всякія красоты являлася на ней поясъ, коего она и нагая не снимала. На семъ поясѣ умшвенные предметы пре-
вращены были въ зримые шѣлесными очами, и когда она сосшавляла его, шо соединила и сочешала въ немъ шакія вещи, какихъ ни-
кошю, кромѣ ея, соединишь не могъ.

Нѣжныя гнѣвы, и шихіе спокойныя оп-
казы, милыя ласки, и веселыя примиренія,
улыбки, шомно произнесенныя полусловеч-
ки, пріятныя слезы, прерванныя вздохи, и

сладострастные поцѣлуи: всѣ сіи вещи Армида изваяла, соединила вмѣстѣ, легкимъ пламенемъ луча припекла, и всегда чуднымъ симъ поясомъ была препоясана.

Насыпясь всѣми ласками и нѣжностями, напоследокъ она съ нимъ прощается, цѣлуешь его, и уходишь. Она по обыкновенію днемъ ошлучалась изъ сихъ мѣстъ, для исправленія дѣлъ своихъ и начертанія таинственныхъ письменъ. Онъ же, не имѣя позволенія ни на единую минуточку куда либо исходишь, оспавался, и одинъ, въ отсутствіи ея, прогуливался между живописными и растѣніями.

Но когда дружелюбные между собою мракъ и безмолвіе манящъ хитрыхъ любовниковъ къ сладкимъ похищеніямъ, тогда оба они уходили подъ единый кровъ воздвигнушаго въ семь верхоградѣ жилища. Въ сіе же время, когда Армида, позванная къ важнѣйшимъ занятіямъ, оставила свои ушѣхи, два скрывавшіеся въ кустахъ воина въ великолѣпномъ одѣяніи предстаютъ предъ него.

Подобно какъ ярый конь, съ поля брани и побѣдъ въ подломъ покоѣ между шабунами кобылицъ необузданно бродящій, когда почуветь звукъ трубы или блистаніе мечей, мгновенно пробудясь, со ржаніемъ глуда обращается, и уже гошовъ, неся на хребтѣ

своемъ всадника, пущишься въ бишву, и и скачущій препираешься съ скачущими.

Тако Ринальдъ : когда очи его поразились лучами сверкающихъ оружій, тогда духъ его, сей духъ воинственный, неукротимый, хотя упоенный нѣжностями и въ роскошахъ погрязшій, потчасъ при блескѣ семъ воспрянулъ. Между тѣмъ Убальдъ подходитъ къ нему и поспавляетъ алмазный щипъ ему предъ очи.

Онъ устремляетъ на свѣтлый щипъ сей быстрые взоры, и видишь себя, какъ въ зеркалѣ, въ настоящемъ своемъ видѣ: весь въ цвѣтахъ, власы и одежда опрысканы духами, а мечъ, грозный мечъ, лежишь подлѣ него, празденъ, испещренъ недостойными украшеніями, такъ что проходишь болѣе на потѣшное, нежели на бранное оружіе.

Подобно человѣку, послѣ глубокаго и тяжкаго сна пробудившемуся, онъ озираетъ себя, и озираетъ съ негодованіемъ; взоры его потупляются; обьяшый сшудомъ и смущеніемъ онъ опускаетъ ихъ на землю; желалъ бы, да сокроешь себя, погрузишься въ море, кинешься въ огонь, низвергнешься во глубину бездны.

Тогда Убальдъ начинаетъ ему вѣщать : Европа и Азія горятъ войною; всякъ кто ищетъ чести и любить Спасителя Христа,

рашуешь за него въ Сиріи. Ты одинъ, сынъ Бертольдъ, за предѣлами свѣта въ тѣсномъ углу сидишь въ праздности; тебѣ одному, храброму Армидину воину, нѣтъ нужды до волненія вселенной!

Какой сонъ, или какое онѣмѣніе чувствъ усыпиль доблестъ твою? или какими уловленъ ты прелестями порока? Возспани, опомнись, войско и Готфридъ зовутъ тебя, счастье и побѣда тебя ожидаютъ. Приди, избранный опъ неба воинъ, окончишь полъ благополучно начатое предпріятіе: Магометанская уже пораженная побѣдою врага, да падешь подъ твоимъ побѣдоноснымъ мечемъ.

Умолкъ, и благородный юноша пребылъ нѣсколько времени смущенъ, неподвиженъ и безмолвенъ. Но когда спыдъ уступилъ мѣсто гнѣву, гнѣву яростно восплѣвшему, и когда къ покраснѣнію лица его присовокупился новый огонь, болѣе пылкій, тогда растерзалъ онъ на себѣ недостойныя одежды и украшенія, сіи уничижительные знаки рабства.

Поспѣшилъ въ путь; и вскорѣ вышелъ изъ смѣшанныхъ и запутанныхъ спсезей лабиринта. Между тѣмъ Армида увидѣла убіеннаго при царскихъ врагахъ грознаго стража. Усумнилась сперва, но скоро примѣтила, что драгой Ринальдъ, ея преноясался къ опшесствію, и увидѣла его, о лютое зрѣ-

лице! спѣшащаго, обраща хребетъ, уйми изъ жилища утѣхъ.

Хотѣла воскликнуть: куда, о жестокой, оставляешь меня одну? но печаль не дала изыти гласу, и жалобное слово обратилось назадъ, да нанесетъ еще горшее расперзанному сердцу мученіе. Несчастная! всѣ утѣхи ея похищаетъ сила, превосходѣйшая всѣхъ ея хитростей и знаній. Она видитъ то, и щетно, чтобы удержатъ его, прибѣгаетъ къ безуспѣшнымъ своимъ искушамъ.

Сколько Эссалійская волшебница сія изъ нечистыхъ устъ своихъ произнесла заклинаній! Все, что небесныхъ круговъ вращеніе остановитъ, и тѣни изъ преисподней шемницы извлечь могло, она знала; но при всемъ помъ не могла доспичъ, чтобы адъ по крайней мѣрѣ ей отвѣстствовалъ. Оставляешь чародѣйство и хочешь испытать, не будешь ли плачущая красота лучшею волшебницею.

Бѣжитъ, не удерживаясь ни гордостію, ни честію. Ахъ! куда дѣлись прежнія ея побѣды и шоржество? Она любовное царство, сколь оно ни велико, единымъ мановеніемъ по волѣ своей вращала, и столь же надменная, сколь прелестная ненавидя любовниковъ, любила быть любимой, и сама себѣ шокмо нравясь, въ другихъ все прези-

рала, кромѣ вліяннаго въ нихъ прекрасными очами своими чувствованія.

Но теперь, оставленная и презренная гонится за шѣмъ, кто ее покинулъ, и спарается отвергаемый имъ даръ красоты своей украшать слезами; бѣжитъ спремительно съ горы, не смотря ни на льды, ни на колючіе терны, нѣжныя споны ея уязвляющіе; посылаетъ предпечами вопль и споны, и не прежде наспигаетъ его, какъ у самаго берега.

Опчаянная вопіетъ: о ты, часть меня уносящій съ собою, и часть оставляющій, возьми одну, или опдай другую, или обѣ вмѣстѣ умертви. Постой, постой! прими послѣднія слова мои; не говорю лобзанія: другая щаспливѣйшая насладится ими. Остановись, чего боишься, жестокой? когда могъ ты меня оставить, то и жалобы мои опринуть можешь.

Тогда Убальдъ сказалъ: Государь, неприлично тебѣ не дождаться ея. Она, ополченная прелестями и прозбою, приходишь къ тебѣ утопающая въ горькихъ слезахъ. Кто шверже тебя будетъ, когда ты, видя и слушая Сирень, не обольщенный восторжествуешь надъ ними? Тако разумъ, дѣлаясь непоколебимымъ, становится царемъ надъ нашими чувствами.

Ринальдъ остановился: Армида прибѣ-

гаешь къ нему, запыхавшаяся, рыдающая до безконечности горестная; но сколько же прекрасная, сколько и печальная. Она смотришь на него приспально и молчишь, ошь того ли, что сильное чувствуеть огорченіе, или что размышляешь, или что не смѣешь. Онъ же ошвращается ошь ней, и когда украдкою взглянешь, шо пошупляешь шопчасъ глаза и спыдишся.

Какъ искусный пѣвецъ, прежде нежели громкимъ пѣніемъ наполнишь воздухъ, шихими напѣвами предначинаешь, дабы ухо слышашелей пригошовишь къ ожиданію сладнаго гласа его: такъ Армида при всей своей печали не забываетъ искусствъ и хитрошей: сперва крашними воздыханіями шцишся расположишь душу его къ принлшію жалобныхъ ея словъ.

Потомъ начинается: не ожидай, жестокой, чшобъ я стала тебя просишь, какъ любящая просишь любящаго; шиковыми нѣкогда мы были; шеперь, когда шы шѣмъ не хочешь бышь, и память о томъ шибѣ прошивна, выслушай меня по крайней мѣрѣ какъ врагъ мой; и врагъ не ошрицаешь иногда прозбы врага своего; моя же прозба шакая, что можешь удовольшвовашъ ее, не погашая въ сердцѣ швоемъ вражды своей ко миѣ.

Ежели шы ненавидишь меня, и въ шомъ

чувствуешь нѣкоторое удовольствіе, я не пришла лишити тебя онаго: наслаждайся имъ. Тебѣ оно кажется справедливымъ; пусть такъ. И я также ненавижду Христіанъ, не запираюсь; ненавижду тебя самаго. Я родилась въ язычествѣ; употребляла разные способы къ разрушенію вашего царства; желала тебѣ зла, взяла тебя, и съ поля брани унесла въ чуждую, безвѣстную страну.

Присовокупи къ тому еще то, что почитаешь ты самымъ великимъ для себя оскорбленіемъ и безславіемъ: я прельстила тебя, вовлекла въ бывшую между нами любовь: злодѣйское, по истиннѣ, прельщеніе, пагубный обманъ, вручишь себя мучителю, и дашь ему похитити дѣвическую честь! даръ, котораго столь многіе въ награду себѣ искали, всѣмъ отказашь, и отдашь его одному новому пришельцу!

Счишай это обманомъ, и включи его въ число грѣхъ моихъ великихъ противъ тебя преступленій, которыя велятъ тебѣ опсѣлѣ удалишься и забышь сію нѣкогда столь сладкую для тебя обитель. Сступай, преплывай моря, сражайся, шрудись, разрушай вѣру нашу; я тебя къ тому поощряю; но что я говорю нашу? ахъ! она не моя больше: ты одинъ жестокой божество мое;

тебѣ одному я вѣрна, тебѣ служу и появляюсь.

Прошу объ одномъ только: дозволю мнѣ слѣдовать за тобою: въ полъ малой прозѣбѣ и врагамъ не отказываютъ. Похищающій не бросаетъ своей добычи; побѣдитель не оставляетъ своего плѣнника. Воинство свое да увидишь меня влекомую съ прочими твоими приобрѣщеніями, и указуя перстами на меня презрѣнную рабу твою, да воспещетъ тебѣ, что ты торжествовавшую надъ всѣми влачишь къ колесницѣ твоей прикованную.

На что мнѣ, подлой рабѣ, сохраняешь сіи власы мои, не угодные тебѣ? остригу ихъ, и съ именемъ невольницы соглашу рабскіе мои поступки. Пойду за тобою въ самую жаркую битву, въ средину враговъ твоихъ; не устращусь ничего; съ мужествомъ поведу коней твоихъ, и понесу за тобою копье твое.

Буду, чѣмъ ты захочешь, щипоносицею или щипомъ твоимъ: обороняя тебя, не покупаюсь моею кровію; всякое оружіе прежде пройдетъ сквозь шею и грудь мою нагую, нежели достигнетъ до тебя. Можешь быть не сыщется такой жестокой, который восхотѣлъ бы, пронзая меня, тебя убить; можетъ быть красота моя; хотя и

Ч а с т ь IX.

10

печальная, остано́вишь мсти́тельную руку его.

Нещасная! еще превозношуся, еще величаюсь красотою моею поруганною, презрѣнною! — Хотѣла продолжашь, но залилась слезами, подобно источнику изъ Альпійской скалы текущему. Въ уничиженномъ видѣ бросаешься къ нему, хватаешь его за руки, за платье; но онъ опшстываетъ, пропившись и побѣждаетъ: любовь не входитъ въ сердце его, слезы не исходятъ изъ очей.

Не можешь прежній пламень любви проникнуть въ грудь, которую разумъ оледенилъ; но вмѣсто огня сего проникаешь въ нее жалость, подруга любви, хопя и цѣломудрая: она входитъ и шолко въ немъ дѣйствуетъ, что едва можешь онъ удерживать слезы; стараешься нѣжное чувство сіе въ себѣ превозмочь, и сколько можно вооружается швердосшію и припворшвомъ.

Пошомъ опшвшшствуетъ: Армида, я крайне о тебѣ сожалею; о какъ бы я хотѣлъ, ешлы бы могъ! Пошуши въ душѣ своей неприлично воспылавшій пламень; не злоба, не гнѣвъ, не мщеніе дѣйствуютъ во мнѣ, я забываю оскорбленія; ты не врагъ мой, и не раба моя. Конечно, ты и въ ненависти и въ любви своей излишествовала и прешла предѣлы;

Но чтожъ? то были человѣческія сла-

боспи, обыкновенные проступки. Извиняю въ тебѣ приверженность къ закону своему, полъ швой, и лѣша швом. Я также прешупилъ должность, и ежели себя не осуждаю, то и тебя не обвиню. Воспоминаніе о тебѣ всегда въ радостяхъ и печаляхъ моихъ будетъ мнѣ драгоцѣнно, и никогда не опречусь я бытъ швоимъ, сколько война въ Азіи, честь и вѣра позволятъ.

Увы! послѣдній часъ сей да будетъ концемъ нашихъ заблужденій. Прешанъ утѣшашся общимъ намъ стыдомъ. Да погребется память о томъ въ сихъ дикихъ и безвѣстныхъ странахъ; въ Европѣ же, и въ двухъ другихъ ближайшихъ къ ней частяхъ свѣта, между всѣми моими дѣянiями единое сіе да умолчится! Умоляю тебя, не желай, чтобы царское имя швое, достоинство, красота, помрачены были безславіемъ.

Живи щастливо; я отъѣзжаю; тебѣ послѣдовать за мною не возможно: чтошъ, кто везетъ насъ, сего не позволишъ. Останься здѣсь и будь благополучна, или избири иное для жительства мѣсто, и обуздай печаль швою благоразуміемъ.—Она, доколѣ онъ слова сіи вѣщаль, блѣднѣющая, прясущаяся, долго смотрѣла на него лютыми очами, и напоследокъ съ яростію провозгласила:

Не отъ Софіи ты родился, не отъ Аціевой происшелъ крови: морская свирѣлая вол-

на и льдистый Кавказъ произвели тебя, и злая Иркканская львица воспитала тебя своими сосцами! Къ чему мнѣ болѣе припворяться? Злосердый человѣкъ, пришелъ ли онъ хотя въ малѣйшее сожалѣніе? перемѣнился ли хотя въ лицѣ? испустилъ ли хоть каплю слезъ, или вздохнулъ ли хотя единойжды?

Что я пропущу, и что скажу? отдаешь мнѣ и отъ меня бѣжишь, оставляешь меня! Какъ великодушный побѣдишь, забываетъ преслупленія врага и злыя дѣла мои прощаетъ! Послушай что совѣщаетъ! послушай, какъ Ксенократъ сей цѣломудрый разсуждаетъ о любви! О небеса! о боги! почти вы сихъ злодѣевъ терпише? почти допускаете ихъ разрушать башни ваши и храмы?

Спуй, немилосердый; будь такъ щасливъ, какъ щасливу меня оставляешь; бѣги, безчеловѣчный! скоро духъ мой безплодный, тѣнь моя горькая повсюду бесполезно потечетъ за тобою: новая фурія съ змѣями и пламенемъ буду тебя столько мучить, сколько любила; и ежели судьба допуститъ тебя преплыть море, спасишься отъ волнъ и камней, и прибыть на мѣсто сраженія;

Тамъ, посреди крови и шруповъ, лежащій, умирающій, заплашишь ты мнѣ, любый воинъ, за мои мученія. Станешь при

послѣднихъ издыханіяхъ часто произносишь имя Армидино; я льщусь, я надѣюсь что услышашъ Тупъ силы ея ослабѣли; даже и послѣдняго слова не могла она докончить: упала полумертвая, хладный потъ выступилъ изъ ней, и очи закрылись.

Сомкнулись очи твои, Армида; зависш- ливая судьба не дала тебѣ въ мукахъ твоихъ вкусить ошраду. Открой, несчастная, глаза; посмотри, какъ слезы льются изъ очей твоего любезнаго. О! ежели бы ты могла слышашъ, о сколь бы звукомъ воздыханій его слухъ твой усладился! съ какою жалостію—но ты того не чувствуешь—съ какою всевозможною для него нѣжностію прощается онъ съ тобою въ послѣдній разъ!

Что дѣлаешь Ринальду? оставишь ли ее въ семь состояній полумертвую на пустомъ, песчаномъ берегу! Человѣчество удерживаешь, жалость не пускаешь, но жестокая необходимость влечешь его насильно. Онъ опѣзываетъ, и уже легкій вѣтръ возвѣваетъ власы сопровождаельницы ихъ. Злашые парусы несутся по пространству моря. Онъ смотритъ на берегъ, и берегъ исчезаетъ.

Когда Армида пришла въ себя и печальными взорами обозрѣла безмолвную, окружавшую ее пусшину: онъ уѣхалъ, возопила, и могъ оставишь меня въ опасности мой

жизни? Ни краткаго промедленія, ни малой помощи при концѣ дней моихъ, измѣнникъ, не хопѣлъ мнѣ подашъ? А я еще люблю его? и на семь брегу неопмщенная сижу и плачу?

Къ чему служатъ мнѣ слезы мои? развѣ нѣтъ уже у меня иныхъ оружій, инаго искусства? Ахъ! погонюсь за злодѣемъ: не скроешься онъ отъ меня ни въ пропасть земныхъ, ни въ высоты небесныхъ. Уже настигаю его, хватаю, вырываю изъ него сердце, и члены его раздранные во ужасъ измѣнникамъ вѣшаю на деревьяхъ. Гораздъ онъ уязвлялъ; я превзойду его въ семь искусствъ; но гдѣ я? что вѣщаю?

Бѣдная Армида, тогда было надлежало тебѣ, и справедливо, надъ жестокимъ ругаться, когда онъ былъ твой плѣнникъ: теперь поздно и бесполезно воспламеняешься пы гнѣвомъ и яростию. Однако же, хопя прелести и хитрость ума моего безплодны, но желаніе мое не останется щепнымъ. О презрѣнная красота моя! ты поругана, тебѣ и опмщать за себя спрашнымъ образомъ должно.

Да будетъ сія красота моя наградою тому, кто ненависную главу измѣнника опдѣлитъ отъ шѣла. О славные искатели руки моей! пруднаго, но знаменишаго пребую отъ васъ подвига. Наслѣдница величайшихъ сокровищъ, съ шѣмъ сопрягусь бра-

комъ , кто за меня описпитъ. Естли же не сыщется никто желающій купитъ меня сею цѣною, красота, ты бесполезный даръ природы.

Даръ несчастный , я отвергаю тебя , и вмѣстѣ гнушаюсь и жизнью , и царствомъ , и рожденіемъ. Одна только сладкая надежда мщенія можешь еще удерживать меня въ жизни. Тако раздраженная прерывистымъ гласомъ речешь , и стопы свои опъ сихъ пусшынныхъ мѣстъ съ поспѣшностію направляешь , показуя расшрепанными власами , грозными взорами и распаленными ланищами , коликою одержима она яростию.

Приходишь въ чертоги свои , призываетъ ужаснымъ гласомъ шрисша адскихъ духовъ. Небо черными облаками покрывается , и великое свѣтило дня мгновенно блѣднѣешь. Вѣтръ воешь , вершины горъ шрясущся , слышно спенаніе ада подъ ногами. Въ чертогахъ раздается ревъ , свистъ , грохотъ , лай.

Мрачнѣйшая ночи тьма , не вмѣщающая въ себѣ ни единыя искры свѣта , окружаетъ всю окрестность зданія. Иногда токмо сквозь густошу мрака сверкають молніи. На послѣдокъ тьма исчезаетъ и съ пасмурнымъ ушромъ появляются блѣдные лучи солнца. Чертоговъ не стало болѣе , ниже

признаковъ не видно, ниже сказать можно: пусть они стояли.

Подобно какъ иногда составленные въ воздухѣ изъ облаковъ крапковременныя громады вѣтромъ разносятся; или какъ сонъ въ болѣзни мечшайщійся исчезаетъ: такъ исчезли чертоги, и остались однѣ природныя скалы и ужасъ. Армида по обыкновению своему садится на угошованную колесницу и возносится къ небесамъ.

Побираетъ облака и лешя раздвигаетъ воздухъ. Окруженная туманами и свислящими вихрями несется въ другое полушаріе свѣта; оставляетъ земли, безвѣстными народами обитаемыя; пролетаетъ мимо Геркулесовыхъ столповъ, и не приближаясь ни къ Гесперійскимъ, ни къ Мавришанскимъ берегамъ, держишь путь свой въ высотѣ надъ моремъ, и приносится прямо въ Сирію.

Не спускается въ Дамаскъ, и любезнаго прежде опечесства своего не желаетъ видѣть; но правитъ колесницу къ безплоднымъ берегамъ, гдѣ посреда водъ воздвигнута крѣпость. Тутъ сходишь, и не допуская до себя ни рабовъ своихъ, ни рабынь, уединяется во внутреннюю храмину, и шамо предается разнымъ шерзающимъ духъ ея мыслямъ; но вскорѣ спыдъ уступаетъ мѣсто гнѣву.

Пойду, вѣщаетъ она, прежде нежели

Царь Египетскій двинешъ оружіе свое опъ
востюка, употреблю всѣ хитросіи, явлюсь
во всѣхъ необычайныхъ видахъ, надѣну и
колчанъ со стрѣлами, и мечъ препояшу, и
содѣлаюсь рабою сильнѣйшихъ, да подвигну
ихъ къ соревнованію въ засшупѣ за меня:
пустъ слава и честь моя погибають, лишь
бы мнѣ насладишься мщеніемъ.

Воспишашель и дядя мой не меня, но
себя самого обвиняшь должень: онъ такъ
хотѣлъ. Онъ смѣлаю душу и слабый полъ
мой сначала на недостойное обрапилъ. Онъ
содѣлалъ меня бродящею дѣвою, внушилъ
въ меня дерзость, и стыдъ мой погасилъ.
На него должны упасъ всѣ нечестивыя
дѣла, къ какимъ привела меня любовь, или
приведешъ гнѣвъ.

Тако рѣшилась: и спѣшишь призватьъ
къ себѣ всѣхъ домочадцевъ и домочадицъ,
юношъ и дѣвъ своихъ; наряжаешь въ пре-
богатое одѣяніе, украшаешь себя всѣми цар-
скими сокровищами, и въ великолѣпныхъ
колесницахъ осправляешься въ путь. Не
останавливаешься ни при солнечномъ, ни
при лунномъ свѣтѣ, доколѣ достигаешь
Газы, гдѣ Египетскими войсками покрышы
были берега.

Конецъ шестой-надевятъ пѣснѣ.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь седмалнадесять.

Газа есть сопредѣльный съ Іудеею градъ, находящійся на пупи въ Пелузу. Онъ стоитъ на берегу моря, близъ обширныхъ песчаныхъ степей, кои, подобно какъ морская пучина въшпромъ, возмущаются крутящимися вихрями, и устрашенный путешественникъ при бурной погодѣ съ великимъ трудомъ и опасностію исходитъ изъ сихъ зыбучихъ полей.

Царь Египетскій обладаетъ симъ градомъ, изъ давнихъ временъ завоеваннымъ у Турковъ, и какъ оный близокъ и удобенъ былъ къ исполненію важныхъ предпріемлемыхъ имъ намѣреній; по, оставя Мемфисъ, гордую столицу свою, сюда преселился онъ съ пышнымъ дворомъ своимъ, и сюда изъ разныхъ подвластныхъ ему областей безчисленное множество собралъ войскъ.

Муза, въ какомъ состояніи было тогда великое царство сіе, возвѣсти мнѣ; какихъ грозный царь сей имѣлъ сподвижниковъ и союзниковъ, когда отъ полудня подвигнулъ на войну и силы, и царей, и весь дальній

востокъ? Ты единая о спрашномъ ополченіи семъ, съ половины земнаго шара собранномъ, и о вождяхъ, и объ оружіяхъ ихъ, повѣдашь можешь.

По нѣкоемъ времени, когда возмущившійся Египетъ испоргся изъ подъ власпи Грековъ и премѣнилъ вѣру, опъ крови Магомеша родился воинъ, возобладавшій надъ сею странною и ушвердившій въ ней престоль свой. Преемники царства по немъ наслѣдовали шакожъ и имя его. Симъ образомъ Ниль чрезъ долгое время возымѣлъ своихъ Фараоновъ и Пшоломеевъ.

Съ круговращеніемъ лѣтъ царство сіе шoliko ушвердилось и возрасло, что простерлось въ Азію и Ливию опъ предѣловъ Мармарики и Киренеи до Сирійскихъ береговъ, и съ другой страны по безпредѣльному печенію Нила далеко за Сіену, и опселѣ и опшолѣ до необишаемыхъ песчаныхъ шепей и до великаго Евфрата.

По правую и по лѣвую страну содержитъ въ себѣ благовонную Аравію и Чермное, изобильное богатштвами море, и простирается далеко за оное къ странамъ, опколѣ исходитъ ушренное солнце. Царство сіе имѣетъ великія силы, но оныя еще болѣе возвеличены и прославлены державствующимъ нынѣ по крови и по до-

споинству царемъ, искуснымъ въ воинскихъ дѣянїяхъ.

Онъ иногда съ Турками, иногда съ Персами, многія вель войны, ходилъ на нихъ, и къ себѣ пришедшихъ отражалъ; былъ иногда побѣдитель, иногда побѣжденный, но всегда въ злополучїи больше великъ, нежели въ щастїи. Днесъ обремененный спаростию не можетъ онъ долѣ носить оружія; но опложа мечъ свой, не опложилъ воинскаго духа и славолубїя.

Еще воюешъ помощію полководцевъ своихъ, и сполько разумомъ и силою слова крѣпокъ и бодръ, что въ мастишой спарости не изнемогаетъ подъ шяжкимъ бременемъ правленїя. Раздѣленная на малыя княжества Африка трепещетъ имени его; опдаленная Индія хранитъ къ нему почщенїе; многіе другіе народы, кто войсками, кто златомъ дають ему добровольную дань.

Возвысясь до толикаго могущества царь сей собираешъ, или собралъ уже воинство и посылаетъ оное рашеборствовать противъ возникающаго царства Франковъ, коихъ побѣды наводять ему опасенїе. Армида приходишь послѣдняя, въ то самое время, когда за градскими стѣнами собранное въ проспранномъ полѣ воинство шествовало въ бранномъ успройствѣ предъ очи царя.

Онъ сидѣлъ гордо на великолѣпномъ пре-

столѣ; сшо слоновой кости ступеней служили восходомъ на оный. Надъ нимъ простиралось широкое серебряное покрывало; подъ стопами его лежалъ запыленный коверъ. На немъ по ихъ обычаю блиспала пребогатая царская одежда, и бѣлое пысячами складокъ свитое плашно составляло державный на главѣ его вѣнецъ.

Въ десницѣ своей держалъ онъ жезлъ. Бѣлая брада придавала ему грозный и почтенный видъ. Изъ очей его, лѣтами еще не угашенныхъ, пылалъ огонь прежняго мужества и бодрости. Каждое движеніе его приличествовало величію сана, украшеннаго старостию. Въ такомъ можетъ быть видѣ Апеллесъ или Фидіасъ изобразилъ Зевеса, но Зевеса гремящаго.

Одесную и ошуюю его стояли два главные Сатрапа: первый съ поднятымъ въ знакъ власти обнаженнымъ мечемъ; второй съ государственнымъ въ рукахъ печатію: одинъ былъ князь и полный повелитель надъ войсками; другій хранитель царскихъ тайнствъ и сотрудникъ его въ великихъ гражданскихъ дѣлахъ.

Внизу подножіе престола окружали вѣрные пѣдохранители его, вооруженные Черкешане. Окромѣ копій они имѣли лопы и препоясанныя по бедрѣмъ длинныя косыя сабли. Тако Египетскій царь сѣдѣлъ на

престола обозрѣваль избранную часть со-
вокупленныхъ народовъ. Всѣ мимоидущія
войска съ великимъ почтеніемъ преклоняли
предъ нимъ оружіе и знамена.

Въ первыхъ рядахъ шествовали Египет-
скіе народы, предводимые чешырьмя вождя-
ми, двумя изъ верхняго, и двумя изъ ниж-
няго Египта. Сія послѣдняя страна есть
произведеніе и даръ величественнаго Нила.
Рѣка сія, похишивъ изъ моря илистое дно,
ошвердила оное и дала ему плодородіе. Та-
ко расширился Египетъ: о сколько спало
въ немъ внутреннихъ полей, бывшихъ преж-
де приступными для мореплавателей бре-
гами.

Первыя по семь дружины состояли изъ
жителей богатой Александріи, и шѣхъ, кои
обитають ошъ нихъ къ западу, гдѣ начи-
нается Африка. Араспъ, полководецъ ихъ,
мужъ больше разумомъ, нежели рукою силь-
ный; но великій въ воинскихъ козняхъ и
лукавствахъ хитрецъ, превосходѣйшій са-
мимъ Мавровъ.

Вспорыя были обитатели Азіатскихъ
странъ, простирающихся къ востоку.
Вождь ихъ Ароншъ, никакими, кромѣ зна-
менистаго сана, доблестями и достоинства-
ми не украшенный. Никогда еще ратные до-
спѣхи не удручали нѣжныхъ членовъ его,
ниже гласъ ушренной трубы возбуждалъ

опъ сна; но изъ праздности и покоя въ суровую и бурную жизнь повлекло его честолюбіе.

Третье ополченіе не столько походило на дружину, сколько на великую рать, покрывающую поля и бреги. Казалось Египетъ недосматоченъ былъ пропитать ихъ; между тѣмъ всѣ они изъ единого града его вышли; но градъ сей, аки нѣкое царство, заключалъ въ себѣ тысячи народовъ. То былъ Каиръ; Кампсонъ, полководецъ, велъ изъ него безчисленные сонмы людей, не охотно рашующихъ.

За сими подъ начальствомъ Газайла слѣдовали хлѣбожатели на сосѣдственныхъ Каиру плодоносныхъ поляхъ, и выше близъ впорохъ пороговъ Нила обитающіе. Египтяне, яко не могущіе преносить тягости шлема и брони, имѣли одни токмо луки и сулицы; но богато были одѣты: опъ чего пропитивниковъ своихъ больше прельщали добычею, нежели устрашали смертію.

По семъ Аларконъ велъ Варковъ, народъ нагій и почти безоружный, съ давнаго времени въ бѣдности на бесплодныхъ земляхъ живущій и къ однимъ токмо грабегамъ пріобыкшій. За ними шелъ царь Зумарскій съ челядью меньше злошворною, но къ открытымъ въ полѣ бишвамъ неспособною. За

онимъ царь Трипольскій: оба они для незапныхъ нападеній легки, искусны и хитры.

Позади ихъ плынули орашаи Каменистой и Щасливой Аравіи, кои, какъ слава носится, не чувствуютъ никогда ни хлада чрезвычайнаго, ни зноя; гдѣ земля производитъ благовонные коренья и злаки; гдѣ возраждается безсмертный Фениксъ, соединяющій погребеніе съ рожденіемъ, угощая себя среди душистыхъ цвѣтовъ и гробъ и колыбель.

Одѣяніемъ они меньше красивы, но оружіемъ сходятся съ Египтянами. За ними шли другіе Арабы, не обитающіе нигдѣ постоянно; безпрестанные странники, они и дома и селенія свои подвижныя возящъ съ собою; голосъ имѣютъ женскій, ростъ высокій, волосы длинные и черные, лице черноватое и смуглое.

Насажденное на длинную Индійскую проситъ короткое желѣзное копье служить имъ оружіемъ. Видя ихъ скачущихъ на коняхъ подумаешь, что вихри несутъ ихъ, естли есть толь быстрые вихри. Первыми предводительствуетъ Сифаксъ, надъ вторыми начальствуетъ Алдинъ, третьихъ ведетъ Албіазаръ, не храбрый вишазъ, но свирѣпый разбойникъ и убійца.

Къ нимъ примыкали полчища, оставившія острова свои, омываемые Аравійскимъ

моремъ, изъ коего доспають они зарождающія въ себѣ жемчугъ богатыя раковины. Съ ними вмѣстѣ идуць Негры, обитающіе на лѣвомъ берегу Чермнаго моря: сими Агрикальдъ, оными управляетъ Осмида, презирающій всякую вѣру и всякій законъ.

За сими шествують Меройскіе Ееоупіане: Мероя есть островъ по единую страну Ниломъ, по другую Астроборою составляемый; на великомъ пространствѣ его соумѣщаются три царства, и двѣ разныя вѣры. Войсками сими предводительствуютъ Канарій и Ассимиръ, оба цари, данники Калифа, въ Магомеша вѣрующіе; но претій, Христіанскій законъ исповѣдующій, не пришелъ съ ними.

Посемъ слѣдуютъ два другіе царя также подвластные царю Египетскому; воинство ихъ вооружено луками и стрѣлами. Одинъ изъ нихъ обладатель Ормуса, великимъ Персидскимъ заливомъ обмекаемаго; второй повелитель Бекана, подобнаго же острова, во время прилива лежащаго въ морѣ; но когда сдѣлается опливъ, тогда путешественникъ сухими шопами на него приходитъ.

И себя, Алшаморъ, страстная, любимая шобою супруга не могла удержашъ на брачномъ ложѣ: рыдала, рвалась, терзала грудь свою и свѣшлорусые волосы, да ошвра-

Часть IX.

11

пищѣ себя опъ пагубнаго опшесствія. Не уже ли, вѣщала, жестокій, видѣ угрюмаго моря пріятнѣе тебѣ лица моего? Не уже ли оружіе для десницы твоей есть сладчайшее бремя, нежели младенецъ сынъ улыбною себя привѣстлвующій?

Алшаморъ былъ царь Самаркандскій; удержаніе царства своего въ независимости было малѣйшимъ его достоинствомъ; къ искусству и смѣлости въ браняхъ присовокуплялъ онъ великую силу. Испышавъ то, предвѣщаю, народъ Франковъ, и нужно возвѣстивъ ему о семъ, дабы онъ во ожиданіи его заблаговременно опасался. Воины его одѣшы въ броню, препоясаны мечемъ, и при сѣдлѣ имѣють булаву.

Но се изъ опдаленнѣйшаго края Египта, изъ обиталища упренней зари, выступаетъ гордый Адрасъ; хребетъ его вмѣсто брони покрывала зеленая съ черными пятнами змѣиная кожа; огромный шѣломъ онъ сидѣлъ на слонѣ, управляя имъ какъ простымъ конемъ. Народы Ганга, что впадаетъ въ море, омывающее Индію, шли подъ его начальствомъ.

Дружина за симъ слѣдовавшая состояла изъ опборныхъ царскихъ воиновъ: всѣ заслугами и честію въ войнѣ и мирѣ опличившіеся находились въ ней; вооруженные безопасно для себя и страшны для другихъ,

они воссѣдали на коняхъ крѣпкихъ и на-
вычныхъ; ошъ блеска булаша и ошъ багря-
ныхъ одеждъ ихъ позлащалось небо.

Между ими находился люшый Аларкъ,
Идраошъ и Одемаръ, учредитель войскъ; и
дерзосшный Римедонъ, презришель смерш-
ныхъ и смерти; и Тигранъ, и Рапольдъ,
ужасный на моряхъ грабишель; и Ормондъ
сильный; и Арлабусшъ, усмилившій Аравію
и по сему подвигу прозванный Аравійскимъ.

Тупъже Ориндъ, Аримонъ, Пиргъ, Бри-
маршъ, покоришель градовъ; Сифаншъ, укро-
пишель коней; и пы, искуснѣйшій въ боръ-
бахъ Аридаманшъ; и Тизафернъ, Марсовъ
перунъ, всѣхъ несравненно превосходнѣй-
шій, на конѣ ли онъ или пѣшій сражается,
мечемъ ли или копіемъ поражаетъ.

Надъ сею дружиною начальствовалъ
Армянинъ, принявшій въ юности своей Ма-
гомешанскую вѣру, почему премѣнилъ онъ
имя и бывъ Клименшомъ спалъ называшся
Эмиреномъ. Человѣкъ вѣрный, и царю Еги-
пешскому изъ всея конницы любимѣйшій,
вмѣстѣ и военачальникъ и вишьзъ, прево-
сходный и сердцемъ и разумомъ и силою
руки.

Никого больше не ошалось, какъ вне-
запно съ дружиною своею появляется Ар-
мида. Она въ короткомъ женскомъ одѣяніи,
вооруженная колчаномъ и стрѣлами, сидѣла

величественно на колесницѣ. На прекрасномъ лицѣ ея природная крошость, смѣшиваясь съ возбужденнымъ гнѣвомъ, придавала ей видъ мужественный: суровая и раздраженная казалось угрожала, и угрожая прельщала.

Колесница ея, горящая изумрудами и яхонтами, уподоблялась шой, на коей возсѣдишь солнце; искусный возница управлялъ запряженными по два въ рядъ чешырьмя единорогами. Сто юношъ и сто дѣвицъ неслись вокругъ ней на бѣлыхъ коняхъ, легкихъ и быстрыхъ.

За ними шли воины ея, и Аладинъ съ шѣми, которыхъ Идраощъ набралъ въ Сиріи. Подобно тому какъ единственная возрождающаяся пшпца, когда она по возобновленіи своемъ Еѳіопію пролешаетъ, всѣ дивящся красивымъ перьямъ ея, богатому и прелестному ожерелью, курчавому и по природѣ злащому хохлу: вся пернашая спая, шѣсняясь вкругъ ней, сопровождаетъ ее.

Тако пробѣжаетъ Армида, чудесная одѣяніемъ, видомъ и поступками. Нѣтъ ни единой шоль хладной или суровой души, которая бы не воспалялась къ ней любовію. Ештли она едва показавшаяся и гнѣвная взоромъ могла прельсшить шоликое множество шоль различныхъ людей, чшождъ будешъ, когда она съ веселымъ лицемъ и улыб-

кою на устахъ ласковыми взглянешъ на нихъ очами.

По проѣздѣ Армиды царь надъ многими царями повелѣваетъ призвать къ себѣ Эмирена, имѣя намѣреніе возвысить его надъ всѣми знаменитыми князьями, и поручить ему главное надъ войсками повелѣтельство. Сей, прежними заслугами величавый, шелъ съ челомъ являющимъ, что онъ почитаетъ себя сана сего достойнымъ. Черкесская стража раздается, отверзая ему путь къ престолу, и онъ восходитъ.

Преклоняетъ колѣно и главу, прилагаетъ десницу къ персямъ, и царь тако ему вѣщаетъ: прими сей жезлъ; тебѣ, Эмирень, поручаю воинство, повелѣвай вмѣсто меня, и освобождая поработенныхъ царей, неси къ Франкамъ мстительный гнѣвъ мой. Иди, узри и побѣди: да не останется никто непокоренный, и кого пощадишь оружіе, шопъ да приведется въ плѣнъ.

Тако рекъ царь; Эмирень, принимая верховнаго повелѣтельства жезлъ, вѣщаетъ: приѣмлю, и во имя швое, полководецъ швой, доблестными и щастіемъ швоимъ предводи-мый, уповаю опомстись за тяжкія нанесенныя Азіи оскорбленія. Не предстану предъ тебѣ иначе, какъ побѣдителемъ; могу получить смерть, но не срамъ.

Есшлы свыше, чего я не чаю, угро-

жаешь намъ предъопредѣленное злополучіе, молю небо, да благоволишь оно всю гнѣва своего чашу излишь на единую мою главу; да возвратишься побѣдоносное воинство, и да будешь убіенный вождь его лежать предъ нимъ паче на торжественномъ, нежели на смершномъ одрѣ. Умолкъ, и вмѣстѣ съ восклицаніями народными раздался гласъ мусикійскихъ орудій.

И посреди кликовъ и трубныхъ звуковъ царь надъ царями, окруженный знаменишѣйшимъ сонмомъ вельможей, сошедъ съ престола своего, грядетъ въ пространный шатеръ, куда приглася князей и военачальниковъ, садится въ отдѣленномъ мѣстѣ за великолѣпный столъ. Иногда пищею ихъ угощаетъ, иногда словами ласкаетъ, и никого не оставляетъ безъ привѣтствія. Армида между веселіемъ и пиршесствомъ находитъ удобный для хитрослестей своихъ случай.

Когда, по снятіи со стола брашенъ, узрѣла она, что всѣхъ умы и взоры обращены къ ней, и по явнымъ признакамъ усмотрѣла, что прелести ея произвели желаемое дѣйствіе, тогда возстаетъ съ мѣста своего, и обращаясь къ царю вмѣстѣ и горделиво и почтительно, соединяетъ, koliko можетъ, величественность лица съ важностію гласа.

О великій царь, речешъ, и я прихожу за вѣру и опечесство ополчиться. Я дѣва, но дѣва рожденная отъ крови царской. Мню, что война не есть недостойное меня дѣло: всякъ, шествующій на престолъ, да искусится во всѣхъ царскихъ доблестяхъ. Во едину руку вдается и жезлъ правленія и мечъ брани. Моя не дрогнетъ и не ушоминется поражать врага, и прилагая раны къ ранамъ точить изъ него кровь.

Не мни, что день сей есть первый, воспалившій во мнѣ желаніе снискашь высокую воинскую славу; я уже давно за вѣру нашу, и за царство швое привыкла рашовашъ. Ты, бывъ о дѣлахъ моихъ извѣстенъ, въ правдѣ словъ моихъ усумнишься не можешь; ты знаешь, что я первѣйшихъ Христіанскихъ вишязей взяла въ плѣнъ.

Взяла, повергла ихъ въ оковы, и яко знаменитый даръ, послала къ шебѣ; и по днесъ содержались бы они у шебя заключенные подъ спражею въ крѣпкую шемницу, и шы бы надежнѣ увѣренъ былъ въ побѣдѣ и окончаніи великой швоей съ ихъ воинствомъ брани, есшлы бы Ринальдъ, разбивъ посланныхъ моихъ съ ними, не освободилъ ихъ.

Извѣстно кто Ринальдъ: о подвигахъ его длинныя швердятся здѣсь повѣстии. Сей есть шопъ жестокій, кѣмъ я безиѣрно

оскорблена, и не опмщенная шерзаюсь спыдомъ. Къ гнѣву моему присовокупляется смерпельная обида, побуждающая меня приняшь прошивъ него оружіе; но въ чемъ оная состоишь, со временемъ просшранно объясню. Теперь довольно того, что я хочу опмсшишь.

И опмщу: спрѣлы не всегда носятсѧ безуспѣшно вѣшпромъ; иногда небо изъ руки праведнаго направляетъ ихъ въ грудь оскорбителя. Но ешъли сыщется кто, который сниметъ съ плечъ сего люшаго злодѣя ненавистную главу его, и миѣ принесетъ въ даръ, то и сіе мщеніе приму я съ удовольствіемъ, хопя бы и лучше желала собственною моею рукою совершишь оное.

Приму съ такимъ удовольствіемъ, что даю тому, какую шолько могу, самую величайшую награду: даю ему всѣ мои сокровища, и вступаю съ нимъ въ супружество, ешъли онъ того пожелаетъ. Сіе предъ всѣми здѣсь обѣщаю непреложно, и сей шоржештвенный обѣтъ мой клятвенно ушверждаю. Ешъли естъ здѣсь кто, почишающій награду нашу достойною сего опаснаго подвига, шотъ да опзоветсѧ, да изречетъ.

Доколѣ Армида вѣщала, Адрастѣ сладоспращными пожиралъ ее очами. Не дай небо, воскликнулъ онъ пошомъ, чтобы которая либо изъ спрѣлъ швоихъ пронзила

грудь сего нечестивца : подлое сердце его недостойно того, чтобы быть уязвленнымъ рукою столь прелестной стрѣломешательницы. Я гнѣва швоего орудіемъ буду; я главу его принесу въ даръ.

Я вырву изъ него сердце; я растерзанные члены его повергну въ снѣдь врагамъ. Тако рекъ Индѣецъ Адрасъ. Тизафернъ не стерпѣлъ похвалы его. Ты кто, возразилъ, въ присутствіи царя и при насъ такъ много величающійся собою? Можешь быть ешь здѣсь, кто на дѣлѣ покажетъ, что во всякой похвалѣ твоей тебя превзойдешь; однакожъ онъ молчитъ.

Гордый Индѣецъ отвѣстствуетъ: я шопъ, кто меньше о себѣ говоритъ, нежели дѣлаетъ; но еесли бы ты сказанное мнѣ шобою дерзнулъ сказать индѣ, а не здѣсь, то бы слова сіи въ устахъ швоихъ были послѣднія. Онъ хотѣлъ продолжашъ, но царь протершiemъ державной десницы своей обуздаъ каждаго, и рекъ Армидѣ: прекрасная дѣва, ты имѣешь сердце швердое и мужественное.

Ты достойна шого, чтобы оба сіи воина посвящали тебѣ свои услуги; обрати ревностный гнѣвъ ихъ на поражение люшаго и сильнаго врага швоего; шамъ они лучше храбросъ свою употребяшъ, и каждый непрерывъ пошщитъя убіеніемъ его приобрѣшъ

себѣ славу. Сказавъ сіе умоляъ; они же, другъ съ другомъ состязаясь, подтвердили снова обѣщъ свой за нее опмѣстивъ.

Не сіи одни, но и другіе, прославившіеся въ битвахъ, усердно и ревностно предлагали ей свои услуги: всѣ поклялися совершить мщеніе надъ главою ненавистнаго ей Ринальда. Толико подняла она оружія, и толикой возбудила гнѣвъ противъ воина, шоль ею любимаго! Но онъ, по опшестствіи отъ брега, преплываетъ благополучно великій путь.

Малый корабль шѣмъже пушемъ, копорымъ прежде плылъ, править обратно, и шпольже благопріятный вѣтръ, надувая паруса, нудитъ его быстро лѣтѣть. Юный воинъ шо на полюсь смотришь, шо на медвѣдицу, шо на блистающія въ ночной шемношѣ звѣзды, шо на рѣки впадающія, шо на горы возносящія вершины свои надъ поверхноштію моря.

Иногда о состояніи войскъ освѣдомляется, иногда о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ спрашиваетъ. Между шѣмъ они по соленой пѣнящейся пучинѣ водъ, несущаясь съ шolikoю скоростію, что едва солнце, совершивъ чешвертый кругъ дневнаго своего печенія, успѣло занашивъ, какъ уже корабль присталъ къ землѣ. Тогда

жена сказала: вошъ Палесшина, конецъ
вашего путешествія.

И какъ скоро при воина сошли на берегъ, она мгновенно какъ молнія исчезла. Ночь между шѣмъ настала и всѣ предметы во единъ смѣшала видъ. Воины въ сей пустынь песчаной не видяшъ ни стѣнъ, ни кровель; не могушъ примѣтити ни человѣческихъ, ни конскихъ слѣдовъ, ниже иныхъ какихъ признаковъ, по коимъ бы могли стопы свои направить.

Пребывъ нѣкое время въ недоумѣніи, обращаютъ хребты свои къ морю и шествуютъ отъ него. Но се очи ихъ зряшъ вдали нѣчто возблиставшее, и лучами своими, по серебрянымъ, по златымъ, разгоняющее шемному ночи. Они на свѣшъ сей идушъ и вскорѣ усматриваютъ причину блистанія.

Усматриваютъ на полстомъ пнѣ древа висящее новое всеоружіе съ драгоцѣнными на бронѣ и златомъ шлемѣ каменіями, отъ коихъ, лунными лучами ударяемыхъ, отражается блескъ, превосходящій сіяніе звѣздъ въ небѣ; и созерцаютъ освѣщаемые симъ блескомъ изваянные на великомъ щитѣ ряды многихъ изображеній. При сихъ доспѣхахъ сидящій, аки бы на спражѣ, сшарецъ, увидя идущихъ, подвигся къ нимъ ка срѣшеніе.

Оба воина узнали почтенный зракъ мудраго своего наставника. Но вскорѣ, по

взаимныхъ съ ними дружелюбныхъ поздравленіяхъ, обращаетъ онъ рѣчь свою къ юному вишязю, смущенно и безмолвно предъ нимъ стоящему: Государь, вѣщаешь ему, тебя, единого въ семь мѣсѣ и въ сіи часы я съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Я другъ твой, и koliko о тебѣ забочусь, вопросы у сихъ, естли не знаешь. Они, мною охраняемые, преодолѣли волшебство, въ коемъ ты несчастную жизнь свою проводилъ. Днесъ внемли гласу моему, прошивному пѣнію Сирень, и не подосадуи на слова мои; но да пребудетъ онѣ въ сердцѣ твоёмъ, доколѣ мудрейшій и святѣйшій языкъ научитъ тебя лучше познавать истину.

Государь, не подъ пѣнію на зеленыхъ берегахъ, между источниками и цвѣтами, между Нимфами и Сиренами, но на крушой горѣ добродѣтели, на шернистой вершинѣ ея, находишься наше благо. Кто мраза и зноя не претерпишь, и выше пуши забавъ не вознесется, шопъ до нее не досупишь. Ты ли захочешь далеко отъ вершины ея лежать въ юдоли, ты, орелъ поднебесный?

Природа подняла чело твое къ небу, и дала тебѣ духъ честолюбивый и великій дабы ты зрѣлъ высоко, и знаменитыми, гремящими дѣлами самъ себя вознесъ на высоту славы. Она сверхъ сего одарила тебя

пылкостью и брыспрошою, не для гражданских распръ, не для исполненія жадныхъ своихъ желаній, разумомъ осуждаемыхъ;

Но чѣмъ доблестъ своя, ими вооруженная, успѣшнѣе ополчалась противу внѣшнихъ непріятелей, и шверже прошивустояла внутреннимъ, еще злѣйшимъ ихъ врагамъ, спрасямъ своимъ. И такъ покори сіи свойства свои мудрому вождю, да по волѣ своей управляетъ ими, то воспаля и прохладя, то возбуждая ихъ и укрощая.

Такъ рекъ; и юный воинъ, пошупя съ кротостію сныдливые взоры на землю, внималъ безмолвенъ высокимъ его рѣчамъ и совѣшамъ, въ сердце свое ихъ заключая. Мудрый спарецъ, проникши во глубину души его, продолжалъ: возвыси чело свое, чадо, обрати очи на щипъ сей; шы узришь на немъ дѣла своихъ предковъ.

Ты узришь славу ихъ, распространившуюся и проникшую въ самыя опдаленныя и пустыя спраны. Ты медленный ратоборецъ, далеко опспалъ еще опъ нихъ на знаменишомъ поприщѣ воинской чесши. Возспани, возспани! изображеніе подвиговъ ихъ да послужитъ тебѣ поощреніемъ. Тако вѣщаль, и юный вишазъ успремляетъ взоры свои на щипъ.

Искуснѣйшій художникъ тонкою рѣзбою на маломъ полѣ, изобразилъ множество

лицъ. Тамъ въ непрерывномъ порядкѣ зрѣлись всѣ происшедшіе отъ Аціевой крови знаменитые потомки, и сіи текущіе изъ древняго источника Рима чистыя и всегда свѣтлыя рѣки. Всѣ сіи князи увѣнчаны были лаврами. Спарецъ показуешь ихъ подвиги и доблести:

Показуешь Каія, приемиющаго по общей волѣ броды правленія въ то время, какъ Имперія угрожалась бытъ поработенною чуждыми народами: тако спавъ первымъ Эспскимъ княземъ, беретъ онъ подъ кровь свой слабѣйшіе пришекающіе къ нему сосѣдственныя области. Потомъ когда чрезъ извѣстный путь по приглашенію Оноріеву приходитъ гордый Гошеъ;

И когда, казалось, вся Италія снѣдаешся возженными повсюду рукою злодѣйства пожарами, и Римъ поработенный и бѣдствующій угрожаеш до основанія бытъ разрушенъ, указуешь Аврелія сохраняющаго подвласный ему народъ въ независимости. Посемъ указуешь Фореста, вопрошивившагося Гуннамъ, обладателямъ сѣвера.

Легко можно было узнать Ашшилу по звѣрскому зраку его и по змѣинымъ злобнымъ очамъ: смотря на образъ его псоподобный казалось видишь его огрызающагося, и слышишь какъ онъ лаешъ. Побѣжденный въ единоборствѣ горделивецъ сей бѣжитъ

хъ своимъ оруженосцамъ. Послѣ того благій Форестъ, Гекторъ Италіи, приѣмлетъ орла Римскаго подъ свою защиту.

Смерть его, сопрягавшая съ собою судьбу опечеснѣва, зрится въ иномъ мѣстѣ. Се послѣ великаго отца наслѣдуетъ великій сынъ его Акаринъ, честь и слава Италіянскихъ войскъ. Року, а не Гуннамъ, уступаетъ Альпинъ, братъ его, и въ безопаснѣйшей укрывшись спранѣ, изъ тысячи разсѣянныхъ по полямъ Эридана весей создаетъ градъ.

Градъ сей отъ наводненія сея великія рѣки огражденный, въ грядущіе вѣки будетъ столицею великодушныхъ Эспскихъ князей. Альпинъ поражаетъ Аланъ, но меньше щастливый прошивъ Одоакра, умираетъ за Италію. О благородная смерть, пашъ за опечеснѣво и сравниться въ славѣ съ опцемъ своимъ!

Съ нимъ погибаетъ Алфоризій. Ацій и братъ его опсылаются въ заоченіе, но по смерти Герульскаго царя мечемъ и разумомъ возвращаютъ себѣ свободу. Посемъ слѣдовалъ пронзенный стрѣлою въ правую бровь Эспскій Эпаминондъ, казалось съ радостію умирающій, зря побѣжденнаго Тошилу, и любимый щипъ свой спасеннымъ.

Я говорю о Бонифаціи: сынъ его Валеріанъ, шествуя по снопамъ родителя, въ

юности имѣлъ уже крѣпкую мышцу и мужественную грудь: многочисленные Готтескіе полки не могли предъ нимъ устоять. Вскорѣ послѣ того грозный зракомъ Эрнестъ храбрыми прошивъ Славянъ оспличаетъ подвигами; но прежде его неустрашимый Алдоардъ изгоняетъ короля Ломбардскаго изъ Монсельца.

Тамъ зрится Генрихъ съ Беренгаріемъ: и куда шокмо Карлъ великій царскія знамена свои несъ, онъ всегда былъ первымъ его сподвижникомъ и полководцемъ. Попомъ слѣдовалъ Людовикъ, подвижшійся прошивъ племянника своего, царствовавшего въ Италіи: онъ сражается съ нимъ, побѣждаетъ и беретъ его въ плѣнъ. По семъ является Ошонъ съ пятью своими сынами.

Тамъ Алмерикъ, возведенный уже въ достоинство Феррарскаго Маркиза: созидатель многихъ церквей, онъ изображенъ былъ смотрящимъ съ умиленіемъ на небо. Ацій вторый представленъ въ жестокихъ распряхъ съ Беренгаріемъ, и послѣ многихъ оборотовъ щастія и нещастія, наконецъ побѣждаетъ его и становится обладателемъ Италіи.

По семъ является сынъ его Албертъ, ушедшій въ Германію, и тамо доблестями своими въ борьбахъ и браняхъ прославившійся: онъ побѣждаетъ Дашчанъ; Ошонъ

сочешаваетъ его съ своею дочерію и даетъ ему богатое вѣно. По немъ зрится Угонъ, храбро сломившій полки Римскіе; онъ названъ Италійскимъ Маркизомъ, и вся Тоскана была ему подвластна.

Потомъ изображены были Теобальдъ и Бонифаксъ съ супругою своею Беаприксою. Толь обширнымъ областямъ не остался послѣ нихъ никшо мужескаго пола наслѣдникъ; но се Машильда, дочь ихъ, вознаграждаетъ сей недоспашокъ: храбрая и мудрая жена, выше всѣхъ мужей и царей возноситъ она женское свое имя.

На челѣ ея величественномъ блистало мужество. Взоръ ея горѣлъ бодростію и великодушіемъ. Здѣсь побѣждаетъ она Норманцевъ, и непобѣдимаго Гискара обращаетъ въ бѣгство. Тамъ низлагаетъ Генриха четвертаго, и опьяное у него царское знамя приноситъ въ Божій храмъ. Здѣсь въ Вапиканѣ возводитъ святейшаго владыку на высокій Петровъ престолъ.

Тамо при ней въ Аціи пятомъ зрится человекъ, имѣющій великое къ ней почтеніе и любовь; но знаменитое потомство Ація четвертаго щастливѣе процвѣтаетъ. По семъ изображенъ былъ Гвельфъ, сынъ Кунигундинъ, опходящій шуда, куда казалось приглашала его Германія: благая Римскаго

Часть IX.

12

поколѣнія отрасль сія благополучною судьбою пресаждается на поля Баварскія.

Тамо сія великая Эспскаго дома вѣшвъ прививается къ истощающемуся древу Гвельфовъ, и паче нежели когда нибудь возобновляешь, прославляешь оное златыми скипетрами и вѣнцами. Древо сіе благопріятностію небесныхъ лучей возносітся безпрепятственно, возрастаетъ выше облаковъ, покрываетъ собою половину великаго царства Германскаго, и простираетъ шѣнь свою надъ всѣмъ онымъ.

Но въ Италіанскихъ вѣшвяхъ своихъ царское древо сіе съ неменьшею красотою процвѣтало: тамъ Бершольдъ прошивупоспавлялся Гвельфу; тамъ Ацій шестый поддерживалъ славу своихъ предковъ. Таковъ былъ изображенный на щитѣ рядъ героевъ, казалось и въ крущѣ дышущихъ и движущихся. Въ Ринальдѣ, созерцающемъ ихъ, разгарается духъ чести и мужества.

Гордая душа его, любящая подражать доблестямъ, пылаетъ благородною ревностію: уже разгоряченное воображеніе представляетъ взорамъ его, аки бы тогда же происходящія событія, и грады покоренные и взятые, и воинства разсыпанные и разбиенныя. Мгновенно вооружается, исполненъ надеждою испоргнушь и предупредишь побѣду.

Тогда Карлъ, извѣстившій уже его о смерти наслѣднаго князя Датскаго, вручаетъ предназначенный ему отъ него мечъ: возми, речешъ, и да будетъ жребій швой благъ. Толикоже смиренномудрый и праведный, колико сильный, поборай мечемъ симъ по вѣрѣ Христіанской, и за прежняго владыку его, шоль много тебя любившаго, опмши: онъ ожидаетъ сего отъ тебя.

Ринальдъ опмшшвуетъ воину: да благоволишь небо рукѣ, приемиющей сей мечъ, дашъ силу опмшишь за шого, кому онъ принадлежалъ; да заплашишь она имъ, чѣмъ за него должна. Карлъ, съ веселымъ лицомъ, въ крашкихъ словахъ приноситъ великую благодарность. Но мудрый старецъ, обращаясь къ нимъ, понуждаетъ ихъ къ ночному пушешествію.

Время, вѣщаетъ, иди шуда, гдѣ нужно твое прибытіе, и гдѣ Готфридъ и воинство тебя ожидаютъ. Я во мракѣ семъ буду твоимъ пушешовителемъ въ спанъ Христіанскій. Тако вѣщая, восходишь немедленно на колесницу, сажаетъ ихъ съ собою, попускаетъ броды конямъ, ударяетъ ихъ бичемъ, и правитъ на воспокъ.

Между шѣмъ, какъ они безмолвны вдушъ въ темношѣ ночной, старецъ обращаясь къ юному вишязю вѣщаетъ: ты зрѣлъ древній рода своего корень и знаменитыя отъ него

отрасли; и хопя въ давнѣйшія времена былъ онъ щасливымъ и плодоноснымъ праошцемъ многихъ вишязей, однакожь и нынѣ, въ старости, сохраняя силу свою, не преспанешъ ихъ рождашь.

О естли бы, извлекши изъ мрака древности пошкое число предковъ твоихъ, могъ я пакже и въ будущихъ вѣкахъ показать тебѣ твоихъ пошомковъ, и прежде нежели очи ихъ прозрѣтъ, повѣдашь о нихъ свѣшу! ты бы увидѣлъ не меньше длинный рядъ вишязей, пошкое же дѣянїями своими свѣпыхъ.

Но просная наука моя не открываетъ мнѣ истины, глубоко въ грядущихъ временахъ сокрытыхъ, какъ токмо въ нѣкоей неясности и шемногѣ, подобно слабому лучу, не могущему при густомъ шуманѣ освѣщать опдаленные предметы; и естли я въ чемъ себя увѣряю, шо дѣлаю сіе не по дерзновенію моему, но по внушенію опъ того, кому шайнства небесъ извѣстны.

То, что открылъ ему лучъ небесный, и онъ сообщилъ мнѣ, я тебѣ предвѣщаю. Никогда Греческое, ни Лашинское, ниже какое либо иное чужеземное поколѣніе, въ древнихъ или нынѣшнихъ временахъ, не было пошъ многочисленно знаменишыми мужами, какихъ небо опъ тебя произвешъ благоизволяешъ: они не успуцашъ всѣмъ про-

ямъ, коими Спарша, Кареагенъ и Римъ величаются.

Между многими изъ нихъ, продолжалъ онъ, примѣчаю я впрочемъ по званію, но по доблестямъ перваго Алфонса, долженствующаго родиться, когда свѣтъ повредившійся и ускорѣнный оскудѣетъ великими мужами. Сей будетъ шаковъ, что ни кто не сравнится съ нимъ силою оружія и мудростию правленія; онъ вознесетъ кровь свою на верхъ славы и чести.

Въ юношескомъ еще возрастѣ онъ въ отважныхъ воинскихъ играхъ и борьбахъ окажетъ опыты величайшей храбрости. Дикіе въ лѣсахъ звѣри отъ руки его вострепещутъ. Въ ристаніяхъ онъ первый обрашится на себя хвалы и плески. Въ дѣйствительныхъ потомъ войнахъ прославився завоеваніями и побѣдами, и часто чело его увѣнчано будетъ то лавровыми, то дубовыми, то оливными листьями.

Въ зрѣлыхъ же лѣтахъ не меньше явитъ онъ добродѣтелей и достоинствъ: возстановитъ миръ и тишину; отъ сильныхъ сосѣдей, посреди браней, оградитъ царство и грады свои покоемъ и безопасностію; насадитъ науки и художества; водворитъ веселыя игры и великолѣпныя зрѣлища; далеко предумошритъ полезное, и взвѣситъ

съ точностію на вѣсахъ награды и наказанія.

О! естли бы случилось, чтобъ въ сіи несчастныя времена мира, когда злочестіе, заражая земли и моря, предписывашъ будещъ законы знаменитѣйшимъ народамъ, поручено было ему, аки верховному вождю, иди опимститъ за разореніе храмовъ ихъ и поруганіе олшарей; какую праведную и тяжкую мещъ понесъ бы онъ на главу великаго пирана и нечестивой вѣры!

Тщешно съ единыя спраны ополчился бы прошивъ него Турокъ, съ другія Мавръ; онъ за предѣлы Евфраша, за льдисшыя вершины Тавра, за царства, гдѣ вѣчная цвѣшешъ весна, пронесъ бы крестъ, бѣлую пшицу, и злашыя лилен; онъ, окрещая чернолицыя народы, доспигъ бы до безвѣстныхъ истоцищъ великаго Нила.

Тако рекъ старецъ; и юный выпязъ, чувствую въ сердцѣ безмолвную о будущемъ поколѣніи своемъ радость, слушалъ его съ удовольствіемъ. Между шѣмъ заря, предвѣстница солнца, восходила, и небо премѣняло видъ свой на востокъ, шанъ что шрепешаніе вѣющихъ надъ шагтрами значковъ можно было видѣть.

Тогда старецъ снова провозгласилъ: се благотворные лучи солнца являющъ взорамъ вашимъ и спанъ и поле и градъ и

гору. Доселѣ безопасно и безпрепятственно проведъ я васъ по безвѣстному пуши; теперь можете сами шествовать безъ путеводителя; мнѣ далѣе провождать васъ не позволено.

Такъ проснясь расстался съ ними; они сошли съ колесницы его и направили стопы свои прямо на солнечный восходъ къ сшану. Слухъ о возвращеніи шрехъ воиновъ разнесся мгновенно; достигъ, прежде нежели они предстали, до благочестиваго Гошфрида, и онъ для сръшенія ихъ возсхаль ошъ своего сѣдалища.

К о н е ц ъ с е д м о й - н а д е с я т ь п ѣ с н и .

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь осьмаянадесять.

Ринальдъ, представъ предъ лице изшедшаго во сръшеніе къ нему Готфрида, рекъ: Государь, оскорбленная честь моя понудила меня опмсшить убіенному мною воину, и ешъли я шѣмъ прогнѣвилъ шебя, шо долго-временно о томъ сожалѣлъ и раскаявался. Теперь по швоему приказанію прихожу сюда, и гошовъ, да заглажу вину мою предъ шобою, всякое повелѣніе швое исполнишь.

Готфридъ, между шѣмъ какъ Ринальдъ хошѣлъ преклонить предъ нимъ колѣно, заключилъ его въ свои объятія, и рекъ: умолимъ о прежнихъ непріятностяхъ и забудемъ прошедшее. Въ вознагражденіе за шо единого отъ шебя желаю: да возгремишь, какъ гремѣлъ шы прежде, славными дѣлами. Къ пользѣ нашей и ко вреду враговъ предстоишь тебѣ подвигъ побѣдишь чудовищъ очарованнаго лѣса.

Древнѣйшая дубрава, изъ коей доселѣ созидали мы стѣнныя громады, неизвѣстно какимъ образомъ содѣлалась нынѣ страшнымъ гнѣздилищемъ волшебствъ. Ни-

яко не дерзаетъ срубить въ ней ни единого древа. Градъ не можешь пастъ безъ сихъ необходимыхъ сооружений: и такъ спулай, испытавъ храбрость твою шуда, куда другіе идиши спрашатся.

Тако рекъ ему; и вишязь обязуется принять на себя сей шрудъ и опасности; онъ не многія изрекъ словеса, но великодушный видъ его являлъ, что онъ общанія свои далеко превзойдетъ дѣлами. Посемъ съ веселымъ лицомъ, обращая къ прочимъ, привѣщиваетъ онъ каждого: шущъ Гвельфъ, шущъ Танкредъ, и всѣ другіе князи и военачальники окружають его.

Послѣ многихъ и многокрасно повторенныхъ дружескихъ привѣществій шарбѣйшинамъ въ войскахъ, съ шаковою же ласкою и усердіемъ обращается къ другимъ собравшимся меньшаго сана чиновникамъ и простымъ воинамъ: спеченіе ихъ не могло бы быть больше, и восклицанія и клики ихъ не могли бы быть радостнѣе, хотя бы онъ, побѣдя восшокъ и западъ, на шоржештвенной богато убранной шествовалъ колесницѣ.

Тако сопровождаемъ былъ въ шаперъ свой, гдѣ собесѣдуя съ окружавшими его друзьями, шю на вопросы ихъ ошвѣщивовалъ, шю самъ вопрошалъ о войнѣ, воинствѣ и очарованномъ лѣсѣ. Но когда всѣ ушли и оставили его въ покоѣ, шюгда свяшый

оштелець Пешръ тако рекъ ему : Государь! неизмѣримый и чудный спрансхвуа совершилиъ ты пущь.

Колико обязанъ ты за то самодержавному всея вселенныя Царю! Имъ испоржень ты изъ волшебной обители; Онъ тебя, заблуждшую овцу, въ спадо свое привелъ и подъ кровь свой принялъ; Онъ гласомъ Гошфрида избираешъ тебя быть впорымъ воли своей исполнителемъ. Но упоающему въ прегрѣшеніяхъ не достойно еще тебѣ ополчить руку свою на дѣло столь важное и священное.

Ты въ бластѣ міра и площи толико погрязъ, что ни многоводный Ниль, ни Гангъ, ни глубина морская, не могутъ нечистоты твоей омыть. Единая благодать Господня удобна изгладить твои вины и возвратитъ тебѣ твою непорочность. И такъ обрати къ небу, проси благоговѣно прощенья, признайся предъ нимъ въ шайныхъ твоихъ грѣхахъ, рыдай и вознеси къ нему твои молитвы.

Тако рекъ ему; и онъ сперва самъ съ собою оплакалъ и гнѣвъ свой ярый, и любовь свою безумную; потомъ съ чистымъ и сокрушеннымъ сердцемъ преклоня колѣно исповѣдалъ всѣ свои юношескія согрѣшенія. Служитель олшаря, по изреченіи ему прощенья, вѣщаль : съ новою зарею иди помо-

лишься на сію гору, обращенную челомъ своимъ къ солнечному восходу.

Опшолѣ простри стопы твои къ лѣсу, исполненному толикими мечтами и призраками. Я увѣренъ, ты побѣдишь исполиновъ и чудовищъ, ешьли шокмо новое какое заблужденіе не остановишь твоего мужества. Ахъ! да не будетъ сего. Никакой спешнѣй или поющѣй гласъ, никакая опличная красота лукавою улыбкою, или нѣжными взорами, или ласковыми словами, да не уловишь сердца твоего: презри прелестную наружность и лживый языкъ.

Тако совѣщаетъ ему; и вышазъ съ надеждою и желаніемъ приготавливается къ великому подвигу. Проводишь въ размышленіяхъ день: заботишься и не спишь ночь. Едва на небѣ занялась заря, онъ препоясуетъ блистающее оружіе, облачается въ новое необычайнаго цвѣта одѣяніе, оставляетъ товарищей, исходитъ изъ шатра своего, и одинъ тихо пѣшешествуетъ.

То былъ часъ, когда мракъ ночи боролся еще съ свѣтомъ дня; воспокъ начиналъ рдѣть, но небо украшалось еще нѣсколькими звѣздами. Ринальдъ проспираетъ путь свой на масличную гору, и подѣмая очи созерцаетъ окрестъ себя несокрушимыя, божественныя красоты ночи и утра.

Онъ самъ съ собою разсуждаетъ: о какіе

прелестныя въ небесномъ храмѣ совокуплены лучи! дневное свѣтило храни на великолѣпной своей колесницѣ; златыя звѣзды и серебряная луна блистають въ темнотѣ ночной! мы не восхищаемся чудесною ихъ красотою, но съ восторгомъ сможемъ на малое, бренное личико, улыбкою и лучами двухъ очей своихъ воспаляющее наши чувства.

Такъ размышляя возшелъ на самый верхъ горы, преклонилъ съ благоговѣніемъ колѣна свои, устремилъ очи на востокъ, и возносясь мыслію въ превыспренныя селенія, съ умиленіемъ рекъ: Отче и Господи, воззри милосерднымъ окомъ на прегрѣшенія мои, и одожди мя благодатию швоею, да вѣхій во мнѣ Адамъ очистишься и обновишься.

Такъ молился; и предъ челою его багряная, уже златыми лучами возблиставшая денница, и шлемъ, и оружіе, и зеленую окрестъ его вершину горы, освѣщая, позлащала. Онъ почувствовалъ, что дыханіе легкаго вѣтерка освѣжаетъ лице его и грудь, и прекрасная заря изъ нѣдръ своихъ спрываетъ на главу его тонкіе пары тумана.

Небесная роса падаетъ на одежду его, подобную цвѣшомъ пенлу, и орошеніями своими опъема у ней бѣдность, покрываетъ ее свѣтящеюся бѣлизною: тако при устреннемъ хладѣ оживаютъ засохшіе листья

цвѣтка; тако воспріемля снова юность красуется веселая змѣя.

Самъ онъ, смогря на прекрасную перемѣну одежды своей, удивился. По семъ къ высокому древнему лѣсу смѣло и надежно стопы свои направляешь. Достигъ до того мѣста, ошколѣ всѣхъ другихъ, меньше сильныхъ, единое на него воззрѣніе поражало ужасомъ; но ему лѣсъ сей не показался ни безобразнымъ, ни спрашнымъ, напрошивъ того пріятною тѣнію увеселяющимъ.

Продолжаешь далѣе свой путь, и слышишь сладостно раздающіеся звуки; слышишь въ немъ шокмо журчащій ручей, и унылое вѣтерковъ съ дровесами шептаніе, и жалостное пѣніе лебедей, и плачь опившсѣвующаго имъ соловья, и органы, и ципры, и человѣческіе стихами поющіе гласы, и всѣ сіи шоль различные звуки единымъ звукомъ издаваемые.

Вишязь, какъ съ прочими происходило, ожидалъ великаго грома и чрезвычайныхъ ужасовъ; но вмѣсто того слышишь пріятное и согласное пѣніе Нимфъ, Сиренъ, и водъ, и вѣтерковъ, и пшицъ: съ удивленіемъ оспанавливается и начинается идши медленно и тихо; не видишь иныхъ пути своему препяшсѣвъ, кромѣ свѣшлой плавно шекущей рѣчки.

Тотъ и другой берегъ сѣя рѣчки былъ

благоуханенъ и прелестенъ. Она излучистымъ попокомъ обшекала весь сей великій лѣсъ, и не токмо служила ему красивымъ окружающимъ его вѣнкомъ, но выпуская изъ себя впекающій въ него рукавъ, раздѣляла его онымъ на двѣ половины, такъ что взаимно другъ друга пользуя, она орошала его влагою, онъ осѣнялъ ея тѣнію.

Между тѣмъ какъ випязь смотришь, не можно ли гдѣ перейши черезъ рѣку, вдругъ чудеснымъ образомъ является предъ нимъ богатый золотой мостъ, твердо на великолѣпныхъ сводахъ лежащій. Онъ идетъ по немъ, и какъ скоро на прошивной берегъ переступаетъ, мостъ падаетъ и уносится водою, хлынувшею вдругъ съ великою силою.

Ринальдъ обращается и видитъ, что малая рѣка, словно какъ бы распаявшимися снѣгами внезапно наводненная, превращаясь въ сердитую водоспечу, клубится, кружится, и тысячами пущей извиваясь несетъ быстро. Любопытствующій воинъ смотритъ съ примѣчаніемъ на густыя, высокія древа, и въ семъ дикомъ уединеніи видитъ безпрестанно возобновляющіяся предъ нимъ чудеса.

Гдѣ токмо идучи спустишь ногою, тамъ или водомостъ брызнетъ, или кустъ возникнетъ, или распустился лилей, или разцвѣтетъ роза. Индѣ бьютъ ключи, индѣ ручейки текутъ, и весь окрестъ его много-

вѣчный лѣсъ казалось вновь олиственился, и каждое древо, смягчивъ свою кору, свѣжею зеленью помладѣло.

Съ вѣшвей какъ роса печешъ манна, и медъ каплетъ со стеблей ихъ. Снова слышишся созвучное и пріятное распѣваніе; но не знаешь ошколѣ исходятъ человѣческіе тласы, соединяющіеся съ пѣніемъ лебедей и шумомъ вѣтерковъ и рѣчекъ: нигдѣ не видно ни людей произносящихъ оныя, ни мусикійскихъ орудій.

Между шѣмъ какъ Ринальдъ смогришъ и не можешъ умомъ повѣрить шому, въ чемъ чувствва его удословѣряютъ, видитъ онъ стоящее особенно на обширной площади миршовое древо, и по сшезѣ ведущей къ оному направляетъ свои стопы. Чудесный миршъ, разширяя огромныя вѣшви, возносилъ гордую вершину свою выше пальмовъ и кедровъ, и надъ всѣми древесами господствуя казался быть царемъ сего дубравы.

Воинъ останавливается на сей площади, и взоры его поражаются новыми чудесами: онъ видитъ дубъ распворившій утробу свою и начинающій рождашъ; въ необычайномъ одѣяніи, о чудо! исходитъ изъ него совершеннаго возраста дѣва; и сшо другихъ древесъ изъ шощихъ чревъ своихъ производяшъ подобныхъ же дѣвицъ.

Онѣ уподоблялись шѣмъ лѣснымъ боги-

нямъ, какихъ видаемъ мы иногда въ пред-
ставляемыхъ намъ зрѣлищахъ, или въ живопи-
сныхъ изображеніяхъ: съ обнаженными лок-
тями, съ подобранною одеждою, прекрасно
обушья, съ распущенными волосами: шаковъ
былъ видъ сихъ мечшашельныхъ изъ древес-
ной коры появившихся дѣвъ, выключая что
высто лука и спрѣлъ инья изъ нихъ дер-
жали ципру, инья лиру.

Онѣ схватясь руками составили изъ
себя вѣнокъ и пласучи окружали виплязъ,
какъ среднюю въ обводѣ почку. Окружили
также и миршовое древо, и сими словами
воспѣли: юный рыцарь, сердцу нашея цари-
цы вселюбезнѣйшій, о коль прибытіе швое
сюда для нея радостно!

Она уязвленная изнемогаетъ отъ любви
и унынія; шы, всегда ожидаемый, прихо-
дишь ей возвратишь жизнь и здравіе. Дуб-
рава сія, шоль прежде мрачная, соопшѣш-
спвовавшая грустнымъ ея мыслямъ, зри въ
какіе прелесшныя виды, возвеселясь о при-
бытіи швоемъ, облеклася! Тако пѣли Ним-
фы; и потомъ изъ мирша исходишь слад-
чайшій гласъ, и упроба его разверзается.

Въ древніе вѣки рожденіе лѣснаго Силе-
на почишалось чудомъ; но сей огромный
миршь, расшворя нѣдро свое, явилъ пре-
краснѣйшее и рѣдчайшее чудо: изъ него вы-
шла дѣва, обманчивымъ видомъ своимъ

представившая совершенную красоту. Ринальдъ смотришь и видишь Армиду, видишь ея прелестный образъ.

Она устремляетъ на него взоры въспѣхъ и веселые и печальные, и тысячу въ себѣ страстей изображающіе. Посемъ вѣщаетъ: наконецъ я тебя вижу, наконецъ возвращаешься ты къ мнѣ, которую оставилъ. За чѣмъ пришелъ? утѣшишь мои уединенныя ночи и горестныя дни? или вражду хочешь меня отсѣлѣ изгнать? почему скрываешь отъ меня лице свое и показуешь оружіе?

Что привело тебя ко мнѣ, любовь или вражда? Великолѣпный мостъ не для врага приговоренъ былъ мною; ручьи, источники, цвѣтши, и расчищенные для прохода твоего спези, не для врага были устроены. Сними сей шлемъ, открой чело твое, и дай очамъ моимъ узрѣть очи твои, елики ты какъ другъ пришелъ ко мнѣ; соедини уста твои съ моими, грудь твою съ моею грудью, прости ко мнѣ по крайней мѣрѣ руку твою.

Продолжая тако вѣщать измѣняла видъ свой, спрашными озирала его очами, испускала тяжелыя воздыханія, и рыдая проливали горькія слезы, такъ что неоспорожная къ симъ ея спраданіямъ жалость могла бы смягчить и самый швердый камень; но

Ч а с ь IX.

13

вишязь, паче по благоразумію, нежели по жестокости, не внемлешь болѣе ничему и обнажаешь мечъ свой.

Идешь къ миршу; тогда бросаешься она между ими, объемлешь древо, и воцѣишь: не будетъ, нѣтъ, не будетъ того никогда, чтобы ты посѣченіемъ сего древа нанесъ мнѣ люшѣйшее оскорбленіе; ошложи мечъ свой, о жестокосердый, или прежде пронзи имъ несчастную Армиду; ты не иначе можешь уязвить прекрасный миршъ сей, какъ сквозь сердце мое, сквозь грудь мою.

Воинъ, не внемля прозьбѣ, возноситъ мечъ; и тогда, о новое чудо! зришь ее въ иной видъ превращающуюся. Какъ иногда во снѣ видимъ одинъ образъ премѣняющійся въ другой, тако члены ея дебелиють, лице смуглѣетъ, бѣлизна и румянецъ исчезаютъ, и вскорѣ возрастаешь изъ нее превысокій исполинъ, имѣющій, подобно Бріарею, сто вооруженныхъ рукъ.

Пяпдесятъ мечей держишь, и пятыюдесятью щитами гремишь и угрожаешь. Всякая другая Нимфа оружіемъ покрывается и пріемлешь видъ ужаснѣйшаго Циклопа. Вишязь не спрашишься, но удвоя удары рубишь защищаемое древо. Оно, какъ бы одушевленное, стонетъ. Воздушныя зыби, подобно адскому жилищу, наполняются различными призраками и чудовищами.

Мрачное небо гремитъ и сверкаетъ молніями, земля спонетъ и содрогается, бури мчатся, спираются, ревутъ, и дуютъ въ лице и въ очи. Однакожъ воинъ при всей ихъ ярости не ошанавливается, не уменьшаетъ ударовъ своихъ, стучитъ по корѣ и разсѣкаетъ древо: оно пропадаетъ, волшебство пресхаетъ, и всѣ привидѣнія исчезають.

Небо просіяваетъ и воздухъ упихаетъ; лѣсъ возвращается въ свое природное состояніе: нѣтъ въ немъ волшебныхъ ужасовъ, нѣтъ и веселыхъ видовъ; мраченъ, но мраченъ естественно. Побѣдитель покушается еще испытать, не возбранитъ ли что рубить дерева, и попомъ усмѣхаясь самъ съ собою разсуждаетъ: о пустыхъ мечтаніяхъ! какое безуміе поддаваться и уступать вамъ!

Посемъ идетъ въ станъ, гдѣ уже пустынный Пётръ вопіалъ громко: страшное очарованіе лѣса разрушено; побѣдитель возвращается: се онъ! Ринальдъ между шѣмъ издалика въ бѣломъ плащѣ гордъ и почтенъ появляется; серебряныя перья орла его при солнечномъ сіяніи необычайно блистають.

Воинство съ громкими восклицаніями шествуетъ къ нему, и повсюду радостные раздаются клики. Благочестивый Готфридъ дружелюбно его приемлетъ, и нѣтъ ни еди-

наго, кто бы ему завидовалъ. Вишязь вѣщаешь верховному вождю: по швоему повелѣнію былъ я въ спрашномъ лѣсу, видѣлъ его и разрушилъ очарованіе; теперь люди могутъ въ него идти, путь безопасенъ.

Немедленно посылаютъ въ лѣсъ древо-сѣковъ и привозятъ опшолѣ столько деревъ, сколько потребно. Прежнія стѣноломныя бойницы составляемы были не довольно искусною рукою, но теперь съ новыми укрѣпленіями сооружаетъ ихъ искуснѣйшій и знаменитый художникъ Гульельмъ, вождь Лигурянъ, кошорый долгое время плава по морямъ господствовалъ надъ ними.

Потомъ принужденъ былъ удалиться и уступитъ владычество надъ морями сильнѣйшему противъ себя морскому ополченію Срацинъ. Нынѣ же со всѣми своими корабельными служителями и снарядами находится въ Христіанскомъ спанѣ. Онъ въ сооруженіи осадныхъ воинскихъ громадъ былъ самый искуснѣйшій, и съ нимъ было сто млашобійцъ и древодѣлателей, по его предначертаніямъ производившихъ работы.

Онъ не токмо устроилъ шараны, овны, стрѣлометальни, коими бы можно было сбивать оборонителей града и разрушать высокія его стѣны; но соорудилъ огромнѣйшее сихъ зданіе, чудную башню, составленную внутри изъ елей и соснъ, обшянушую ошъ

видъ сырыми кожами, дабы никакимъ пускаемымъ на нее жаромъ и зноемъ люди не были опаляемы.

Громада сія могла разниматься и легкимъ соединеніемъ частей ея паки слагаться. Брусъ въ ней, имѣвшій главу овна, могъ вдругъ изъ нутри ея высовываться и прободать сильно. Опъ середины своей бросала она мостъ, часто при первомъ опущеніи упавшій на вершину супрошивной стѣны. Изъ нѣдръ ея къ верху выпускалась, аки бы вырастающая изъ ней, меньшая башня.

По гладкому пуши, чреватая людьми и оружіями, стомя вертящимися подъ ней колесами движимая, капилась она легко и удобно. Воины обступя смотря на нее съ любопытствомъ, удивляясь столь великому доселѣ невиданному ими въ составленіи ея искусству. Въ тожь время по образцу сей первой сооружающся еще двѣ шаковыя же башни.

Сіи производимыя въ Христіанскомъ станѣ работы не могли однакожь всякъ опъ Срацинъ быть сокрыты; ибо поставленными опъ нихъ на высотахъ стѣнъ спражами прилжно наблюдаемы были. Они видѣли везомые изъ лѣсу въ Христіанскій станъ обозы дубовъ и соснъ, видѣли сооружаемыя изъ нихъ громады, но не могли совершенно узнать ихъ образа.

Они также приготавливали свои снаряды: съ великимъ искусствомъ укрѣпляли башни и стѣны, и меньше швердя къ сопротивленію часши оныхъ шолко возвысили, что по мнѣнію ихъ никакая воинская сила не могла ихъ преодолѣть. Но болѣе всего Исаи для обороны града приготавливалъ сосшавы необычайныхъ и рѣдкихъ огней.

Злой Волхвъ сосшавилъ смѣсь изъ горючихъ смоль и жупела, въ преисподней шокмо находимыхъ. Казалось онъ былъ въ адѣ, и досшалъ ихъ шамъ изъ Содомскаго озера и рѣки девять крапъ обшекающей оное. Тако произвелъ огонь смрадный, дымящійся и опаляющій лице: сими злошворными огнедыханіями мнишь опшисшишь за порубленіе очарованнаго имъ лѣса.

Между шѣмъ, какъ осаждающіе приготавливаюся къ нападенію, осажденные же къ оборонѣ, видяшь віющагося надъ Христіанскими шапрами голубя, распростертыми крыльями быстро разсѣкающаго воздухъ, и уже спранспвующій посланникъ сей, спускаясь ошъ облаковъ, направлялъ полетъ свой ко граду.

Вдругъ неизвѣстно опколѣ появляется соколъ, великими когтями и кривымъ носомъ вооруженный; онъ между спаномъ и градскими стѣнами возбраняетъ пушь голубю, не дерзающему съ нимъ сосшязашься.

Соколь опускается съ высоты на голубя, шѣснивъ его уклоняющагося къ шашру, и уже касается лютыми когтями нѣжной его главы, но голубь бросается къ ногамъ благочестиваго Готфрида.

Готфридъ приѣмлетъ его подъ свой покровъ и осматривая видишь на немъ нѣчто необыкновенное: вокругъ шеи его обвязана нишка съ висящимъ на ней и спрятымъ подъ крыло письмомъ. Онъ распечатываетъ, раскрываетъ, и читаетъ въ немъ сіи крашкія строки: „Царю Іудейскому Воевода Египетскихъ войскъ здравія желаетъ.

Не унывай, Государь; сопровивляйся и стой до чепвершаго или пятаго дня; я иду освободишь градъ швой, и ты увидишь врага своего побѣжденнымъ.“ Важное извѣстіе сіе написано было Сирскимъ языкомъ и вѣрено храненію воздушнаго подашеля; ибо шаковые послы въ тѣ времена употреблялись въ восточныхъ странахъ.

Верховный вождь освобождаетъ голубя, и сей, опасаясь въ измѣнѣ порученнаго ему дѣла бытъ обвиняемъ, не дерзаетъ болѣе печальнымъ вѣспникомъ возвращишься къ своему господину. Готфридъ созвавъ полководцевъ показываетъ имъ письмо и шако вѣщаетъ: видише, какъ промыслъ Царя не-

беснаго благоволишь открывать намъ всѣхъ тайнства.

Мню, что не должно намъ долѣе медлить; надлежишь снова приступишь ко граду, и не щадя ни силъ, ни трудовъ, преодолѣшь полуденныя высоты. Конечно не легко подвигнушься шуда съ громоздкими орудіями, однакожь есть возможность: я назначилъ путь и мѣсто, и безъ сомнѣнія стѣна, защищаемая мѣстоположеніемъ, слабѣе снабдѣна будешь людьми и снарядами.

Ты, Раимондъ, спускай отъ сей страны бойницами твоими осадить стѣну. Я съ главными силами пойду противъ сѣверныхъ врагъ, дабы непріятель, увидя то, ожидалъ, что опселебъ сдѣлаемъ мы самое сильное на него нападеніе. Величайшая башня, удобно движимая, устранишься нѣсколько и на иное мѣсто ударишь.

Ты, Камиллъ, въ шожь самое время, не подалеку отъ меня направишь шретию башню. Готфридъ умолкъ. Тогда Раимондъ, сидѣвшій подлѣ него, воспріалъ слово и рекъ: къ сему распоряженію ничего прибавишь, и ничего отъ онаго убавишь не можно; я желалъ бы шокмо, чшобъ сверхъ сего что нибудь посланъ былъ развѣдать о непріятельскихъ тайнствахъ.

Чшобъ могъ извѣстишь насъ и о числѣ

ихъ и о намѣреніяхъ, сколько дословѣрныхъ о семъ свѣдѣній собравъ можешь. Тогда Готфридъ присовокупилъ: у меня есть шпиносецъ весьма на то способный; легкій ходокъ и человекъ распоропный и смѣпливый; отважный, но отважный съ осторожностію; говоритъ многими языками, и умѣетъ, смотря по надобности, и голосъ и походку и видъ перемѣнять.

Призываютъ его; и когда Готфридъ объявилъ ему свое желаніе, онъ съ веселымъ лицемъ на то согласился и сказалъ: иду шеперь же. Скоро буду безъизвѣстнымъ соглядатаемъ тамъ, гдѣ непріятель шашры свои расшавилъ. Попроверусь въ полуденную долину, и не шокмо каждого воина, но и каждого коня сочту.

Объщаю извѣстивъ о полномъ числѣ войскъ и о намѣреніяхъ вожда ихъ. Пошущь всѣ мысли его проникнуть, и самыя сокровеннѣйшія таинства изъ глубины души его извлечь. Тако вѣщаетъ Вафринъ, и ни мало не медлитъ; но пошчасъ корешкое одѣянице свое длинною одеждою прикрываетъ, оголяетъ шею, и голову свою крученою увиваетъ шканью.

Привѣшиваетъ колчанъ и лукъ со стрѣлами, по Сирійскому обычаю, и всѣми хватками походитъ на Срацина. Всѣ удивились, слыша его разными языками шакъ

свободно и смѣло говорящаго, что Египтяниномъ въ Мемфисѣ, и Финикіяниномъ въ Тирѣ, сочли бы его и шопъ и другой народъ. Садится на коня и скачетъ, такъ что едва малые остаются на пескѣ слѣды.

Но Франки прежде еще наступленія прешьихъ суюокъ сравнивали бугристые перекопанные пуши, и въ поже время безъ всякихъ препяшснвй и помѣшательствъ окончили сооруженіе воинскихъ снарядовъ, присовокупляя къ дневнымъ прудамъ многіе уночнаго покоя опъятые часы. Ничто не удерживало ихъ болѣе обратишь всѣ свои силы на покореніе града.

Величайшую часть дня, предшествовавшего приступу, благочестивый Готфридъ провелъ на молиствѣ. Онъ повелѣлъ, да каждый исповѣдаетъ свои прегрѣшенія, и да насытится хлѣбомъ живошнымъ на трапезѣ безсмертія. Посемъ учредилъ больше поставишь орудій тамъ, гдѣ меньше дѣйствовашъ ими располагалъ: обманушыя Срацины успокоивающа видя, что прошиву крѣпчайшихъ врагъ приговоряется нападеніе.

Съ темною нощію огромную башню съ легкостію прикашили къ тому мѣсту, гдѣ стѣна была прямѣе, и мѣньше предпоставляла углаобразныхъ къ сопротивленію изгибинъ. Раимондъ вооруженную баш-

ню свою возвелъ уже на крушизну горъ для осажденія града. Камиллъ свою приблизилъ къ стѣнѣ, проспирающейя отъ сѣвера къ западу.

Но когда на воспоки появились ушреніе предшесственики солнца, Срацины пришли въ великое смяшеніе, увидя, что башня не токмо на своемъ мѣстѣ поставлена, но еще и двѣ другія, прежде не бывшія, по обѣимъ сторонамъ верхи свои возносятъ, и при нихъ великое множество другихъ бойницъ, шарановъ, оновъ и врановъ.

Сирійскіе народы шекутъ немедленно прошивупоставить защиту той стѣнѣ, куда Готфридъ орудія движеть и первыя стремленія свои направляеть. Но верховный вождь Франковъ, опасаясь незапнаго Египетскихъ войскъ прибытія съ шылу, приемень нужныя предосторожности, и призвавъ къ себѣ Гвельфа и обоихъ Робертовъ вѣщаетъ имъ: стойте въ готовности съ оружіемъ на коняхъ.

Наблюдайте, доколѣ я восхожу на слабѣйшую градскую стѣну, да никакое съзади пришекшее воинство не воспрепятствуетъ движенію осаждающихъ. Умоляю; и уже съ трехъ сторонъ при храбрые полка лешають на приступъ; и съ трехъ сторонъ царь Аладинъ, держа въ десницѣ мечъ,

учреждаешь людей своихъ, да составяшь сильную противъ нападающихъ оборону.

Самъ онъ, опягченный лѣтами и дрожащій тѣломъ, въ сей день давно уже оснащенное имъ оружіе препоясалъ, и шествуетъ противъ Раимонда. Солиманъ исходитъ противъ Готфрида, а лютый Арганъ противъ храбраго Камила, имѣвшаго съ собою Боемондова племянника Танкреда: щастіе привело его сюда, да убіеши своего соперника.

Спрѣльцы начинаютъ мешать смертоносныя. ядомъ упоенныя оружія, и кажется небо темнѣетъ отъ густой тучи пущенныхъ стрѣлъ; но еще сильнѣйшими того ударами потрясаются гордыя стѣны отъ поражающихъ оныя стѣноломныхъ громадъ, изъ коихъ летящъ тяжелые мраморные шары и толстые железнымъ остриемъ снабжденные брусъя.

Каждый камень былъ громовый перунъ, не шокмо, сокрушая доспѣхи и члены, исторгавшій жизнь и душу изъ того, въ кого ударялъ, но и тѣло и лице его рвалъ и обезображивалъ. Каждая стрѣла не останавливалась при нанесеніи раны, но вонзаясь въ грудь текла далѣе, и вылетая изъ хребта оставляла послѣ себя смерть.

Однакожь сіе яростное нападеніе не могло отъ упорной защиты удержатъ Сра-

цинъ : они распростерли уже уступчивые войлоки и другія мягкія вещи, дабы сила, ударяющая въ нихъ, не встрѣчая сопротивленія, умалаялась и ослабѣвала; сами же между тѣмъ направляя лещучія оружія шуда, гдѣ груда людей была больше, не преславали за брань ошвѣтшвовашъ имъ бранью.

Но осаждающіе, не взирая на страшную оборону, продолжаютъ съ прехъ споронъ идши на приступъ. Иные подѣ швердымъ кровомъ снарядовъ своихъ, на кои щещно сыплешся градъ спрѣлъ, простирающъ смѣлые свои шопы. Другіе придвигаютъ опреваемые коливо можно сопротививниками башни, и спараясь на высокія стѣны возвергнувъ мостъ, прободающъ ихъ желѣзными главами овновъ.

Ринальдъ между тѣмъ, почиая опасностъ сію недостойною себя, колеблешся въ нерѣшимости; ему кажется, что идши общимъ путемъ вмѣстѣ со всѣми мало для него чести. Онъ озираешся и устремлешъ желанія свои на то, на что другіе не держатъ покушашся: шамъ, гдѣ высокая стѣна стойтъ никѣмъ не боримая, шуда хочешъ направить путь свой.

Обращаетъ къ славнымъ воинамъ, которыми нѣкогда предводительствовалъ Дудонъ: о стыдъ, вѣщаешъ, при шоликомъ числѣ

орудій стѣна сія пребываетъ въ тишинѣ и покоѣ. Храбрость не знаетъ опасности; мужеству всякій путь гладокъ: приступимъ къ ней, друзья; сомкнутые щиты наши охраняютъ насъ отъ всякихъ ударовъ.

По сихъ словахъ всѣ соединяются вмѣстѣ, всѣ поднимаютъ надъ главами щиты, составя изъ нихъ желѣзную, градомъ и бурями несокрушаемую кровлю; подъ симъ забраломъ сомкнутая шѣсно дружина шестель быстро, никакими преградами не прерываемая; ибо сложенный изъ щитовъ черепокожный кровъ оберегаетъ ихъ отъ всякихъ низвергаемыхъ на нихъ вредоносныхъ шайгосей.

Уже они подъ стѣнами; тогда Ринальдъ сильною рукою кидаетъ, какъ бы нѣкую легкую широкую, длинную о двухъ концахъ ступеняхъ лѣстницу. На него и кражи, и огромные камни, и цѣлыя бревна летятъ съ высоты; однакожь онъ не уменьшаетъ своего стремленія, но безстрашный и непреодолимый не остановился бы, хотя бы на него Олимпъ и Осса низвергались.

Съ кучею ринувшихся въ него спрѣлъ на хребтѣ, и съ горою на щитѣ камней, единою рукою закрываетъ главу свою, другою прясетъ ближайшую къ нему стѣну. Примѣръ шоль чрезвычайной смѣлости ободряетъ его сподвижниковъ; не одинъ онъ

восходишь на верхъ; многіе вмѣстѣ съ нимъ приспавляютъ свои лѣсвицы; но мужество и судьба ихъ не равны.

Иной умираешь, другой падаешь; Ринальдъ же величественно восходя, своихъ ободряешь, прошивникамъ грозить. Уже онъ такъ высоко воспекъ, что можешь простершою рукою схватиться за шорчащія на стѣнѣ зубцы. Тогда пришекаютъ къ нему множество враговъ, отражаютъ, толкаютъ его, тщася низринуть, но не могутъ въ помъ успѣть. Чудное зрѣлище! сонму нападающихъ одинъ висящій на воздухѣ сопротивляешься!

И сопротивляешься, и восходишь, и усиливаешься; подобно пальмѣ, стягосшію обремененной, храбрость его боримая умножается, и гнетомая возносится. Напоследокъ онъ побѣждаетъ всѣхъ своихъ сопротивниковъ, копья ихъ распоргаетъ, преодолеваетъ всѣ предстоявшія ему препятствія, воспекаетъ на стѣну, господствуетъ, и шѣмъ, кои за нимъ слѣдуютъ, облегчаетъ къ восходу путь.

И самъ онъ младшему брату Готфриду, угрожаемому нападеніемъ, просираешь дружески побѣдоносную десницу, и впорому за собою взойши ему помогаетъ. Между шѣмъ верховный вождь въ другой странѣ претерпѣваетъ разныя опасности

и перемѣны щасія: шамъ не шокмо люди воююшъ, но и башни съ башнями сражающся.

Сиряне воздвигли на стѣнѣ древо, бывшее нѣкогда корабельною мачтою, и на немъ поперегъ повѣсили острымъ въ концѣ желѣзомъ снабдѣнное бревно. Впянутое толстыми вервѣями назадъ, шѣмъ съ большею силою высовывалось оно впередъ: шако черепаха, шо въ черепъ свой уходитъ, шо паки главу свою изъ него выспавляетъ.

Длинное бревно ударяетъ, и повторяемые имъ удары щакъ сильны, чшо башня попрысается, подается назадъ и въ укрѣпленіяхъ и связяхъ своихъ разспроивается. Но она имѣла въ гошовности нужныя на подобный случай орудія: выпускаетъ двѣ острыя косы, коими, искусно къ древу направленными, перерѣзываетъ державшія оное верви.

Подобно какъ великій камень, или глыба, шягосшію или силою вѣпра отъ горы опшорженная, съ спрашнымъ шумомъ капишся, и лѣсь, и дома и спада низвергаетъ: шако ужасное бревно сіе, низринувшись съ высопы, и обруша съ собою и зубцы, и снаряды, и людей, ударилось единожды и двѣжды въ башню, шако чшо и стѣны и холмы содрогнулись.

Побѣдоносный Готфридъ спремился впередъ, и уже мнишь бышь на стѣнахъ градскихъ; но вдругъ зришь себя ошрѣваема чернодымящимся, пышущимъ на него зловоннымъ пламенемъ. Никогда Эшна изъ вертепистой утробы своей не изрыгала столько сѣрныхъ огней, ниже Индѣйское небо посреди лѣта когда либо дышало шолликимъ зноемъ.

Тамъ пылающіе горны, и горящіе клубы, и зажженные брусья падаютъ; иногда черный, иногда кровавый сверкаетъ пламень; смрадъ заражаетъ, дымъ ослѣпляетъ, громъ и трескъ оглушаютъ, огонь опалелъ и поядаетъ. Башня не можетъ болѣе сырыми кожами своими защищаться: онѣ сохнутъ, коробятся, и есѣли небо не подасъ помощи, громада сія должна сгорѣть.

Мужественный вождь, стоя впереди всѣхъ, не премѣняетъ ни лица, ни мѣста, и ободряетъ шѣхъ, кои въ предохраненіе отъ огня поливаютъ кожи запасенною нарочно для сего водою. Соспояніе ихъ доведено было до крайности и уже не доставало болѣе воды, какъ вдругъ вѣтръ перемѣнясь подулъ съ противной стороны, и обратилъ извергаемое Срацинами пламя на нихъ самихъ.

Сильнымъ вихремъ вспянь обращенный огонь мгновенно пожираетъ всѣ ихъ спаря-

Часть IX.

14

ленные вокругъ стѣны мягкія удобосгараемыя шкани, и всѣ пригособленные для обороны снаряды и припасы испребляешь. О любимый Богомъ и охраняемый имъ благочестивый вождь! по шебѣ побораешь небо, и по гласу трубъ твоихъ прибегаютъ вѣтры.

Но злобный Исмень, видя сѣрные огни свои дуновеніемъ сѣвера на себя самого обращенные, хочетъ хитрыми обаяніями своими преодолѣть природу и повелѣть бурямъ. Онъ, сопровождаемый послѣдователями его двумя другими чародѣями, возшедь на стѣну предъстаетъ предъ очи всего воинства, и стоя между ими, грозный взоромъ, черный власами, брадатый и смуглоблѣдный, кажется бытъ Харонъ или Плутонъ между двумя фуриями.

Уже произносилъ онъ шептанія свои, коихъ спрашишся Коцишъ и Флегетонъ; уже воздухъ спалъ помрачашься, и солнце темными покрылось облаками, какъ вдругъ изъ огромной башни извергается великій камень, опрывокъ скалы, и съ такою силою ударяешь въ нихъ, что вся кровь ихъ и кости разлетаются.

Разлетаются въ дребезги, и злочестивыя головы ихъ шолохи сокрушаются, что никогда хлѣбныя зерна изъ подъ тяжкаго жернова не исходили шоль мѣлко раздробленными. Три скарѣдныя души вострепе-

главъ оставляють чистоту воздуха, свѣтлость небесъ, и низвергаются въ темныя жилища преисподней. Смершныя, спрашйсь небеснаго гнѣва!

Въ сіе время башня, приведенная возставшимъ вихремъ въ безопасность отъ возгорѣнія, подвигается столь близко, что опускають на стѣну мостъ и ушверждаютъ оный. Но Солиманъ неуспрашимый пришекаетъ и спарается мостъ сей разрубить; онъ наноситъ ему ударъ за ударомъ, и конечно сей узкій переходъ не уцѣлѣлъ бы отъ его руки, естълибъ изъ башни вдругъ не появилась другая башня.

Великая громадища возрастаетъ еще болѣе и возноситъ главу свою выше всѣхъ высокихъ зданій. Удивленные симъ спрашилищемъ Срацины видятъ градъ свой низжайшимъ предъ нею. Но гордый Турка, не смотря на сыплющійся на него дождь каменьевъ, не оставляетъ мѣста своего, не опчаявается изрубить мостъ, и на другихъ оробѣвшихъ кричитъ и ободряетъ ихъ.

Тогда предъ очи Готфридовы предстаетъ, невидимо другимъ, Архангелъ Михаилъ, небеснымъ препоясанный оружіемъ; солнце, ни единымъ облакомъ не помраченное, уступало блистанию его. Готфридъ, вѣщаль онъ, се настаетъ часъ освобожденія Сіона отъ жестокаго рабства. Не пошуп-

*

лай, не пошуплай очей твоихъ; зри, коликими силами небо тебѣ вспомошесвуесть.

Возведи очи и виждь безчисленное въ воздухѣ безсмертное воинство: я разгону висящее надъ тобою, человѣческими чувствами не проникаемое облако, такъ что ты увидишь образы безплотныхъ существъ, и можешь, хотя на краткое время, безъ ослабленія взирать на яркіе лучи исходящаго отъ нихъ сіянія.

Зри души Христовыхъ воиновъ, кои нынѣ, ставъ небесными согражданами, сюда приехали, и совокупно съ тобою щастя привесъ къ окончанію славное покореніе града. Тамъ, гдѣ надъ грудями развалинъ дымъ и пыль стоятъ столбомъ, зри, какъ Угонъ ратуетъ и твердое основаніе бойницъ шрясаетъ и разрушаетъ.

А шамъ Дудонъ съ мечемъ и пламенемъ высокія сѣверныя врага осаждаешь, и снабжаешь воиновъ оружіемъ, и понуждаешь ихъ восходить по лѣсшвицамъ, и самъ оныя приспавляетъ и держишь. А шамъ на горѣ, въ свяшительской одеждѣ, съ священнымъ вѣнкомъ на главѣ, зри, какъ блаженная душа первопастыря Адемара и шеперь еще осѣняетъ и благословляетъ.

Возведи еще выше смѣлые взоры твои, и созерцай въ совокупности всю небесную рать. Онъ подьмелетъ очи свои, и зришь

несмѣтное крылатое ополченіе: три великіе полка, изъ коихъ каждый устроенъ на трехъ окруженіяхъ; виѣшніе круги многочисленнѣе и болѣе распростерты, внутренніе же малочисленнѣе и меньше пропѣяжены.

Тутъ Готфридъ отъ нестерпимаго сіянія принужденъ былъ пошупить очи; онъ возвелъ ихъ снова; но уже великаго зрѣлища сего не могъ болѣе видѣть. Между тѣмъ озирая воинство свое зрѣть повсюду преуспѣвающую побѣду. Многіе храбрые подвижники шекуютъ за Ринальдомъ; онъ уже на стѣнахъ и поражаетъ враговъ. Верховный вождь не медлитъ болѣе, беретъ знамя изъ руки вѣрнаго Альфѣра.

Идетъ первый чрезъ мостъ; но Султанъ Турецкій посреди онаго преграждаетъ ему путь. Малый переходъ становится великимъ поприщемъ состязавшейся храбрости; гремятъ удары; гордый Солиманъ вопіетъ: жертвуя жизнію моею дарую жизнь другимъ; рубите, друзья, мостъ позади меня; я останусь здѣсь добычею, однако не легкою добычею врагу.

Но видишь грознаго взоромъ, шекущаго къ нему Ринальда, отъ коего всѣ далеко бѣгутъ съ шрепешомъ. Чшо мнѣ дѣлать? размышляетъ; естли здѣсь жизнь мою предать, я предаю ее бесполезно. Тако, сохра-

няя себя для новой защиты, уступаетъ путь Готфриду. Сей гонимся за нимъ грозно, и святое знамя Христа водружаешь въ стѣны.

Побѣдоносное знамя, помавая изъ страны въ страну, величественно 'возвѣщаетъ. Кажется день свѣтлѣе окрестъ его сіяетъ, и вѣтры съ почтеніемъ его поднимаютъ. Всякій дрожитъ, всякая стѣла, брошенная въ него, или пролетаетъ мимо, или не долетая къ подножію его упадаетъ. Кажется весь Сіонъ и противоположная ему гора съ благоговѣніемъ и радостию преклоняютъ предъ нимъ чело свое.

Тогда всѣ войска велегласно вознесли до небесъ торжественный вопль побѣды, и ошдаленныя горы послѣдніе звуки ихъ спокрашно повторили. Въ тожъ самое время Танкредъ преодолеваетъ всѣ противоположенныя ему Аргантомъ преграды, опускаетъ мостъ, и взойдя по немъ на стѣны, высоко въ воздухъ возноситъ крестъ.

Но съ полуденной страны, гдѣ сѣдовласый Раимондъ препирается съ царемъ Палестинскимъ, Гасконское воинство не могло еще къ стѣнамъ градскимъ башню свою придвинуть: отборный народъ окружалъ царя и съ великою упорностію защищалъ градъ, и хотя стѣна въ семь мѣстъ казалась бытъ слабѣе, но по сему самому

обсѣяна была величайшимъ числомъ оборонительныхъ орудій.

Пришомъ же гористый пушь не спошь, какъ въ другихъ мѣстахъ, для сей огромной башни былъ удобенъ, и всякое употребленное искусство не могло всѣхъ природныхъ мѣстоположенію препяшствій совершенно преодолѣть. Между тѣмъ побѣдоносный гласъ войскъ услышанъ былъ и наступающими и обороняющимися: Палестинскій Царь и Графъ Тулускій познали, что градъ ошъ страны дола былъ уже взятъ.

Тутъ Раимондъ ободряя воиновъ своихъ воскликнулъ: о товарищи! градъ, уже взятый, еще намъ сопротивляется. Мы ли одни въ сей преславной побѣдѣ не будемъ участниками? Но въ сіе время Царь Іерусалимскій наконецъ отступаетъ, предпріемая занять высокое и крѣпкое мѣсто, гдѣ бы могъ онъ съ лучшею надеждою еще прошивустоять.

Тогда побѣдоносное воинство не токмо чрезъ стѣны, но и въ проломленные врата, низвергнувъ, сокруша, разруша огнемъ и желѣзомъ все то, что крѣпкое ему прошивуборствовало, вторгается во градъ. Убийственный мечъ, сопровождаемый товарищами своими, ужасомъ и смертію, разноситъ повсюду пагубу и сокрушеніе. По стогнамъ текутъ рѣки крови, влача съ собою трупы мертвыхъ и едва дышущихъ.

Конецъ осьмой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь десятаянадесятъ.

Уже смерть, или страхъ, или опасеніе, опшоргли всѣхъ Магомешанъ ошъ обороны града; одинъ непреоборимый Аргантъ стойтъ не опспуная ошъ разрушаемыхъ стѣнъ. Люшъ и безспрашенъ, окруженный проливниками сражается съ ними, опасаясь, больше нежели умереть, бытъ подвигнушу вспяшъ, и хочеть даже и умирая казаться непобѣжденнымъ.

Но изъ всѣхъ рапующихъ съ нимъ воиновъ приходитъ самый опаснѣйшій, Танкредъ. Черкешанинъ по дѣйствіямъ, по поспупкамъ, по оружію позналъ въ немъ того, съ кѣмъ онъ единоборствовалъ, и кто въ шестый день обѣщалъ возвратишься, но не устоялъ въ словѣ. По сей причинѣ возопилъ къ нему: такъ-то держишь ты слово свое, Танкредъ? теперь только приходишь бишься?

Приходишь поздно и не одинъ. Однакожъ я не оприцаюсь сразишься и готовъ раповашъ съ тобою, хопя по видимому ты пришелъ сюда не шакъ какъ воинъ, но какъ

изобрѣшатель сихъ огромныхъ башенъ. Застѣняй себя своими войсками, употребляй въ оборону свою какія хочешь новыя громады и необычайныя оружія, но ошъ рукъ моихъ, о храбрый убійца женщинъ, не избѣжишь ты смерти.

Мужественный Танкредъ, презрительно улыбнувшись, шако съ гордостію и гнѣвомъ ошвѣстствуетъ ему: позденъ прихоть мой, но скоро покажешся тебѣ чрезмѣру преждевремененъ; скоро пожелаешь ты, чшобъ раздѣляли насъ Альпійскія горы, или бы между нами лежало море. Опышь покажешъ тебѣ, что въ причинѣ замедленія моего не участвовали ни спрахъ, ни малодушіе.

Пойдемъ, уклонимся ошселѣ, о ты побѣдишель единыхъ исполиновъ и богатырей! убійца женщинъ тебя вызываетъ. Тако вѣщаль ему; потомъ обращая къ своимъ удерживаешь ихъ ошъ нападенія на него и восклицаетъ: престанъше поражать его; онъ больше мой, нежели вашъ общій врагъ; давное между нами условіе обязуетъ меня одинъ на одинъ съ нимъ перевѣдаться.

Спупай одинъ или со множествомъ, прерываешь гордый Арганшъ, пойдемъ въ многолюдное или уединенное мѣсто, какъ и куда хочешь; я ни на какія окружающія тебя выгоды не посмощрю и ошъ тебя не ошсшану. Тако условаясь и согласаясь идушь

поспѣшными спопами къ единоборству. Ненависть сопровождаетъ ихъ; сильная между ими вражда понуждаетъ одного изъ нихъ защищать другаго.

Съ величайшимъ попеченіемъ и ревностію Танкредъ заботится о сохраненіи жизни Срацина: ему кажется, что даже и единая капля крови его, не имъ, но инымъ кѣмъ пролишая, не дастъ гнѣву его вполне утолить жажды своей. Онъ покрываетъ его щипомъ своимъ и вспрѣчающимся кричитъ издалека, чтобы никто его не пронулъ: тако врага спасаетъ отъ друзей, и выводитъ его изъ среды побоища раздраженныхъ побѣдителей.

Они исходятъ изъ града, и удалясь отъ мѣста, гдѣ раскинутъ Христіянскій станъ, идутъ по гористымъ извивающимся степямъ, и приходятъ въ небольшую шѣнистую долину, лежащую между холмами, и какъ бы нарочно окруженную ими, дабы служить поприщемъ для ловцевъ или единоборцевъ.

Здѣсь оба останавливаются. Аргантъ задумывается и обращаетъ смутные взоры свои на печальный градъ. Танкредъ примѣтивъ, что у него нѣтъ щипа, бросаетъ свой. Потомъ вѣщаетъ ему: какая беспокоитъ тебя мысль? не о томъ ли думаешь, что приспѣлъ послѣдній часъ твой? Ежели ты

предвидя сіе смущаешься, то страхъ твой позденъ.

Размышляю, ошвѣшствуешь Арганшъ, о древнѣйшемъ престольномъ градѣ Іудейскаго царства, днесъ упадающемъ, и коего роковую гибель щещно я ошвратить хошѣлъ; мню, что глава твоя, посланная мнѣ судьбою, есть мало удовлетворительная мщенію моему жертва. Умолкъ, и оба съ великою ошорожностію выходятъ одинъ противъ другаго; ибо каждый знаетъ соперника своего силу.

Танкредъ легокъ и ловокъ тѣломъ; быстръ ногами и рукою. Арганшъ напрошивъ высокою главы и дебелостію членовъ превосходитъ его. Танкредъ сжиманіемъ себя и уклончивостію увертывается изъ подъ меча сопрошивника своего, и всею силою висящіе надъ главою его удары отъ себя ошводитъ.

Свирѣпый Арганшъ напрошивъ прямо и размахистъ, равенъ съ нимъ искусствомъ, но дѣйствіемъ различенъ: онъ великую руку свою далеко просшираетъ, и не меча ищетъ, нѣтъ, но прямо до тѣла врага своего добирается. Одинъ всякую минушу новымъ ударомъ стремишся раздробить на части; другой, уставляя ему мечъ въ лицо, грозитъ, и смѣшными увертками, и мгновенными

нападеніями, при каждомъ шагѣ спавишь ему препону.

Тако на равнинахъ морскихъ, когда не возмущаетъ ихъ ни южный, ни юговоспочный вѣтръ, зримъ сраженіе двухъ неравныхъ кораблей, изъ коихъ одинъ величиною, другой движеніемъ преимуществуетъ: одинъ вращаясь и обтекаая вокругъ кормы и носа, безпрестанно нападаетъ; другой стойтъ неподвижно, и когда шопъ легкій приближается къ нему, онъ съ вышины своей грозить разрушить его громовымъ ударомъ.

Между шѣмъ какъ Танкредъ покушаешся мечъ свой подъ мечъ соперника своего пропустить и въ него направить, Арганшовъ мечъ сверкаетъ предъ его очами; онъ хочетъ отбить его, но Срацинъ съ такою быспрошою и силою опускаетъ оный, что предупреждая оборону поражаетъ непріателя своего въ бокъ, и видя рану его восклицаетъ: хипрець побѣжденъ хипростію.

Гнѣвомъ и сшыдомъ воспаленный Танкредъ осшавляетъ всякую предосторожность, и съ такимъ пламенемъ жаждетъ ошмстить, что позднюю побѣду уничиженіемъ себѣ спавишь. Онъ не ошвѣстствуетъ ничего на укоризну, но оспріе меча своего устремляетъ прямо въ забрало шлема, гдѣ для очей сдѣланы ошверстія; Арганшъ ош-

ражаетъ ударъ, но Танкредъ рѣшительно на полъ-длины меча къ нему приближается.

И тогда лѣвою ногою проворно сшупя, шуйцею хватаетъ его за десницу, и десницею своею наноситъ ему жестокіе удары, вопія: вопъ какъ великому побѣдителю опъвѣдствуешь побѣжденный! Черкешанинъ пылаетъ яростію, силился, рвется, но руки своей изъ руки его освободить не можетъ.

Наконецъ опуска мечъ повиснувшій на цѣпи, бросается на Танкреда, а сей на него, и оба съ великою запальчивостію схватываются и давятъ другъ друга. Не съ такою силою на знойныхъ пескахъ Африканскихъ Алкидъ восхищилъ и поднялъ въ верхъ грознаго исполина, съ какою они крѣпкими руками стѣснились и оплелись.

Таково было ихъ препираніе и борьба, что оба вдругъ грянулись на землю. Арганшъ, принаровилъ ли шакъ, или что сдѣлалось случайно, упалъ на лѣвую руку, имѣя правую свободну; но Христіянскаго вишязя рука, наиболѣе способная къ пораженію, была бездѣйственна опъ возлежащаго на ней Арганшова шѣла; почему Танкредъ чувствуя невыгоду и опасность свою, вырываетъ ее изъ подъ него и поспѣшно возскаетъ.

Возскаетъ и Срацинъ, но послѣ и тогда, когда уже Танкредъ успѣлъ нанести ему

сильный ударъ. Однакожь подобно высокой соснѣ, преклонившей на время вершину свою предъ ярымъ вѣтромъ, и скоро паки возстающей, Аргантъ, въ то самое время какъ уже клонился къ паденію, укрѣпляется, собираетъ силы свои и гордо подымаетъ главу. Снова нападаютъ они другъ на друга и бивша ихъ шѣмъ ужаснѣе, что они не наблюдаютъ болѣе ни искуства, ни осторожности.

Танкредъ изъ многихъ ранъ проливаетъ кровь, но изъ Арганша текла она почти ручьями. Уже съ ослабѣвающими силами ослабѣвала въ немъ и ярость, подобно какъ пламень отъ недосыпашка пищи угасаетъ. Христіанскій вишазъ, видя окровавленную руку его отчасу пише возвращающуюся, пошущаетъ въ великодушномъ сердцѣ своемъ пылъ гнѣва, и опшупя назадъ съ крошечною ему вѣщаетъ:

Уступи мнѣ, храбрый мужъ, и согласись признавъ побѣдителемъ своимъ или меня, или щастіе. Я не требую ни оружія своего, ни шоржества, ниже какихъ либо правъ надъ тобою. Люшый Срацинъ больше нежели когда нибудь разсвирѣпѣвъ опшвѣстствуетъ: ты уже мечшаешь себя побѣдителемъ и дерзаешь опшъ Арганша ожидать подлости?

Пользуйся преимуществами своими: я

ничего не спашусь, и самохвальства швоего не оставлю безъ наказанія. Подобно какъ угасающій огонь, при послѣднемъ концѣ своемъ, сильнѣйшій извергаетъ пламень и съ блескомъ пошухаетъ, такъ онъ, оставшееся въ немъ малое количество крови гнѣвомъ воспаля, возобновилъ увядающія свои силы, и жизни своей близкіе къ смерти часы восхопѣлъ мужественнымъ прославишь концемъ.

Правую руку свою соединя съ лѣвою, обѣими возноситъ мечъ, и съ такою силою низвергаетъ оный, что хоша ошъ сопротивнаго меча вспрѣчаешь препящивше, одинакожъ мечъ его, разруша сію преграду и коснувшись плеча, скользитъ съ ребра на ребро, такъ что однимъ ударомъ многіа даетъ раны. Ударъ сей долженствовалъ бы ужаснуть Танкреда, естлибъ швердая грудь его могла какимъ либо страхомъ содрогаться.

Арганшъ повтораешъ спрашннй ударъ, но бесполезно разсѣкаетъ имъ воздухъ: Танкредъ, предусмошря пагубное намѣреніе его, уклоняется и отскакиваетъ прочь. Срацинъ всею шяжестію своею ринувшись въпередъ, не могъ удержаться на ногахъ и упалъ. Ты упалъ, Арганшъ, но по шастію самъ собою, и никто другой низверженіемъ тебѣ похвалишься не можешъ.

Паденіе отверзло раны его и кровь полилась изъ нихъ рѣками. Онъ лѣвою рукою уперся въ землю и вскоча на колѣно приготовился къ оборонѣ. Великодушный побѣдитель снова крошко и безъ всякаго оскорбленія предлагаешь ему: опдайся! но онъ между пѣмъ шайно мечемъ уязвляетъ его въ плечу и сопровождаетъ ударъ сей угрозами.

Тогда разгнѣванный Танкредъ возопилъ: симъ по образомъ, нечестивецъ, плашишь ты мнѣ за мое къ тебѣ состраданіе? Съ симъ словомъ сквозь глазное на забралъ отверстіе вонзаетъ въ него мечъ: Арганъ умираетъ, и умираетъ какъ жилъ, даже и при концѣ издыханія своего не стелющій, но угрожающій; послѣднія судороги его были яростныя и свирѣпыя скрежешанія.

Танкредъ влагаетъ мечъ, и приноситъ теплое за поржество свое благодареніе Богу; но кровавая побѣда истощила почти всѣ силы побѣдителя. Онъ опасался, что слабость не позволитъ ему перенести движенія въ пущи; однако же пускается и тихо, шагъ за шагомъ, пѣми же степями, по коимъ пришелъ, обратно шествуетъ.

Изнемогшій едва влечется, и чѣмъ больше силился, тѣмъ больше изнемогаетъ; ослабѣвъ ложится на землю; и подпираетъ голову свою правою рукою, какъ проситъ

колеблющуюся. Все, что видишь, въ глазахъ у него кружишся, и уже очи его покрываюшся мракомъ. На послѣдокъ лишаешся чувствъ, и становишся шакомъ, что побѣдителя трудно распознать съ побѣжденнымъ.

Между шѣмъ какъ здѣсь съ шолкимъ жаромъ частное происходитъ единоборство, побѣдоносное воинство изливаешъ всю свою ярость надъ непокорнымъ народомъ. Кто можешъ описать всѣ бѣдствія взятаго приступомъ града? чье перо живо изобразить сіе неистовое, ужасное зрѣлище?

Повсюду свирѣпствуешъ убійство; горами шѣлъ покрывы спогны и площади: тамъ раненые на мершвыхъ, а здѣсь подъ убитыми не погребенными лежатъ погребены умирающіе. Бѣгутъ, прижимая къ груди младенцевъ, печальныя мащери съ распрепанными власами; и хищникъ, обремененный корыстями, хващашъ за власы щекучихъ съ воплемъ отъ него дѣвицъ.

Но по пущамъ, ведущимъ на высочайшій западный холмъ, гдѣ стойтъ великій храмъ, Ринальдъ, весь непріятельскою кровію обгреный, гонимъ и разсѣваешъ нечестивыя шолпы народа. Великодушный выпящъ на единыя вооруженныя главы возноситъ мечъ свой и низлагаешъ ихъ. Отъ руки его ника-

Часть IX.

15

кіе щиты и шлемы не спасають, спасаетъ одно шокмо отъверженіе оружія.

Мечъ его благородный на одні шокмо мечи устремляешся, гнушаясь свирѣпствоватьъ прошивъ немощи, и шѣхъ, коихъ дерзость не ополчаетъ, оружіе не покрываетъ, гонитъ взорами и грознымъ гласомъ. Чудныя дѣла храбрости шворишь: то презираешь, то грозитъ, то поражаетъ: съ неравными опасностями равно бѣгушь отъ него и безоружные и вооруженные.

Уже съ простымъ народомъ укрылось немалое число и опличныхъ воиновъ во храмъ, который неоднократно сгаралъ, возобновлялся, и нынѣ нарицается еще именемъ основателя своего Соломона. Онъ древлѣ кедрами, златомъ и прекрасными мраморами гордился; но днесъ хоша и не столь великолѣпенъ, однако же швердъ и крѣпокъ, снабдѣнъ высокими башнями и двери имѣетъ желѣзные.

Великій вишлзъ достигнувъ шуда, гдѣ въ огромномъ и просторномъ зданіи великое число народа и воиновъ зашворилось, находить двери запертыми, и видишь въ верху многія къ защитѣ пригштовленія; онъ грозными взорами, ища хоша шѣснаго входа, дважды озираетъ оное отъ вершины до подошвы, и шolikoжекрапно быспрыми стопами обшекаетъ оное вокругъ.

Какъ хищный волкъ, природною враждою и голодомъ побуждаемый, съ алчною пастию лукаво обходишь заключенное въ оградѣ стадо, такъ онъ высматриваетъ, нѣтъ ли гдѣ внизу или вверху удобнаго для прохода опверстія. Наконецъ посреди широкой площади останавливается: осажденные зашворники зрящъ его съ высоты и съ препешомъ ожидаютъ нападенія.

Тутъ въ сторонѣ лежалъ толстый, не извѣстно для чего, угошованный брусъ, величайшій и длиннѣйшій пѣхъ, каковыя употреблялись на райны Лигурійскихъ кораблей. Вишязъ мощною рукою, для коей всякое бремя легко, подъемлешь оный, и какъ бы нѣкимъ копіемъ, сильно и громоломно ударяешь имъ въ главныя двери храма.

Не могъ устоять ни мраморъ, ни чугуны, отъ повторенія сокрушительныхъ ударовъ его: зашворы преломляются, звѣняція пѣшли соскакиваютъ съ крючьевъ, и двери упадаютъ. Ни твердоглавый шаранъ, ни смертоносная бомба, не могли бы съ такою грядущь силою. Франки въ опверстый проломъ, какъ вода, хлынули за побѣдоноснымъ своимъ предсечею.

Убийство и лютость свирѣпствуютъ въ шомъ храмѣ, гдѣ нѣкогда приносилось пѣснопѣніе Богу. О праведное небо, чѣмъ позже, тѣмъ пагубнѣе осяготѣла десница

швоя надъ нечеспивымъ народомъ ! Тайное провидѣніе швое въ крошкіа сердца влило гнѣвъ и ожешоченіе : омыль невѣрный народъ кровію своею шопъ храмъ , кошорый злочеспіемъ своимъ посрашилъ.

Между шѣмъ Солиманъ опшелъ къ великой , именемъ Давида нарицаемой башнѣ ; онъ собралъ шамъ ошпатки воиновъ своихъ и заградилъ всѣ ведущіе къ ней пупи. Самъ Царь Аладинъ шуда же пришекъ. Солиманъ , узря его , тако вѣщаль ему : приди , о славный Царь , приди укрьшься на сей крѣпчайшей скалѣ.

Ты здѣсь опъ ярости оружіа враговъ можешъ сохранишь и здравіе свое и царшво. Увы , опвѣщспвуетъ сей , увы , злодѣи во гнѣвѣ своемъ рушашъ до основанія градъ , и жизнь и царшво мое падущъ ! Я жилъ , я царшвовалъ ; шеперь не живу и не царшвую болѣе. Можемъ сказать : мы были ; насталь для всѣхъ насъ послѣдній день и неизбѣжный конецъ.

Гдѣ , Государь , прежняя доблесь швоя ? возразилъ съ гнѣвомъ Турецкій Сулшанъ. Враждебная судьба опъемлетъ у насъ царшво , но царскаго дошпоиншва , въ насъ самихъ пребывающаго , опняшь не можешъ. Вниди и успокой ослабѣвшія опъ шяжкихъ трудовъ силы свои. Тако вѣщаетъ и удру-

ченнаго старостию Царя препровождаетъ во внутренность охраняемой имъ башни.

Самъ же онъ препоясуетъ вѣрный мечъ свой по бедрѣ, беретъ въ обѣ руки желѣзную булаву, и безстрашенъ становится при входѣ, защищая и возбраня Франкамъ пушъ къ башнѣ. Пораженія его ужасны; естли не убиваетъ, то по крайней мѣрѣ низвергаетъ на землю. Уже всякъ бѣжитъ съ обороняемой имъ площади, къ кому шокмо приблизится грозная булава.

Се храброю дружиною препровождаемый приходишь Тулузскій Раимондъ. На опасный подвигъ смѣлый старецъ печетъ, презирая силу шажкихъ ударовъ. Онъ первый разитъ, но ударъ его былъ безвреденъ; Солимановъ же напротивъ ударъ сильный, увѣсистый, прямо въ чело ему успремленный, опрокидываетъ его навзничъ трепещуща, простерта, разметавша руки.

Наконецъ и къ побѣжденнымъ возвращается страхомъ изгнанная храбрость: побѣдители Франки или оспражаются вспять, или падаютъ мершвы при врахахъ. Солиманъ, видя простертаго къ ногамъ своимъ полумершваго вождя ихъ, вопіетъ воинамъ своимъ: возмите его, опнесите въ башню, и да будетъ онъ нашъ плѣнникъ.

Воины спремются исполнить его повелѣніе, но вспрѣчаютъ въ предпріятіи семъ

великое препяшствіе и шрудность; ибо никто изъ послѣдовашихъ Раимондовыхъ не остаётся празденъ, всѣ на защиту его пекутъ. Съ единыя страны ярось, съ другой жалость, сильно соспязаются. Важная причина битвы: великаго мужа свободу и жизнь одни сохранишь, другіе опниашъ холпашъ.

Напослѣдокъ по долгомъ преніи упорный въ мщеніи Сулшанъ Турецкій преодолѣлъ бы; ибо ничто опъ громоносной булавы его не могло устоятъ, ни самошвердѣйшій щипъ, ни самокрѣпчайшій шлемъ; но вскорѣ узрѣлъ онъ подоспѣвшую къ сопрошивникамъ своимъ сильную помощь: во едино время съ двухъ разныхъ странъ пришекають и верховный вождь и великій вишязъ.

Какъ пасхухъ, когда небо черными покроется тучами, и возшумятъ вѣтры, и заревуть громы, и засверкають молніи, гонить съ открытыхъ полей спадо, спѣша укрышся въ безопасное опъ гнѣва небеснаго мѣсто, и самъ идучи позади всѣхъ, крикомъ и посохомъ направляетъ и загоняетъ каждую отстающую овцу:

Тако Солиманъ, когда услышалъ неукротимый вихрь и бурю, кликами и звѣнящими повсюду оружіями возшумѣвшую, всѣхъ воиновъ своихъ, охраняя жизнь ихъ, шлепъ въпереди себя въ огромную башню, самъ же

остається послѣдній; послѣдній входитъ и уступаетъ опасности, но уступаетъ такъ, что кажется благоразумною осторожностію своею грозитъ и устрашаетъ.

Однакожь едва по вступленіи внутрь успѣлъ онъ замкнуть за собою врага, какъ Ринальдъ присупя распоргаетъ заклепы ихъ, и еще при томъ не останавливается: желаніе побѣдить всѣхъ превосходнѣйшаго изъ соперниковъ своихъ и клятва побуждаютъ его; ибо онъ не забываетъ, что далъ обѣтъ убить того, кто опиялъ у Датскаго царевича жизнь.

Тогда же бы покусился онъ преодолѣть твердую, неприсущную стѣну, и можетъ быть Султанъ внутри ея не былъ бы отъ него безопасенъ; но воздухъ начиналъ уже темнѣть, и Готфридъ повелѣлъ прескаты отъ битвы. Онъ учредилъ не исходить изъ града и по разсвѣтѣ дня снова начать приступъ.

Съ веселымъ лицомъ вѣщаетъ онъ войнамъ своимъ: Всевышній благословилъ оружіе Христіанское; главное мы совершили, не много остается труда и страхъ весь миновалъ. Башню, послѣднюю и бѣдную, надежду невѣрныхъ, возмемъ завтра. Между тѣмъ челоуколюбіе зоветь васъ подать съ братскою любовію помощь и утѣшеніе соплеменникамъ вашимъ недужнымъ и раненымъ.

Идите, приложите попеченіе ваше о тѣхъ, коихъ кровію пріобрѣшенъ сей градъ. Исполните долгъ сей, паче приличный воинамъ Христовымъ, нежели алканіе месши и грабительства. Много, увы! много въ день сей любая пожирала смершь, и жадность нѣкоторыхъ къ злашу много насыщала гладъ свой! Повелѣваю, да преспанешъ убійство и грабежъ. Трубы да возвѣщаютъ волю мою.

Умолкъ и пошелъ шуда, гдѣ Раимондъ, едва пришедшій въ чувство, лежалъ еще въ спаданіяхъ. Солиманъ съ челомъ не меньше смѣлымъ, скрывая печаль въ душѣ, ободряетъ воиновъ своихъ: не предавайшесь, соповарищи, при пропивномъ щасіи унынію, доколѣ надежда еще зеленѣетъ и цвѣтетъ: прешерпбный нами въ сей день уронъ не такъ еще великъ, какъ подъ на-ружностію лживою предсказываетъ намъ его страхъ нашъ.

Непріятели взяли шокмо сѣбны и дома, покорили шокмо простой народъ, но града не взяли: градъ состоишъ въ главѣ Царя, въ вашихъ сердцахъ и рукахъ. Я вижу, Царь съ избраннѣйшими вельможами своими спасенъ, вижу ихъ въ швердомъ огражденіи пребывающихъ. Пусть Франки въ уступленной имъ землѣ шоржесшвуютъ, конецъ войны будетъ для нихъ пагубенъ.

Я точно увѣренъ, что напоследокъ они погибнуть: невоздержные въ щастіи своемъ, се предающся они убійствамъ, грабѣжамъ и сладостраснымъ неистовствамъ; есѣли въ сихъ неуспѣхѣхъ и развращеностяхъ заспижнешъ ихъ Египетское воинство, а оное долженствуетъ уже быть близко, то погрязшихъ въ роскошахъ и безчиніяхъ оно легко преодолѣетъ ихъ и всѣхъ побѣетъ.

Между шѣмъ мы низверженіемъ и бросаніемъ каменій можемъ господствовать надъ высочайшими градскими зданіями, и всѣ пуши, ведущіе ко гробу Христову, сѣрѣломешными орудіями нашими запереть врагу. Тако, вливая ободреніе въ унылыя сердца, возобновляешь въ опечаленныхъ надежду. Въ то время, какъ здѣсь сіе происходитъ, Вафринъ въ Египетскомъ воинствѣ изъ ополченія въ ополченіе странствуетъ.

Избранный въ соглядатели силъ непріятельскихъ, онъ при захожденіи солнца отправился, и ночью уединеннымъ путемъ скрытно пробирался. Миновалъ Аскалонъ прежде, нежели утренняя на восхождѣ занялась заря, и когда горящее свѣтило на полуденный возшло кругъ, тогда взорамъ его открылся преобширный спань.

Онъ видитъ безчисленное множество палатокъ съ возвѣщающими на нихъ синими,

красными и желтыми флагами, и слышишь сполько различных языковъ, и сполько бубновъ, роговъ, и странно бряцающихъ орудій, и между конскими ржаніями шолкое верблюдовъ и слоновъ рычаніе, что удивленный самъ съ собою разсуждаетъ: сюда вся Африка преселилась, и вся Азія собралась.

Сперва осматриваетъ онъ швердосшь мѣстоположенія и какими долинами окруженъ станъ; по семъ не тайными и окольными пушями ходишь, ниже опъ многочисленнаго народа скрывается; но прямо къ главной идетъ заставъ, и съ хипрыми и лукавыми вопросами и отвѣтами соединяетъ швердый духъ и смѣлое чело.

Вездѣ успѣваетъ побывать: на дорогахъ, на площади, въ шатрахъ; осматриваетъ воиновъ, коней, оружіе; примѣчаетъ ихъ рапныя искуства, ихъ строи; зашверживаетъ имена ихъ; но симъ недовольный помышляетъ узнать еще болѣе: освѣдомляется опчасши и проникаетъ въ самыя сокровеннѣйшія намѣренія. Только пронырливъ, хипръ и остороженъ, что опверзаетъ себѣ доступъ въ шатеръ главнаго вождоначалника.

Тамъ усматриваетъ, что занавѣсъ прошиву самаго внушренняго покоя нѣсколько по шву распоролся, и что голосъ опшолѣ

въ скважину сію удобно проходишь , шакъ чшо самые пайные разговоры вождоначальника могутъ внимающимъ изъ-внѣ ухомъ бытъ услышаны. Вафринъ, не показывая ни малѣйшаго вида подслушиванія , но какъ бы спараясь о исправности и чистотѣ шапра, тихо и слухъ и зрѣніе туда вперяешь.

Онъ зрѣтъ стоящаго съ обнаженною главою вождоначальника , облеченнаго въ багряницу; два юноша въ нѣкоемъ опѣ него опдаленіи держашъ щипъ и шлемъ; подлѣ него стойтъ свирѣпый зракомъ, высокаго роста , толстошѣлесный человекъ, на котораго онъ, опершись на копіе, смопрѣтъ. Вафринъ услыша имя Гошфридово преклоняешь внимательное ухо.

Вождоначальникъ вѣщаетъ ему: шакъ ты увѣренъ, чшо можешь Гофрида предать смерти? Сей опвѣштвуетъ: шолико увѣренъ , чшо даю кляшву никогда не возвращающагося ко двору, естѣли не одержу надъ нимъ побѣды. Я надѣюсь даже всѣхъ другихъ, заклывшихся со мною, въ шомъ предупредишь , и не шребую иной награды , кромѣ шой, чшобъ въ Каирѣ воздвигнуть былъ великолѣпный памятникъ съ сею надписью:

Сіи dospѣхи съ разорителя Азіи, вождя Франковъ, Ормонъ по убіеніи его снялъ, и здѣсь, на вѣчную память потомкамъ, рукою своею повѣсилъ. Безсомнѣнія, рекъ Эмирень,

благородный Царь не оставишь шоль великаго подвига безъ возмездія; онъ исполнишь требуемое тобою, и присовокупишь еще къ шому величайшіе дары.

Поспѣши приготоуишь поддѣльные доспѣхи, день брани приближается. Они уже готовы, ошвѣстшуешь Ормонъ, и шущъ прервался разговоръ ихъ, оба они ушолкли. Вафринъ, услышавъ шоль важныя рѣчи, оспался изумленъ, въ недоумѣніи, не понимая шочно, о какомъ заговорѣ, и о какихъ разсуждали они поддѣльныхъ доспѣхахъ.

Посемъ ошходишь и всю сію ночь не смыкая очей провождаетъ; но когда попомъ настало ушро и воинство распусшя знамена снова двинулось, онъ пошелъ съ нимъ и съ нимъ оспановился. Ходишь по прежнему изъ шашра въ шашерь, прислушиваясь, не узнаешь ли чего о томъ яснѣе и подробности.

Продолжая согляданія свои, зрись возсѣдающую великолѣпно между воинами и дѣвицами Армиду; она сидѣла задумчиво и печально, опершись розовою ланишою на бѣлую руку и пошупя взоры на землю, какъ бы сама съ собою разсуждала. Не можно сказашъ, чшобъ она плакала; однакожъ видно было, чшо очи ея красны и наполнены слезами.

Подлѣ ней сидѣлъ гордый Аргасъ; онъ казалось не дышалъ и очи его были непод-

вижны : съ шолыкымъ вниманіемъ , устремля
взоръ свой на нее, пыпалъ онъ жадныя свои
желанія. Но Тизафернъ , смотря на нихъ
обоихъ, воспламенялся попеременно то гнѣ-
вомъ , то сладострасшіемъ , и на лицѣ его
то яросшь, то любовь изображалась.

Посемъ зришь Альманшора, въ нѣкто-
ромъ отдаленіи между дѣвицами сѣдѣщаго:
сей не даешь воли желаніямъ своимъ , но
страстные взоры то на бѣлую руку, то на
прекрасное лице устремляешь ; а иногда
украдкою простираешь ихъ и на закрышыя
болѣе части , гдѣ тонкое раздвинувшееся
на груди плашно указываетъ шайный преле-
стнѣйшій пущь.

Напоследокъ Армида подѣмлетъ очи;
прекрасное чело ея покрывается легкою ве-
селостію, и сквозь облако печали пріятная
просіяваетъ улыбка ; Государь, вѣщаетъ
она, воспоминаніе обѣщанія твоего утѣ-
шаетъ душу мою надеждою скорого ошмще-
нія : гнѣвъ въ ожиданіи мести сладокъ.

Индіанинъ отвѣтствуетъ : просвѣши
чело твое веселіемъ и печаль свою успокой,
скоро увидишь ты ненавистную главу Ри-
нальдову къ ногамъ твоимъ поверженную,
или сею мстительною рукою приведу его
плѣннымъ для зашоченія куда пожелаешь.
Тако обѣщаль я и обѣшь мой исполню. Ти-

зафернъ слыша сіе молчишь, но въ сердцѣ сибѣдается гнѣвомъ.

Армида, обрапя къ нему ласковый взоръ, вопрошаетъ: ты, Государь, что скажешь? Онъ насмѣшливо отвѣчаетъ: я опоздавшій послѣдую издалека за симъ твоимъ храбрымъ и страшнымъ рашоборцемъ. Тако изъясняетъ свое къ нему презрѣніе. Тогда Индіининъ прерываетъ; безсомнѣнія должно быть далеко позади шому, кто не имѣетъ смѣлости равняться.

Тизафернъ покачавъ гордо главою рекъ: почто не власненъ я въ моихъ дѣйствіяхъ! О ежели бы мечъ мой былъ свободенъ! Скоро бы открылось, кто изъ насъ опспаль. Не спрашусь я себя, горделивецъ, ни самохвальства своего; но небесъ и неблагопріятствующей мнѣ любви опасуюсь. Умолкъ, и Адрасть возспаль на него съ мечемъ; но Армида бросилась между ими и разлучила ихъ.

Она вѣщала: о войны, почто хошите опниашъ у меня даръ, многократно вами мнѣ обѣщованный? Вы мнѣ себя посвящали; для исполненія таковой обязанности надлежало бы между вами быть миролюбію. Гнѣвающійся изъ васъ, на меня гнѣвается; оскорбляющій, меня оскорбляетъ; вы это знаете. Тако речетъ, и пылающія злобою сердца силою власпи своею укрошаетъ.

Вафринъ прислушивалъ шуть и все сіе слышалъ; воспользовавшись тѣмъ онъ отходитъ, дабы подробнѣе узнать о самомъ важнѣйшемъ заговорѣ, но повсюду находилъ молчаніе и ничего не могъ провѣдать. Трудностию умножалась въ немъ ревность: онъ дѣлалъ иногда неосторожные вопросы, рѣшась или погибнуть, или узнать сію великую тайну.

Онъ изобрѣталъ въ умѣ своемъ тысячи способовъ, употреблялъ тысячи необычайныхъ хитростей, но при всемъ томъ не могъ проникнуть ни образа, ни оружія сего тайнаго злоумышленія. Наконецъ щастіе даруетъ ему то, до чего всѣми своими стараніями онъ не достигнулъ: оно разрѣшаетъ его недоумѣніе и открываетъ ему всѣ соплетенные противъ благочестиваго Готфрида умыслы.

Вафринъ возвращается въ шатеръ, гдѣ гнѣвная Армида между мстителями своими засѣдаетъ; надежда, не узнаешь ли еще чего въ столь многочисленномъ собраніи, повела его туда. Тамъ подходитъ онъ къ нѣкопшой, какъ бы издавна знакомой ему дѣвицѣ, и съ ласкою говоритъ ей:

Говоритъ шутя: желалъ бы и я быть рыцаремъ какой нибудь красавицы; можешь быть и мнѣ удалось бы сорвать голову съ Ринальда или съ Готфрида. Потребуй отъ

меня, ежели хочешь, чтобъ я принесъ шебѣ въ жертву кого либо изъ нашихъ враговъ. Тако начинаешь, и мнишь сими словами мало по малу вовлечь ее въ важнѣйшіе разговоры.

Вѣщая сіе усмѣхнулся, и сія усмѣшка открыла въ лицѣ его нѣчто ему природное. Одна изъ другихъ дѣвицъ приближась услышала слова его, взглянула на него пристально и подошедъ къ нему сказала: я хочу у всѣхъ другихъ дѣвицъ опиять себя; ты не раскайшься посвятивъ мнѣ свои услуги; я избираю тебя моимъ рыцаремъ, и какъ съ рыцаремъ моимъ, желаю наединѣ съ тобою бесѣдовать.

Она отвела его къ сторонѣ и вѣщала: я узнала тебя, Вафринъ, и ты меня знаешь долженъ. Хищрый соглядатаель смутился въ сердцѣ своемъ, однакожъ спокойно и съ улыбкою отвѣтствуетъ ей: не помню, чтобъ я когда либо тебя видѣлъ, хоша лице твое такое, что ни чей взоръ опъ него не отвращишь; знаю только, что меня не такъ зовушь, какъ ты меня называешь.

Я родился на знойныхъ пескахъ Бизерты; отецъ мой Лезбинъ; имя мое Альманзоръ. Она прерываетъ: не хочу прекословить, но знаю тебя точно; не скрывайся опъ меня; ты видишь во мнѣ друга, гошоваго пожертвовать за тебя своею жизнью.

Я Эрминія, дочь Царская, и была нѣсколь-
ко времени раба Танкредова, швоему надзи-
ранію препорученная.

Два мѣсяца провела я пріятно въ нево-
лѣ; ты приспавленный тогда ко мнѣ, учти-
воспиями и услугами своими старался при-
носишь мнѣ всякое удовольствіе. Я та са-
мая, та самая, взгляни на меня приспаль-
но. Щитоносець, возведя на нее взоры, уз-
налъ въ ней прекрасную царевну. Не опа-
сайся меня, примолвила она, заклиная ше-
бя солнцемъ и небесами, не опасайся ни
мало.

Я сама хочу тебя просишь; когда ты
возвратишься въ спанъ свой, возми меня
съ собою, опведи въ прежній шоль любез-
ный мнѣ павнъ. Тоскливыя ночи и скучные
дни, несчастная, провождаю я въ сей моей
грустной свободѣ. Естли ты пребываешь
здѣсь для развѣдыванія о какихъ либо шайн-
ствахъ, шрудно тебѣ узнатьъ объ нихъ; я
открою тебѣ всѣ злыя намѣренія и умыс-
лы, о коихъ ты ни ошъ кого инаго свѣдать
не можешь.

Тако вѣщаетъ ему; онъ между шѣмъ
смотришь на нее и молчишь; примѣръ Ар-
мидиныхъ коварствъ его ушрашаетъ. Жен-
щина естъ существо нескромное и легко-
мысленное, копорое шо желаетъ, шо раз-
думываетъ; безумень, кто на нихъ пона-

Ч а с т ь IX.

16

дѣшся. Тако самъ въ себѣ мыслишь. Наконецъ ошѣтшвуешь ей: естли тебѣ угодно, я гошовъ бышь твоимъ сопровождаемъ. Сперва о семъ условимся, ошкрышіе же тайнъ да ошложись до инаго удобнѣйшаго времени.

Они условливаются возсѣсть на коней и уѣхашь прежде, нежели воинство вспушитъ въ походъ. Вафринъ удаляется ошъ шатра, а она возвращается въ оный; шамъ нѣсколько времени пришворспвуешь, издѣваясь надъ новымъ своимъ рыцаремъ, и пошомъ уклонясь изъ бесѣды приходишь на условленное мѣсто, и сопровождаемая Вафриномъ уѣзжаетъ изъ шана.

Ошѣхавъ на довольно великое разстояние, шамъ что шана уже не видно, Вафринъ сказалъ царевнѣ: шеперь повѣдай мнѣ, какія сѣши изгошворяются на пагубу благочесшиваго вождя. Тогда извѣщаетъ она о злыхъ сплешенныхъ прошивъ него умыслахъ: заговоръ сей, вѣщала она, составляютъ восемь придворныхъ рыцарей, между коими сильнѣйшій и знаменитѣйшій естъ Ормоншъ.

Сіи, движимые гнѣвомъ или ненависшю, обязались кляшвою, и положили употребить слѣдующую хитрость: въ шомъ день, когда Азія увидишь два великія воинства, сражающіяся между собою, они облекушя

въ Христіанскіе доспѣхи съ знаменіемъ креста, и какъ шѣлохранители Готффридовы, будущъ имѣть бѣлое знаменіе изомшенное одѣяніе.

Но оставлявъ на шлемахъ своихъ значки, по коимъ могушъ распознавашъ другъ друга. Когда оба воинства сѣбѣся и смѣсясь вступяшъ въ жаркій бой, тогда, наблюдая слѣды храбраго Готффрида, и показывая видъ спражей его, нападутъ они на него съ упоенными ядомъ оружіями, дабы каждая данная ему рана была смертельна.

И какъ между Египтянами извѣстно было, что я о вашихъ оружіяхъ и доспѣхахъ имѣю свѣденіе, то противъ воли моей принудили они меня начерташъ имъ оныя. Вотъ до какой причинѣ бѣгу я отъ нихъ, опасаясь другихъ подобныхъ же повелительныхъ требованій, и гнушаясь бытъ соучастницею въ безчестныхъ обманахъ.

Сіи суть побуждающія меня причины, но есть еще и другія. Тутъ она умолкла и при послѣднихъ словахъ, дрожащимъ голосомъ произнесенныхъ, пошупля очи покраснѣла. Щишносецъ, желая узнать о томъ, о чемъ ошудливостъ воспрепятствовала ей продолжашъ: почто, вѣщаль, являешъ ты къ искреннему тебѣ челоуку столь мало

довѣренности, что не хочешь открытъ настоящей помы вины?

Она, испустивъ глубокой изъ груди вздохъ, помнымъ и прелепущимъ гласомъ рекла: несомѣстный болѣе, худо хранимый стыдъ оставь меня. Къ чему, бесполезно упорствуя, хочешь ты въ огонь своемъ сокрывать огонь любви? Приличность сія нужна была прежде, а не нынѣ, когда уже я спала скишающеюся дѣвою.

Потомъ продолжала: въ пагубную для меня и для ошечества моего ночь пошеряла я болѣе, нежели по наружности казалось. Самое величайшее несчастіе мое не въ ночь сію совершилось, но опъ нея началось. Лишеніе царства было малое бѣдствіе; я съ царскимъ соспояніемъ моимъ лишилась самой себя; пошеряла навсегда мой умъ и сердце и чувства.

Вафринъ ты вѣдаешь, съ какимъ спрахомъ, при шолікомъ убійствѣ и расхищеніи, увидя въ первый разъ вшедшаго въ царство мое вооруженнаго врага, прибѣжала къ швоему господину, и бросаясь предъ нимъ на колѣна просила: великодушный побѣдитель, сжаляся, пощади; не умоляю себя о жизни моей, спаси шокмо честь мою, избавь опъ поруганія.

Онъ, не дождавшись конца моей прозбы, просперъ руку свою и поднявъ меня,

прекрасная дѣва, сказала, ты не щепотно прибѣгла ко мнѣ, я буду твоимъ покровителемъ. Тогда нѣкое тихое и пріятное чувство зашлѣлось въ сердцѣ моемъ, и не знаю попомъ какимъ образомъ по всей душѣ моей распространивъ воспалило ее сильнѣйшимъ пламенемъ.

Онъ часто навѣщалъ меня и сладкимъ гласомъ утѣшая въ печали соболѣзновала обо мнѣ. Даю тебѣ, сказала совершенную свободу; и не хотѣла ничего изъ сокровищъ моихъ удержатъ. Увы! сей мнимый даръ мнѣ, былъ въ самомъ дѣлѣ похищеніе. Онъ давъ мнѣ свободу опиялъ ее у меня, и то, что меньше достойно и драгоцѣнно, возвратилъ мнѣ; но сердце мое похитилъ и овладѣлъ имъ.

Трудно утаить любовь. Часто съ живостию вопрошала я у себя о своемъ господинѣ. Ты, примѣчая во мнѣ признаки страсти, нерѣдко говаривалъ: Эрминія, ты любишь. Я не признавалась, но тяжелыя воздыханія вѣрнѣе о состояніи сердца моего свидѣтельствовали, и можетъ быть взоры, вмѣсто языка, снѣдающій меня пламень ясно изъявляли.

Злополучное молчаніе! по крайней мѣрѣ лучше бы въ то время искалъ мнѣ способовъ къ облегченію моей горести, нежели послѣ, когда уже бесполезно было дать волю сво-

имъ желаніямъ. Я уѣхала и повезла съ собою скрышыя въ сердцѣ моемъ раны, отъ коихъ умереть мнила. Наконецъ, ища утѣшенія въ снѣдающей меня поскѣ, предавалась безпрекословно силѣ влекущей меня любви.

Рѣшилась идти къ тому, кто мукъ моихъ виною, и одинъ шокмо прекратишь ихъ можешь; но на пути повстрѣчала ужасное препятствіе отъ людей коварныхъ и лютыхъ; едва не попала въ руки; однакожь ушла отъ нихъ въ страну пустую и опдаленную. Тамъ въ уединенной хижинѣ жила обитательницею лѣсовъ и пастушскою.

Но потомъ, когда побѣжденное страхомъ желаніе чрезъ нѣсколько дней опять возникло, и я въ прежнее мѣсто возвращишись покусилась, подобное же несчастіе меня постигло. Отъ набѣхавшей на меня поспѣшно толпы воиновъ не могла я уйти. Они меня взяли. Похищители сіи были Египтяне, отвезшіе меня въ Тазу.

Они подарили меня главному надъ войсками начальнику. Я увѣдомила его о моемъ рожденіи, увѣрила въ томъ, и онъ съ уваженіемъ и честію оставилъ меня жить вмѣстѣ съ Армидою. Такимъ образомъ неоднократно попадалась я въ плѣнъ, и освобождалась. Вошъ злыя мои приключенія. Одна-

кожъ сполько разъ и плѣнница и свободная ношу я всегда первые мои оковы.

О! да не будешь сего, чѣмъ пошь, кто споль крѣпко обложилъ ими душу мою, сказалъ мнѣ: скишающаяся дѣва, ищи другаго убѣжища; и меня съ собою оставишь не восхотѣлъ; но да будешь ему возвращъ мой пріятель, и да примешь онъ меня въ прежнюю неволю. Тако вѣщала Орминія, и тако бесѣдуя между собою продолжали они вмѣстѣ вѣшать ночь и день.

Вафринъ, оставляя обыкновенный путь, избиралъ спези или безопаснѣйшія, или крашчайшія. На закатѣ солнца, когда померкаетъ восходъ, пріѣзжаютъ они къ мѣсту, недалеко отъ града опстоящему, и находятъ окропленные кровію слѣды. Вскорѣ попомъ видятъ убіеннаго воина: онъ лежалъ обращенный лицомъ къ небу, и преграждая путь ихъ казалось и мершвый угрожалъ.

Щитносецъ, по доспѣхамъ и одеждѣ его примѣня въ немъ Магомешанина, проѣхалъ мимо. Другой воинъ, не подалеку отъ пуда лежащій, обратилъ на себя взоры Вафрина, воскликнувшего: эшо Христіанинъ! Темный цвѣтъ одѣянія привелъ его въ нѣкошорое подозрѣніе: онъ сошелъ съ сѣдла, открылъ лице его, и возопилъ громко: увь! эшо Танкредъ убишь.

Нешаспная Эрминія, оставшаяся, чшобъ посмотрѣть на свирѣпаго Срацина, вдругъ слышитъ жалобный гласъ, люшбе всякой стрѣлы глубину сердца ея пронзившій. При имени Танкредовомъ, обезумившая, помершвѣвшая, поскакала она изъ всей силы, и увидя блѣдное, прекрасное лице его, не сошла, нѣтъ, но низринулась съ коня своего.

Рыданіями и шяжкими вздохами прерывая слова свои возгласила: за чѣмъ, злой рокъ, привелъ шы меня сюда? О зрѣлище, горестное, люшое! послѣ долгаго времени нахожу тебя, Танкредъ, и вижу, когда шы меня уже не видишь; предшоящую тебѣ не видишь; обрѣтая шеряю тебя на вѣки.

Злошаспная! не думала я, чшобъ глаза мои могли когда либо взирать на тебя съ нехошѣніемъ; но теперъ не дерзаю взглянуть на тебя, и желала бы не имѣть ихъ, чшобъ тебя не видашь. Увы! куда прекрасный лучъ, куда любезный пламень милыхъ и суровыхъ очей швоихъ дѣвался? гдѣ игравшій на ланипахъ швоихъ румянецъ? куда веселіе съ лица швоего улешѣло?

Но что! мрачный и блѣдный шы еще мнѣ нравишься. Душа дражайшая, ешлы можешь шы въ грудь мою проникнуть, ешлы можешь плачь мой услышать, проши дерзкое желаніе мое и похищеніе:

съ блѣдныхъ устъ твоихъ хочу, вмѣсто пламенныхъ, какихъ надѣялась, хотя хладныя украсъ лобзанія. Цѣлуя уста твои оледенѣвшія и померливѣлыя огнѣмъ у смерти часть правъ ея надъ шобою.

Человѣколюбивыя уста, утѣшавшія въ жизни печаль мою своими словами, да будетъ мнѣ позволено, чѣмъ я прежде смерти моей прикосновеніемъ устъ моихъ къ вамъ хотя нѣсколько горестъ мою усладила. Можешь быть сей поцѣлуй, похищаемый шеперь мною, былъ бы мнѣ данъ, есѣлибъ я дерзнула искасть его прежде. Да позволишь мнѣ, о Танкредъ, обнять тебя и духъ мой въ уста твои испустить.

Прими расстающуюся съ шѣломъ душу мою; вели ей неспись шуда, куда швоя понеслася. Тако рыдающая вопіетъ и кажется жизнь свою изъ прешворившихся въ источники очей изливаєшь. Орошаемый горячими ея слезами воинъ движетъ немного устами; онъ опверзаетъ ихъ, не открывая очей, и слабый вздохъ его соединяетъ съ ея вздохами.

Эрминія услыша его простонавшаго приходишь въ нѣкоторое утѣшеніе. Открой очи, Танкредъ, возопила, взгляни на меня, на слезы мои, во гробъ тебя сопровождающія; я иду съ шобою въ долгій пушь, уми-

раю подлѣ тебя; взгляни, поспой, не спѣши отъ меня уйти: сего единого и послѣд-
няго дара прошу у тебя.

Танкредъ опшверзаетъ очи, тяжелыя, мушныя, и поспѣшь паки ихъ опускаетъ. Эрминія спойтъ надъ ними рыдая. Вафринъ вѣщаетъ ей: онъ живъ, сперва надлежишь ему подашь помощь и потомъ плакашь. Онъ снимаетъ съ него доспѣхи; она шрепещущими руками ему пособляетъ, осмашриваетъ, перевязываетъ раны, и какъ знающая въ томъ силу, почерпаетъ надежду о его выздоровленіи.

Видишь, что немощь его происходитъ отъ разслабленія и многого изліянія крови; но въ шоль уединенномъ мѣстѣ не имѣетъ съ собою ничего, кромѣ покрывала, чѣмъ бы перевязать раны его. Любовь научаетъ ее изобрѣсти необыкновенные способы искусства: она обрѣзываетъ власы свои, и ими обтираетъ и перевязываетъ раны.

Покрывала ея узкаго и шонкаго недостаточно было для шоль многихъ язвъ; припомъ же не имѣла она съ собою никакихъ цѣлительныхъ зелій; и шакъ прибѣгаетъ къ нѣкошорымъ изъ опыша извѣстнымъ ей заговариваніямъ. Уже Танкредъ отъ смершнаго сна пробуждается, уже отшкрываетъ и обращаетъ миловидныя очи. Онъ

зришь пекущихся о немъ домочадца своего и усердную въ чужеземномъ одѣянїи жену.

Вопрошаетъ: о Вафринъ, когда и какъ ты здѣсь? а ты кшо, великодушная моя спасительница? Она между сомнѣнїемъ и радостію вздохнувъ покраснѣла; узнаешь обо всемъ, отпѣшествовала; шеперь, какъ врачующая тебя, пребую, молчи и успокойся. Ты будешь здоровъ, и можешь вознаградить меня. Сказала, и положила голову его на свои колѣна.

Вафринъ между тѣмъ помышляетъ, какимъ бы образомъ до наскупленія вечера опнесетъ его въ шашеръ. Онъ видитъ шолпу скачущихъ воиновъ, и узнаешь въ нихъ Танкредовыхъ сподвижниковъ. Когда Черкешанинъ вызвалъ его къ единоборству, они были съ нимъ вмѣстѣ, но онъ не велѣлъ имъ слѣдовать за собою; потомъ, безпокоясь о долгомъ его отсутствіи, они побѣхали его искашь.

Къ нимъ приспали многіе другіе воины, и тако по щастію его нашли. Они сплѣхся, руками составили изъ нихъ сѣдалище, на кошоромъ бы онъ спокойно прислониться и возлежать могъ. Танкредъ сказалъ тогда: не ужели храбрый Аргантъ долженъ оспашься въ снѣдь вранамъ? Ахъ! ради Бога, не покиньше и не лишише его должной чести и погребенія.

Съ симъ шрупомъ безмолвнымъ и бездыханнымъ не имѣю я никакой болѣе вражды. Онъ умеръ, какъ умирають храбрые. Должно ему воздашь подобающую честь, единое на земаѣ остающееся по смерти. Тако повинуюсь гласу его многіе поднявъ врага его несущъ за нимъ. Вафринъ, аки спражъ порученной ему особы, сопровождаетъ Эрминію.

Танкредъ присовокупляетъ: несите меня во градъ, а не въ шатерь мой. Естли брѣнному шѣлу моему суждено разрушиться, то да скончаю я жизнь мою шамъ, гдѣ умеръ безсмертный Богочеловѣкъ. Да прииду я шуда, аки спражникъ, и совершеніемъ обѣта моего да обрящу опшверсный путь на небо.

Рекъ, и опнесенъ былъ въ Іерусалимъ, гдѣ положенный на мягкомъ одрѣ вкусилъ сладкій сонъ. Вафринъ неподалеку опшолѣ опыскалъ для Эрминіи скрышное жилище. Посемъ опсправляешь къ Готшфриду и безостановочно допускаешь къ нему, хошя былъ онъ тогда въ важныхъ о будущемъ предпріяшій совѣщаніяхъ.

Верховный вождь, окруженный всѣми храбрыми и мудрыми полководцами, сидѣлъ въ сіе время при одрѣ, на коемъ возлежалъ спраждушій опъ ранъ Раимондъ. Доколѣ щипоносець повѣштовалъ, всѣ, слушая его,

пребывали въ молчаніи. Государь, вѣщающій, по своему повелѣнію былъ я въ Египетскихъ войскахъ.

Не дерзаю исчислять предъ побою несмѣнныхъ ихъ силы. Когда они шествуютъ, не видно подъ ними ни горъ, ни долинъ, ни полей. Куда придуть, земля зрится опустошенною, источниковъ и рѣкъ недоставаетъ для утоленія ихъ жажды. Сирія не производитъ сколько плодовъ земныхъ, сколько для насыщенія ихъ потребно.

Но сіе великое число пѣхоты и конницы состоитъ большею частію изъ бесполезныхъ войскъ; люди въ нихъ не знаютъ ни устройствъ, ни повиновенія; не умѣютъ владѣть мечемъ, и шокмо издалика поражаютъ. Есть однакожъ между ими и храброе воинство: лучшими почитаются Персидскіе полки, и та царская дружина, которая называется безсмертною.

Она поному прозвана безсмертною, что всегда состоитъ изъ полного числа людей, и какъ скоро кто изъ воиновъ убудетъ изъ ней, то на мѣсто его изъ отличнѣйшихъ поспѣхъ избирается другой. Главноначальствующій надъ всѣми войсками называется Эмирень, мужъ, разумомъ и храбростію рѣдкій, едва ли не всѣхъ превосходнѣйшій. Царь повелѣлъ ему найсти себя, и вступитъ съ побою въ битву.

Мню, что наущіе непріятельское воинство не уедлишь появишься. Тебѣ, Ринальдъ, надлежитъ крайне быть осторожному; они съ такою жадностію ищутъ швоей смерти, что самые сильнѣйшіе заклѣлись между собою и ошряшъ прошивъ себя свой гнѣвъ и свои мечи; ибо Армида опдаешъ сама себя въ награду тому, кто принесетъ ей швою главу.

Знаменишѣйшіе между ими суть храбрый Персіянинъ Альшаморъ, царь Самаркандскій; Адрасъ, обладающій царствомъ на востокѣ, звѣронравный исполинъ, вмѣсто коня возсѣдающій всегда на послушномъ ему слонѣ. Съ ними еще Тизафернъ, почитаемый опъ всѣхъ за искуснаго и мужественнаго рапоборца.

Тако вѣщаль Вафринъ. Юный Ринальдъ сіяетъ веселіемъ и очи его блискаютъ огнемъ. Уже полешѣлъ бы онъ ко врагамъ; не можешъ удержашъ восторга своего, опъ радости не посшоишь на мѣспѣ. Вафринъ, обращаясь послѣ сего къ верховному вождю; Великій Государь, рекъ, я мало еще сказалъ; важнѣйшее и величайшее заключается въ томъ, что въ поддѣльныхъ доспѣхахъ гошуются измѣннически себя убить.

Посемъ подробно извѣстилъ о сплешенномъ прошивъ него злохипромъ умыслѣ: объ оружіяхъ, ядомъ упоенныхъ; о поддѣланіи

доспѣховъ; о самохвальствѣ, наградахъ и общаніяхъ. По многихъ еще у него вопросахъ, и его опѣшяхъ, на крашкое время послѣдовало молчаніе. Пошомъ верховный вождь возведя очи спросилъ у Раимонда: ты какъ думаешь?

Сей опѣшствуетъ: я мню, что съ новою зарею на приступъ, какъ положено было, идиши не надлежишь; но шокмо частію войскъ облечь башню, дабы заключенные въ ней не могли свободно опшолѣ исходишь. Воинство же наше между тѣмъ да опдохнешь и приготовишься къ великому бою. Самъ ты пошомъ благоусмотришь, намъ ли лучше на нихъ напасшь, или ожидашь опъ нихъ нападенія.

Главный же совѣтъ мой, что ты паче всего самъ себя беречь долженъ; ибо воинство тобою побѣждаетъ, тобою власшь свою распростираетъ: кто безъ тебя будешь предводителствомовашъ и содержать оное въ устройствѣ и безопасности? А дабы измѣнникъ не укрылся подъ ложнымъ одѣніемъ, повели доспѣхи тѣлохранищелей твоихъ перемѣнишь: тако обманъ изобличился и обманщики сами себя обнаружатъ.

Верховный вождь опѣшствовалъ: совѣты твои, какъ обычно тебѣ, дружественны и мудры; но то, что ты подъ сомнѣніемъ оставилъ, я разрѣшу. Изыдемъ прошивъ

враговъ. Неприлично воинству, побѣдившему воспокъ, стоятъ запершиися въ градѣ или въ окнахъ. Да увидяшъ невѣрные народы пышную храбрость нашу въ открытомъ полѣ открытыми глазами.

Не устояшъ противъ славы побѣды нашихъ, не токмо прошивъ грознаго зрака побѣдителей и блеска ихъ оружія. Силы ихъ сокрушаются и ушверждаютъ наше владычество. Башни или скоро сдадутся, или, когда ничто не будетъ возбранять, легко возьмется. Тупъ мужественный вождь умолкъ и опшелъ къ себѣ; ибо упадающія звѣзды клонили ко сну.

Конецъ девятой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь двадцатая.

Уже солнце воздвигло смертныхъ къ
спрадамъ; уже десяшь часовъ дня протекли,
когда народъ съ высоты великой башни
узрѣлъ въ дали нѣчто мрачное, подобное
облаку замигающему свѣтъ, и увидѣлъ,
что союзное воинство, покрывающее поля
и холмы, наконецъ, помрачая пылю небо,
приближается.

Тогда съ высокой вершины башни воз-
носясь до небесъ радостные осажденныхъ
вопли, подобные крику журавлей, когда они,
оставя въ наславшую спужу Еврейскія
гнѣзда свои, поднимаются вереницами къ
облакамъ и предъ хладными вѣтрами ле-
тятъ, курлыкая, въ шепчущія страны.
Возобновившаяся надежда опдала рукамъ
ихъ прежнюю готовность поражать, язы-
ку ихъ прежнюю дерзость грозить.

Франки скоро примѣтили, отколѣ ро-
дилась въ нихъ сія новая бодрость и смѣль-
ство. Они съ высоты стѣнъ узрѣли гряду-
щее къ нимъ безчисленное воинство. Мгно-
венно въ великодушныхъ грудяхъ ихъ вос-

Часть IX.

паллется храбрость; они просятъ брани. Гордая юность, собравшись вмѣстѣ, вопіешъ: повели, непобѣдимый вождь, повели ударить къ бою; вопіешъ и дрожить отъ нешерпѣнія.

Но мудрый вождь оплагаетъ битву до слѣдующаго утра; онъ обуздываетъ пылкость ихъ, и не позволяетъ даже и частными битвами превозмочь враговъ. Нужно вамъ, вѣщаетъ, послѣ толикихъ трудовъ, хотя единый день опочить. Можешь быть хощѣлъ онъ, чтобъ непріятель, обольщенный самонадѣяніемъ, шѣмъ удобнѣе обманулся.

Всякъ приготавлился, ожидая съ нешерпѣніемъ восхожденія солнца. Никогда утро не было такъ свѣтло и прекрасно, какъ въ сей достопамятный день. Веселая заря, казалась, увеличивъ обыкновенный свѣтъ свой, играла блистающими лучами, и небо хощѣло безъ всякаго покровъ зрѣть великіе подвиги.

Съ наступленіемъ златаго утра Готфридъ немедленно выводитъ благоустроенное воинство свое на брань. Осаду же Палестинскаго царя поручаетъ Раимонду, оставя при немъ не шокмо великое число пришедшихъ изъ Сиріи къ избавителямъ своимъ Христіанъ, но присовокупляетъ

еще къ тому немалочисленный полкъ Гасконцевъ.

Верховный вождь грядешъ: видъ его шаховъ, что всякъ зрящій на него увѣряешся въ побѣдѣ. Новая благодать опъ неба, просіявая въ немъ, шворишъ зракъ его паче обыкновеннаго важнымъ и величественнымъ; на челѣ его изображается честь и лице процвѣтаешъ младостию; во очахъ его и во всѣхъ поступкахъ блистаешъ нѣчто выше смершнаго.

Но онъ не долго шествуешъ и вскорѣ встрѣчаешся съ непріятелемъ; по сближеніи съ нимъ оставляетъ въ лѣвѣ за хребтомъ своимъ гору, и устрояешъ воинство свое такъ, что распростиерши чело онаго къ спранѣ поля, сжимаетъ крылья, и поспавя пѣхоту въ средину, оба конца прикрываетъ конницею.

На лѣвомъ крылѣ, примыкавшемъ къ горѣ и меньше опасномъ, поставилъ онъ двухъ Князей Робертовъ. Средину поручилъ брату своему. Самъ же спалъ на выдавшемся далѣ въ открытое поле правомъ крылѣ, гдѣ многочисленный непріятель казалось могъ имѣть надежду окружить оное.

Тутъ поставилъ онъ свое Лопарингское войско; избралъ самыхъ отличныхъ и лучше вооруженныхъ людей; помѣстилъ между конницею часть стрѣлковъ, приобыкшихъ

изъ за коней мешашъ спрѣлы свои въ не-
пріятеля. Потомъ совокупилъ дружину изъ
другихъ избранныхъ ратниковъ, велѣлъ имъ
занять мѣсто въ нѣкоемъ отдаленіи отъ
праваго крыла и отдалъ ихъ подъ началь-
ство Ринальду.

И тако вѣщала ему: отъ тебя, выпясть,
ождается и побѣда и совершеніе всего.
Расположись съ полками своими позади сихъ
великихъ крылъ. Когда приблизишься непріа-
тель, напади внезапно на него и содѣлай всѣ
его намѣренія и покушенія тщетными. Онъ,
еслили не обманываюсь, готовишься окру-
жить насъ и напасть съ пылу.

Посемъ Готфридъ на конѣ своемъ поле-
пѣлъ изъ полка въ полкъ между конни-
цею и пѣхою; имѣя забрало шлема
опущенное и лице открытое, онъ какъ мол-
нія сверкала грозными очами. Сомнѣваю-
щихся ободрялъ, надѣющихся подкрѣплялъ,
храбрымъ напоминалъ о ихъ славѣ, силь-
нымъ о ихъ подвигахъ; инымъ сулилъ награ-
ды, другимъ обѣщала почести.

Наконецъ тамъ остановился, гдѣ со-
браны были первѣйшіе и благороднѣйшіе во-
ины. Тамъ съ высоты холма простираетъ
къ нимъ рѣчь, всѣхъ ихъ сердца и души
восхищившую. Какъ съ Альпійскихъ горъ,
по расхлябаніи снѣговъ, быстрый течетъ во-

допадъ , такъ изъ устъ его пошекли и возшумѣли звучныя словеса:

О враговъ Христовыхъ бичъ, воинство, побѣдившее востокъ, се послѣдній день; се шомъ, шoliko желанный вами часъ, насталь. Не безъ высокой причины небо непокорнымъ себѣ народамъ попустило собраться вкупѣ. Всѣ ваши враги здѣсь соединены, дабы единою бранью окончить всѣ брани.

Мы во единой побѣдѣ, безъ всякой особливой опасности и труда, пожнемъ многія побѣды. Да не уштрашишь васъ великое число войскъ непріятельскихъ, сіе нестройное и несогласное скопище людей, само себя затрудняющее и приводящее въ безпорядокъ. Число сражающихся не велико, инымъ изъ нихъ не будетъ доставать мужества, другимъ мѣста.

Намъ прошивушануть люди большею частію безоружные, робкіе, неискусные, кошорыхъ ошъ празднои и робкой жизни ихъ ошвлекло и удалило насиліе. Се шамъ, въ той частии, вижу я, мечи ихъ дрожать, щипы шрясутся, знамена колеблются; по звукамъ ихъ смутнымъ, по движеніямъ робкимъ и ненадежнымъ, зрю явные признаки неминуемой ихъ гибели.

Сей вождь, въ злато и багряницу облеченный, учреждающій воинство и по виду

кажущійся шоль грознымъ , побѣждалъ можешъ бышь Арабовъ или Мавровъ , но храбросшь его прошивъ насъ не постоишь. Чтò сдѣлаешъ , хопя бы и мудръ былъ , при поликомъ ихъ неусройствѣ и смяшеніи ? Мало , мню , знаешъ своихъ и немногимъ сказашъ можешъ : шы былъ со мною .

Я , напрошивъ , я вождь мужей избранныхъ ; мы нѣкогда вмѣстѣ и сражались и побѣждали ; попомъ принялъ я верховное надъ вами начальство . Кшо ешь изъ васъ , чьего бы я не зналъ и рода и опечесства ? Чей мечъ не извѣстенъ мнѣ ? или о какой спрѣлѣ , еще въ воздухѣ свиспящей , не умѣлъ бы я сказашъ Француская ли она , или Ирландская , и чья именно рука ее пушила ?

Обыкновеннаго пребую : каждый да будешъ здѣсь шаковъ , какимъ я видѣлъ его прежде , и шюю же ревностію воспаленный да помнишь свою чесшь , мою чесшь , и чесшь Христову . Сступайше , низложите невѣрныхъ , поприше прупы ихъ ногами , и власть священную воцарите . Но почто удерживаю васъ ? ясно въ очахъ вашихъ вижу , вы побѣдили .

Казалось при окончаніи словъ сихъ возблиспалъ надъ нимъ необычайный свѣшъ , подобно какъ въ лѣшнюю ночь сверкаетъ сѣверное сіяніе или зарница ; но свѣшъ сей ,

милось, исшедъ изъ самыхъ нѣдръ солнца, озарилъ главу его, и многіе приняли оный за предвѣстіе будущаго владычества его надъ царствомъ вновь приобрѣщеннымъ.

Можешь бышь, естли языкъ смертнаго дерзаетъ вѣщать о тайнствахъ небесныхъ, былъ шо Ангелъ хранишель, съ высоты горнихъ ликовъ нисшедшій и крилами своими главу его приосѣнившій. Между шѣмъ какъ Готфридъ тако вѣщая воинство свое учреждаетъ, Египетскій вождь не коснишь, и шакожъ полки свои успролетъ и ободретъ.

Увидя издалека воинство Франковъ, онъ выславляетъ свое, и подобнымъ же образомъ загнувъ крылья спавишь пѣхошу въ срединѣ, конницу по бокамъ; самъ спановишься на правомъ крылѣ и поручаетъ лѣвое Альшамору. Между ими Мулеасъ предводишельствуетъ воинствомъ; за нимъ посреди всего строя шествуетъ Армида.

Съ вождемъ по правую сторону стоялъ Царь Индійскій, и Тизафернъ, и всѣ опричники Царскіе. Но на лѣвомъ крылѣ, проспировавшемся въ пространное поле, гдѣ бы стрѣйшимъ надлежало бышь движеніямъ, находился Альшаморъ съ царемъ Персидскимъ, царями Африканскими и двумя князьями изъ странъ еще болѣе знойныхъ. Здѣсь-шо долженствовали вращаться намъ.

немешашельныя пращи, и свистѣшь изъ луковъ лешащія стрѣлы.

По успроеніи воинства Эмирень шакожь объѣзжаетъ средину и крылья онаго. Индѣ самъ, индѣ чрезъ шолмачей разговариваетъ. Тамъ похвалы, тамъ упрёки, тамъ наказанія, тамъ награды употребляетъ. Иному речешъ: почто, воинъ, лице швое смушно? чего боишься? чѣмъ можешъ одинъ прошиву спа? однѣ наши шѣни, одинъ крикъ прогонишь враговъ.

Другому: О храбрый! видъ швой являешъ, что ты испорженное непріятелями испоргнешъ у нихъ обратно. Иному представляешъ живо предъ очи, и какъ бы перстомъ указуешъ молящее опечесство и семейство его въ страхѣ ушопашее. Знай, вѣщаешъ, что устами моими опечесство швое шако къ тебѣ вопіешъ:

Охраняй законы мои, и не дай мнѣ кровію моею окропиль свяшыя храмы; не попусти злодѣямъ похишть дщереи моихъ, и оскорбиль во гробахъ прахъ швоихъ предковъ. Тебѣ, пужа о прошедшихъ лѣшахъ, согбенные шарцы показують сѣдые власы свои, тебѣ жена указуешъ грудь свою, и сосцы, и жолыбель, и дѣшей, и брачное ложе.

Многимъ потомъ вѣщаль: Азія нарекла васъ защищниками чести своей; опъ васъ

ожидаетъ она, что вы симъ пришедшимъ сюда малочисленнымъ врагамъ люто, но праведно опмстите. Тако съ различною хитростію, различными рѣчами, разноплеменные народы къ сраженію поощряетъ. Но се умолкли военачальники : уже между сопроотивными войсками малое оспается разсхолніе.

Великое и дивное представляется зрѣлище, когда оба воинства, стройно распряженные по данному имъ знаку вдругъ двинулись и чело съ челомъ соскупаются. Распущенныя знамена возвѣвающа вѣтромъ; огромныя перья на шишанахъ прясуща; одежды, украшенія, доспѣхи, оружіе, цвѣты, злато и сталь, солнечными лучами освѣщаемыя, блискають и гремятъ.

Съ обѣихъ странъ великое число копій густому уподобляется лѣсу. Луки натянуты, древки подняты, свистятъ стрѣлы, воютъ дрошки. Каждый конь, гнѣвомъ и яростію всадника своего возгараясь, гошавишя на брань : роешь копытомъ землю, ржешь, храпаешь, рвешься, и раздувая ноздри огнемъ и дымомъ пынешь.

Самый ужасъ въ семъ прекрасномъ зрѣлищѣ прекрасенъ, и изъ нѣдръ страха исходишь удовольствіе. Такожъ и шумное звучаніе трубъ не меньше того вмѣстѣ и страшно и пріятно слуху. Но Христіян-

ское воинство, хотя и малочисленнѣе, однакожъ видомъ и гремѣніемъ великолѣпнѣе. Каждая воинская труба его прубишь сладкозвучнѣе, и оружіе больше блискаетъ.

Первые воспрубили на брань Христіане; солпошивники ихъ ошозвались на гласъ сей гласомъ принятія брани. Франки пали на колѣна, вознесли моленія къ небу и облобызали землю. Разстояніе между войсками уменьшается и скоро исчезаетъ: врагъ со врагомъ срѣщаются. Уже на крыльяхъ началась лютая сѣча, и пѣхоша съ пѣхошою тѣсно спираются.

Кто изъ Христіанъ былъ первый поразишель, приобрѣтшій ударомъ своимъ славу? Ты, Гильдиппа, ты первая великому Иркани, владыкѣ Ормскому, пронзила грудь. Небо опредѣлило женской рукѣ шолікую честь. Онъ палъ, низринутый, и при паденіи слышалъ громкія хвалы врагами его при семъ ударѣ вознесенныхъ.

Жена сія, по преломленіи копія, мужественною десницею извлекаетъ мечъ и устремля коня своего на Персіанъ, густые ряды ихъ ломитъ и раздвигаетъ. Она Зомира до самаго пояса разсѣкаетъ, и какъ бы раздвоившагося повергаетъ на землю. Люшому Аларку, раздирая горло, прерываетъ сугубый путь пищи и гласу.

Сильнымъ махомъ рубишь Аршаксеркса, прободаешь Аргія : одинъ обуянный , другіи мертвый, низвергающся долу. Ударяешь Измаила по сгибу шуйцы: узда съ рукою упадаешь ; ударъ звѣнишь въ ушахъ коня , и онъ , почувствовавъ себя свободна, скачетъ по рядамъ, разрушая строй и порядокъ.

Сихъ и другихъ многихъ , коихъ имена отъ древности время забыты , лишила она жизни. Персіяне совокупясь вмѣстѣ окружають ее, жадничая покорыствоваться ея доспѣхами ; но вѣрный , супругъ , спрашась за нее , пришекаешь на помощь къ своей любезной супругѣ. Тако дружная чеша , сопряженная крѣпкими узами , соединясь усугубляешь силы свои.

Родъ новой доселѣ неслыханной обороны видѣнь былъ между сими двумя взаимно любящимися : шопъ и другой , безъ всякаго о самомъ себѣ попеченія , защищаль шокмо другаго. Храбрая воинственница отражала грозные удары , возносимые на ея любезнаго ; а онъ прошиву усpreмленныхъ на нее оружіи поставляль щипъ ; не пожалѣль бы , когдабъ надобно было , и главу свою обнаженную прошивупоставиль.

Каждый изъ нихъ охраненіе другаго почиталь собственнымъ своимъ , и не за себя , но за него возгарался мщеніемъ : онъ убилъ дерзосердаго Аршабана , управляющаго ош-

ровомъ Беканомъ, и шюже рукою низложилъ Альванша, дерзнувшаго уязвить его драгую; а она Аримоншу, нападавшему на ея любезнаго, разсѣкла между бровями чело.

Такъ поражали они Персіянъ. Но царь Самаркандскій еще лютѣйшее надъ Франками производилъ убійство: куда ни обращалъ онъ мечъ свой, или коня, вездѣ сражалъ и убивалъ, вездѣ предъ нимъ и конь и всадникъ падали. Щасливъ, кто умиралъ прежде, нежели уязвленный мечемъ и полумертвый, стоня подъ тяжкимъ бременемъ коня своего, былъ имъ грызомъ и подавляемъ.

Подъ ударами Альшамора палъ могущественный Ардоній и Брунелонъ великолѣсный. Единому шюлко разрубилъ онъ шлемъ и главу, что она на оба плеча его распалася; другаго поразилъ въ шю мѣсто, отколѣ исходилъ смѣхъ и расширяетъ сердце: чудно и ужасно было видѣть его невольню смѣющагося и смѣясь умирающаго.

Не сихъ однихъ убійственнъй мечъ его съ сладкою разлучилъ жизнью; но вмѣстѣ съ ними предалъ онъ жестокой смерти Геншонія, Гваспа, Гвида, и добляго Росмонда. Кто можетъ исчислить сколькихъ Альшаморъ низвергъ, и попракъ конемъ своимъ огромнымъ? кто изочтешъ имена убитыхъ?

кто перескажешь раны ихъ и разные образы смерти?

Никто не дерзаетъ подступитъ къ нему, ниже издалека погрозитъ нападеніемъ. Единая шокмо Гильдиппа обращаетъ на него смѣлые взоры и не колеблется съ нимъ сразиться. Никогда Термодонская Амазонка, щипомъ и сбѣкирою вооруженная, не равновала съ такою бодростію и мужествомъ, съ какимъ пустилась она противу ярости сего страшнаго Персіяннина.

Ударяетъ его по шлему, гдѣ блистающее злато и каменіе вѣнценосный санъ его являли; сокрушаетъ и раздробляетъ ихъ съ такою силою, что онъ долженъ былъ высокую и гордую главу свою преклонить. Царь сей почувствовалъ могущество удара, воскипѣлъ стыдомъ и гнѣвомъ; не медлитъ за оскорбленіе свое опомниться, и въ пошое мгновеніе вмѣстѣ съ восплаившею яростію совершаетъ и мщеніе.

Онъ поражаетъ Гильдиппу въ чело, пошое тяжкимъ ударомъ, что лишаетъ ее всей силы и чувствъ: она покашилась, но вѣрный супругъ не допустилъ ее упасть съ сбѣдла. По доблести ли его или по щаспію ихъ, Альшаморъ, нанеся ударъ, не продолжалъ болѣе разить: тако левъ низринувъ человека, оставляетъ лежащаго, и возврѣвъ на него презрительными очами, идетъ мимо.

Ормондъ между шѣмъ, коему порученъ былъ измѣннической умысль, и сообщники его, коварно облеченные въ доспѣхи Франковъ, вмѣшались между Хрисціанами, и какъ рыщущіе по ночамъ волки, при густомъ шуманѣ пришворяясь псами, ходящъ вокругъ спада, и съ прижапымъ коварно къ чреву хвостомъ смошрящъ, какъ бы шуда ворваться.

Такъ они приближаются понемногу, и гордый Срацинъ не далеко отъ Гошфрида оспанавливается. Но какъ скоро верховный вождь узрѣлъ бѣлое блистающее златомъ одѣяніе: се измѣнникъ, возопилъ, надѣющійся скрыть себя подъ нашими доспѣхами; се соповарищи его съ нимъ. Тако вопія пускаешся на вѣроломнаго.

Поражаешь его смертельно; и злодѣй не защищается и не отступаетъ; но какъ бы имѣя предъ очами своими зракъ Горгоنینъ, стойтъ (куда дѣвалась толикая дерзость его?) неподвижно, аки бы въ камень претворенный. Тогда всѣ мечи, всѣ копія и стрѣлы несутся на нихъ, и Ормондъ со всѣми своими злоумышленниками изрубается на мѣлкія части, такъ что шруповъ ихъ не осталось между мертвыми.

Обагранный кровію сихъ предателей, Гошфридъ вступаетъ въ сраженіе и обращается шуда, гдѣ зрится Персидскаго вождя,

громящаго самыя густѣйшія ряды Франковъ, разсыпающихся предъ нимъ, какъ Африканскій прахъ предъ полуденнымъ вѣтромъ; къ нему спремись, укоряешь своихъ, грозись и оспановя бѣгущихъ нападаешь на гонимыхъ.

Тутъ двѣ сильныя десницы начинаютъ брань, какой ни Ида, ни Ксанъ не зрѣли. Въ другомъ мѣстѣ Бальдовинъ и Мулеасъ съ полками своими пворятъ люшую бишву. Не меньше того жестокое происходишь сраженіе на лѣвомъ крылѣ, гдѣ самъ Египетскихъ силъ воевода съ двумя сильнѣйшими полководцами присуществовалъ.

Одинъ изъ Робертовъ рашуешь съ начальникомъ-сопрошивныхъ войскъ, и никшо изъ нихъ не побѣждаетъ; но другому Роберту Индіянинъ разсѣкаетъ шлемъ, и сокрушаетъ его оружіе. Никшо не являешся прошивусшатъ Тизаферну; онъ развѣзжаетъ и преносится шуда, гдѣ брань кипитъ жарче, и тамо пворишь разныя убійства.

Тако билися, и побѣда ни на кошорую сторону не склонялася. Спрахъ и надежда равно владычествовали. Поле покрыто было обломками копій, сокрушенными щитами, раздранными доспѣхами, мечами въ грудь, въ ушробу вонзенными; тѣлами, изъ коихъ инныя, падшія лицомъ къверху, другія же,

какъ бы грызущія землю, ницъ повержены были.

Конь лежалъ подлѣ всадника своего; поварищъ подлѣ убишаго сотоварища; врагъ подлѣ врага, и часто живой издыхалъ на мертвомъ, и побѣдитель на побѣжденномъ. Не было ни безмолвія, ни вопля; но шокмо слышалось нѣкое глухое, невнятное звучаніе; скрежеты ярости, ропоты гнѣва, стоны помявшихся и умирающихъ.

Оружія, прежде столь пріятныя для взора, теперь казались печальными и ужасными: желѣзо потеряло блескъ, злато лишилось лучей, прелестная пестрота цвѣтовъ исчезла. Наряды и украшенія шлемовъ пошоппаны ногами; пыль покрывала то, чего кровь еще не обагрила: толико оба воинства видъ свой измѣнили!

Тогда Аравишяне, Египтяне и Мавры, составлявшіе край лѣваго крыла, выступаютъ, развертываются, и хопяшъ обойши непріятеля; уже спрѣльцы и пращемешатели ихъ беспокоятъ издавна войско Франковъ. Но тушъ съ отборною дружиною своею кинулся на нихъ Ринальдъ, и показался имъ землетрясеніемъ и громомъ.

Ассимиръ Эройскій былъ въ Египетскомъ воинствѣ одинъ изъ сильнѣйшихъ ратоборцевъ. Ринальдъ ударомъ меча по черной выѣ свергъ главу его на землю.

Гордый побѣдитель, воспламеня духъ свой сею побѣдою, ожесточился, взалкалъ крови невѣрныхъ, и оказалъ множество удивительныхъ, чудесныхъ, неимовѣрныхъ подвиговъ.

Наносилъ больше смертей, нежели давалъ ударовъ, хоша и часто громоносную опускалъ десницу. Подобно какъ змій съ толикою скоростію жало свое испускающій, что кажешся премо жалами уязвляетъ, такъ онъ съ толикою же быспрохою мечъ свой вращающій, казалось успрашенному народу, премо поражалъ ихъ мечами: око обманывалось движеніемъ, и ужасъ принуждалъ чудесамъ симъ вѣрить.

Ливійскіе цари, и Еѳіопскіе владыки, единъ въ крови другаго ушопали. Храбрые сошоваищи Ринальдовы, примѣромъ его поощряемые, низлагали прочихъ. Невѣрные народы, спрашнымъ образомъ поражаемые, шолпами падали и не дерзали защищаться. Не битва шо была, но убійство; ибо съ единныя страны успремлялся мечъ, съ другой подставлялась шокмо выа.

Недолго стояли они чело прошивъ чела, получая раны въ благороднѣйшія части шѣла; скоро предались бѣгству, и гонимые страхомъ шekli въ безпорядкѣ и смяшеніи. Ринальдъ слѣдовалъ по пятамъ ихъ, гналъ и приводилъ въ совершенное разшройство;

Ч а с т ь IX.

18

но потомъ побѣдишь сей, прошиву болѣе бѣгущихъ меньше яросный, уменьшаешь свое стремленіе.

Подобно какъ бурный вѣтръ, когда лѣсъ и холмы поставляютъ ему преграду, усугубляешь въ состязаніи съ ними силу свою, и потомъ текущій свободно по равнымъ полямъ пише и плавнѣе дуетъ, или какъ валъ морской, пѣнящійся и свирѣпствующій между скалами, успокоивается и тихнетъ на пространной глубинѣ: тако Ринальдъ, не встрѣчая болѣе препятствій, гнѣвъ свой укрощаетъ.

Благородная храбрость его пренебрегаетъ карашъ бѣгущихъ. Онъ обращается на пѣхошу, имѣвшую по бокамъ своимъ Аравіянъ и Африканцевъ. Она съ сей стороны осталась безъ защиты: долженствовавшіе подкрѣплить ее ополченіи были побиты, ополченіи далеко прогнаны. Ринальдъ съ конницею своею нападаетъ на нее съ боку.

Сокрушаетъ копья ихъ, преодолеваетъ силы, распоргаетъ препоны, врубается въ самую средину, и низвергаетъ, разсѣиваетъ ихъ повсюду. Не съ такою силою вихрь и буря мятежь и колеблетъ гибкій проросникъ или жатву. Поле, обогренное кровію, устилается трупамъ и обломками оружія. Побѣдоносная конница безпрепятственно

попчешъ, попираешъ ихъ и горделиво скачешъ даалѣе.

Ринальдъ пришекаетъ шуда, гдѣ Армида, въ воинскомъ одѣяніи на злѣшій колесницѣ сѣдѣющая, по обѣимъ сторонамъ окружена и охраняема была своими сподвижниками и обожателями. Она по многимъ признакамъ его узнала и возвела на него взоры выѣспѣ грозныя и спрашныя. Онъ смутился нѣсколько и премѣнился въ лицѣ; ее обнялъ хладъ, и пошомъ пламень.

Ринальдъ уклоняся отъ колесницы скачешъ мимо, показывая видъ, какъ бы на иное нѣчто устремлялъ свои мысли; но заклѣвшіеся противъ него соперники не пропускаютъ его безъ брани; иной мечъ на него извлекаетъ, другой копіе поднимаетъ; сама Армида напрягаетъ на него лукъ съ стрѣлою: гнѣвъ ополчается, но любовь обезоруживаетъ ея десницу.

Возспала любовь прошиву гнѣва, и показала, что сокрываемый ею не погасъ въ ней огонь. Трижды простря руку прицѣливается, и трижды опускаетъ лукъ. Наконецъ гнѣвъ побѣждаетъ, напряженная пуготлива спускается и пернатая стрѣла лепитъ; лепитъ стрѣла, и въ слѣдъ за нею потчасъ износится желаніе, чѣшобъ она пролетѣла мимо.

Хотѣла бы лучше, чѣшобъ острая стрѣла

*

сія, возвращаясь, пронзила ей сердце: шокую силу имѣла уничиженная любовь, что же была бы она торжествующая? но потчасъ потомъ въ сей мысли раскаивается, и въ волнуемой груди возрастаетъ гнѣвъ. Тако, то спрашится, то хочетъ, чтобы ударъ совершился, и взорами сопровождаетъ пернашую шросшь.

Но ударъ былъ щеченъ, крѣпкая Ринальдова броня не могла рукою женскою быть пробита: шпрѣла, не содѣлавъ ни какой раны, увязла въ ней. Ринальдъ отврашилъ лице свое. Армида, пріемля то за презрѣніе къ себѣ, воспаляется яростію, кидаетъ шпрѣлу за шпрѣлою, но не можетъ поранить: она шпрѣляетъ въ него, а любовь своими шпрѣлами ее уязвляетъ.

Какъ, вѣщаетъ она сама въ себѣ, не ужели онъ шoliko непроницаемъ, что всякому непріятельскому оружію посмѣвается? неужели члены его шакою же, какъ и сердце, каменною обложены корою? ни рукъ, ни очей моихъ шпрѣлы ему не опасны; онъ сильный, надеженъ на свою швердосшь, и меня слабую, бесполезно вооруженную, какъ врага и какъ любовницу равно презираетъ.

Что еще остаешься мнѣ? во что претворишься? какой новой воспріять на себя видъ? несчастная! нѣтъ мнѣ больше никакой надежды; всѣ зацѣшники мои пали отъ

руки его и преклонили предъ нимъ оружіе.— Въ самомъ дѣлѣ она видѣла ихъ, иныхъ убіенныхъ, другихъ обезоруженныхъ и покорившихся побѣдишело.

Оставшись одна, безсильная вопрошавшись ему, она уже почишаетъ себя плѣнницею и рабою, и хоша имѣешь при себѣ лукъ и копіе, но мнишь, что въ рукахъ ея сіе Минервино оружіе столь же будетъ безуспѣшно, какъ и Діанино. Душа ея воспрепешала подобно боязливому лебедю, приникшему къ землѣ и опустившему крылья свои подъ когтями лютаго орла.

Но князь Альшаморъ, по сіе время ободрившій Персидское воинство, неоднократно уже порывавшееся обратиться въ бѣгство, и имъ однимъ съ трудомъ оспанавливаемое, увидя возлюбленную свою въ опасности, скачетъ или лучше сказать лепитъ къ ней, оставляя и честь и войска свои: погибни свѣтъ, лишь бы она спаслася!

Ограждаетъ беззащитную колесницу ея, мечемъ отверзаетъ ей путь. Но между шѣмъ Ринальдъ и Готфридъ въ шожъ мгновение побиваютъ и разсѣваютъ воинство его. Недостойный военачальникъ, лучший любовникъ нежели вождь, видишь шо и шерпишь. Наконецъ, проводя Армиду въ безопасное мѣсто, возвращается, но уже поздно, къ побѣжденнымъ.

Съ сей страны войско невѣрныхъ совершенно было распоржено и разбишо; но съ прошивной стороны Христіане оставя поле сраженія бѣжали ошъ нечестивыхъ. Одинъ изъ Робершовъ, пораженный въ грудь и въ лице, едва спасся ошъ непріятеля; другаго Адрасъ взялъ въ плѣнь. Такимъ образомъ битва на обѣихъ странахъ была равная.

Тогда Готфридъ не упускаетъ случая, обращаетъ воинство свое, и ни мало не медля несется возобновить брань, лепишь ударить на другое неповрежденное крыло. Всякъ изъ сосязующихся кровію непріятеля обагрень, всякъ ошъяшими у врага порожественными знаками украшенъ и гордъ. Съ обѣихъ странъ честь и побѣда между щастіемъ и храбросію стойтъ непоколебимо.

Въ то время, какъ шоль упорнымъ образомъ вѣрные съ невѣрными сражающся, гордый Сулшанъ Турецкій, Солиманъ, восходитъ на высоту башни и созерцаетъ плачевное на кровавомъ полѣ человѣческихъ судебъ игралище: разныя нападенія, ужасы смерти, и великую рока и случаевъ борьбу.

При первомъ возрѣніи стоялъ онъ нѣсколько времени изумленъ и неподвиженъ; но вскорѣ воспыалъ желаніемъ бытъ шамъ и самому въ сихъ славныхъ подвигахъ

соучаствовать. Не медлишь рвенію своему послѣдовать, и бывъ уже облеченъ въ доспѣхи, возлагаешь шпашъ на главу свою шлемъ: пойдѣмъ, пойдѣмъ, вопієшь, не хочу быть болѣе здѣсь; иду побѣдить, или умереть.

Божеское ли провидѣніе вдохнуло въ него сію пылкую мысль, дабы колеблющееся царство Палестинское совершенно въ сей день разрушить, или можешь быть приближеніе смерти понудило его изыти во срѣженіе къ ней; какъ бы то ни было, но онъ посѣбно опровергаетъ врага, и съ яростию исходитъ на брань.

Даже не дождавшись отъ соповарищей своихъ отклика, хопяшь ли они послѣдовать ему или нѣтъ, исходитъ одинъ, и одинъ съ тысячами рашуешь, на тысячи враговъ безстрашно нападаешь. Но примѣромъ его воспламененные текутъ за нимъ другіе, и самъ Аладинъ. Робкіе ободрились и оспорожные стали дерзки, больше изъ опчаянія, нежели отъ надежды.

Первые повстрѣчавшіеся съ симъ грознымъ Туркомъ пали подъ его ужасными и незапными ударами, пали мертвы и съ такою скоростию, что око не могло увидѣть ихъ убиваемыми, но убитыми. Отъ первыхъ до послѣднихъ передающа вопли, возвѣ-

щающся ужасы, и Сирійскія войска Франковъ смѣшавшися почши уже бѣгутъ.

Но съ меньшимъ смяшеніемъ и страхомъ Гасконцы удерживающъ и мѣсто и порядокъ, хошя опасностъ къ нимъ ближе, и нападеніе на нихъ было незапно. Никогда зубы хищнаго волка, или когти люшаго орла, не обагрялись столько въ крови пасущихся овецъ, или парящаго спада пшицъ, сколько мечъ Солимановъ намокъ и упился ихъ кровію.

Аки бы гладный и ненасышный, пожиралъ онъ члены и сосалъ кровь. Съ нимъ Аладинъ, съ нимъ дружина его рветъ и рубитъ осаждашелей. Но благій Раимондъ пришекаешъ шуда, гдѣ Солиманъ войско его громитъ и хошя видишь свирѣпую руку, тяжкій ударъ ему нанесшую, однако не останаавливаешся.

Дерзаетъ снова напастъ на него, и паки упадаешъ, пораженный въ шожъ самое мѣсто, какъ и прежде. Спаросъ его, не могшая прошивъ шоль великой силы устоятъ, была шому виною. Въ шужъ минушу сто мечей устремляющся на него, и сто щиповъ прошивуспавъ обороняющъ его. Но Сулшанъ проходитъ мимо, пошому ли что почиталъ его мертвымъ, или что послѣдовашелямъ своимъ предославлялъ взятъ его, яко плѣнника.

На другихъ устремляеши, рубишь и убиваешь, и на маломъ пространствѣ шворишь великія дѣла. Но симъ не довольствуешься и влекомый яростию спѣшишь въ иныхъ мѣстахъ производишь убійство. Подобно какъ голодомъ помимый, оставя скудное брашно, бѣжишь къ изобилію яствъ, такъ онъ шуда, гдѣ больше пылаешь брань, печешь неутолимую жажду свою утоляешь яровію.

Нисходишь съ развалинъ стѣнъ и быспрыми стопами спремись на поле битвы; но ярость въ сотоварищахъ его, и страхъ обуявшій сопровизниковъ ихъ, остаются. Единая страна силился довершишь не докончанную побѣду, другая стойшь, противился, но въ противуборствѣ ея примѣнно покушеніе къ бѣгству.

Гасконцы обороняясь ошсшупають; но Сирійскій народъ уже разсѣянъ и бѣжишь; они въ смяшеніи пришекають предъ домъ, гдѣ лежалъ великодушный Танкредъ. Онъ, услыша вопли ихъ, забываетъ болѣзнь свою, възстае съ одра, восходитъ на высоту дома, и обращая очи зришь Раймонда поверженнымъ, и рапниковъ его однихъ ошсшупающими, другихъ совершенно разбишыми и бѣгущими.

Доблестъ никогда не оплущающаяся отъ храбрыхъ, съ изнеможеніемъ шѣла ихъ

не изнемогаешь, но въ уязвленные члены, какъ бы духъ и кровь вливая, исцѣляешь ихъ: Танкредъ вооружаешь сухощавую шуйцу свою тяжелымъ щипомъ и тягоспи его не чувствуешь. Въ десницу берешь мечъ. Сего великому духомъ мужу довольно, и болѣе онъ не пребуешь.

Выходишь съ нимъ и вопіешь: куда бѣжише, оставя военачальника своего врагамъ? Какъ! вы допустили невѣрныхъ снятые съ него доспѣхи въ знакъ поржесства повѣсиль въ ихъ храмахъ и мечешяхъ? вы возвращаясь въ Гасконію возвѣспише сыну Раимондову, что опецъ его убишь тамъ, опколѣ вы ушли? Тако вѣщаешь, и грудь его недужная и нагая служишь тысячамъ здравыхъ и вооруженныхъ крѣпкою защишою.

Онъ щипомъ своимъ тяжелымъ, изъ семи воловыхъ кожъ соспавленнымъ, и поверхъ ихъ пластомъ крѣпкой сшали обложеннымъ, ограждаешь Раимонда отъ всѣхъ усшремленныхъ на него мечей, стрѣлъ, копій, и мечемъ своимъ опгоняешь окружающихъ враговъ, шакъ что поверженный полководецъ, какъ въ неприступной сѣни, лежишь подъ щипомъ его безопасень.

Вскорѣ подъ симъ крѣпкимъ покровомъ удрученный лѣшми спарецъ собираешь силы свои, воспашаешь и воспламеняешься сугубымъ огнемъ, гнѣвомъ въ сердцѣ и спы-

домъ въ лицѣ: онъ сверкающими очами озирается повсюду, ищешь того свирѣпаго, кто поразилъ его, и не видя нигдѣ, дрожишь отъ ярости, и готовишься надъ сорапниками его совершить ужасное мщеніе.

Возвращающся Гасконцы и всѣ вмѣстѣ послѣдуютъ за вождемъ своимъ, опмспивъ за себя шекущимъ. Войско, шоль смѣло наступавшее прежде, теперь спрашится; отважность перешла на мѣсто, гдѣ былъ страхъ; отступаютъ кто гналъ, гонитъ кто отступалъ: тако во единъ мигъ премѣняется лице битвы. Раимондъ воспаленный местию за единъ ударъ сто смертей рукою своею наноситъ.

Между тѣмъ какъ гнѣвъ и досада побуждаютъ его въ жертву себѣ опличившіе низлагають главы, зреть онъ похищителя царства Іерулимскаго царя Аладина, біющагося въпереди всѣхъ; онъ поражаетъ его въ чело, и въ шокъ время ударъ за ударомъ стремитъ, и не престаешь отъ ударовъ. Царь падетъ, и спрашнымъ воплемъ землю, гдѣ царствовалъ, грызетъ умирая.

По отбытіи Солимана, и убіеніи Аладина, оставшіеся ратники ихъ предаются различнымъ побужденіямъ: иные опчаянные кидаются, какъ дикіе звѣри, на остріе непріятельскихъ мечей; другіе ушрашенные бѣгутъ укрываться, гдѣ прежде укрывались;

но вмѣстѣ съ бѣгущими и побѣдишеля въ убиѣжище ихъ вшоргаются и славную побѣду свою довершаютъ.

Крѣпость на высокой скалѣ взята, и кто спасаясь бѣжалъ изъ ней, потъ умиралъ на ступеняхъ лѣстницы или при прагѣ. Раимондъ, держа въ рукѣ знамя, восходитъ на вершину башни, и въ знакъ побѣды на виду обоихъ воинствъ распускаетъ оное по вѣтру. Но гордый Султанъ Турецкій сего не видитъ; онъ уже далеко, и приближаешься къ побоищу.

Приходишь, гдѣ поле часъ опчасу больше багровѣетъ и дымится кровію, уподобляясь царству смерти, повсюду распространивающейся и шоржесшвующей. Онъ зрѣтъ удалившагося отъ прочихъ съ повислою уздою коня безъ всадника; хватаетъ его за висящій поводъ, и возсѣвъ на праздный хребетъ, спремился въ бой.

Великую, но крашковременную помощь приносишь онъ ушомившимся и успрашеннымъ Срацинамъ; или паче великую, но крашковременную шучу, внезапно возставшую и скоро прешедшую, но оставившую на раздробленныхъ скалахъ крапкаго прохожденія своего вѣчные слѣды. Сто и болѣе воиновъ пали отъ него мертвы, но о двухъ единыхъ время да не истребишь памяти.

Гильдиппа и Одоардъ, вашъ печальный и жестокий жребій, ваши честныя и доспыхвалныя дѣла, естли пѣнію моему Тосканскому по позволишся, посвящу чужеземнымъ умамъ; да всякій языкъ видишь въ васъ благороднѣйшій образецъ соединенія любви съ добродѣтелію, и шощъ, чье сердце воспламенено любовію, да почишь смершь вашу и мои спихи своими слезами.

Великодушная жена спремишь коня своего шуда, гдѣ люшый Солиманъ побиваетъ людей; она дважды ударяетъ его оспріемъ меча, и разсѣкши щипъ уязвляетъ шѣло. Свирѣпый, узнавъ ее по одеждѣ, закричалъ: вопъ непошребная съ своимъ воздыхашелемъ! лучше бы ты вышла прошивъ меня съ иглою и верешеномъ, нежели съ мечемъ и любовникомъ швоимъ.

Тутъ умолкъ, и паче нежели когда нибудь воспаленный яростію, наноситъ ужасный, люшый ударъ, пронзившій, преломя оружіе, грудь Гильдиппину, грудь, однѣхъ шолько стрѣлъ любви достойную. Она поблѣднѣла и опушя броды покашнулась въ видѣ умирающаго человѣка. Нещастный Одоардъ, увидя шо, кинулся къ ней, не поздний, но бесполезный защитникъ.

Чшо въ семъ бѣдшвенномъ случаѣ начашъ? гнѣвъ и жалось рвушь его попеременно: едлинъ къ опмщенію злому убійцѣ,

другая къ поддержанію упадающей супруги влечетъ. Любовь, нервѣшная, и къ тому и къ другому его понуждаетъ, лѣвою рукою объемлетъ онъ свою любезную, правою ищетъ поразить злодѣя.

Но жалость и гнѣвъ, раздирающія душу его, не могли устоять противу врага поля сильнаго: не могъ онъ ни любезной своей подать помощи, ни убійцу ея лишить жизни. Напрошивъ случилось, что руку его, когда онъ вѣрную супругу свою обнималъ ею, Сулпанъ опрубилъ. Тогда, не могши удержатъ паденія Гильдиппина, самъ онъ всѣмъ шѣломъ своимъ на нее низринулся.

Подобно какъ вязъ, съ дружественною обвивающеюся вокругъ него виноградною лозою сочепанный, когда вихрь сломишь его, или сѣкира подсѣчетъ, увлекаетъ съ собою подругу свою на землю, и самъ зеленые листья срывая съ ней, и любимые грозды попирая, кажется спраждешь, и не столько болѣзнуешь о себѣ, сколько о ней, вмѣстѣ съ нимъ умирающей.

Тако палъ Одоардъ, не своею мукою терзаемый, но состраданіемъ о шой, съ которою сопряженъ былъ вѣчными узами. Они хотѣли промолвить, но не могутъ; вмѣсто словъ выпускаютъ вздохи; смотря другъ на друга; одинъ съ другимъ, сколько силы доз-

воляющъ, объемлющся; очи ихъ смыкающся, и благочестивыя души вмѣстѣ излезающъ.

Тогда слава распусшя крылья, и ошверзая уста свои, разноситъ повсюду вѣсть о горестномъ приключеніи. Не одни шокмо слухи достигающъ до Ринальда, но чрезъ посланнаго къ нему вѣстника получаетъ онъ вѣрное о шомъ извѣстіе. Гнѣвъ, долгъ, дружба и печаль, порѣвающъ его къ спрашному ошмщенію; но досшупъ до Сулшана, предъ самыми его очами, возбраняетъ ему великій Аргасшъ.

Яросшный царъ вопіетъ ему: по оружію швоему вижу, чшо шы шопъ, кого я давно ищу; не было щипа, на кошорой бы я не успремлялъ взоровъ моихъ и не взывалъ шебя по имени; наконецъ срѣшаю и могу исполнить обѣщъ мой: ошмщу и принесу главу швою въ жершву моей богинѣ. Выходи, испышаемъ храбросшъ нашу и силу гнѣва, шы, врагъ Армидинъ, и я другъ ея и защишникъ.

Такъ вызываешъ его, и ужасными ударами сперва поражаетъ во главу, пошомъ въ выю. Несокрушимый шлемъ Ринальдовъ усшоялъ, но самъ онъ неоднократно пригнулся къ сѣдлу. Посемъ Ринальдъ шоль сильно ударяетъ его въ средину ребръ, чшо и самъ Аполлонъ со всѣмъ своимъ искушвомъ не могъ бы его исцѣлить. Паль

огромный исполинъ, непобѣдимый царь, единственнымъ славнымъ ударомъ низверженный на землю.

Изумленіе, смѣшанное со страхомъ и ужасомъ, оледенило кровь и сердца окружающихъ битву сію очевидцевъ; самъ Солиманъ, зря чудесный ударъ сей, смутился въ душѣ своей, поблѣднѣлъ, и ясно смерть свою предвидя, не смѣлъ къ нему подступить; дѣло для него не обычайное, но какими земными дѣлами не управляешь вѣчный законъ?

Подобно какъ иногда одержимый немощію или воспаленіемъ чувствъ зришь въ крапкомъ снѣ спрашныя мечшанія: онъ, кажется ему, хочешь успремишься въ бѣгу, и члены свои распрощершь, но щепотно порывается; при самыхъ величайшихъ усиліяхъ и рвеніяхъ его, слабыя руки и ноги ему не повинуются. Онъ хочешь промолвить, но ни голосъ, ни слово, не исходяшь изъ устъ.

Такъ тогда Солиманъ, желалъ бы превозмогши самого себя кинуться и напасть на Ринальда, но не находить въ себѣ ни прежней ярости, ни прежнихъ силъ. Всѣ воспаляющіяся въ немъ искры гнѣва тайнымъ внутри сердца гнѣздящимся страхомъ потушаются. Различныя въ душѣ его

возстаюшъ чувства; онъ не насупаешъ и не бѣжишъ.

Побѣдишъ печетъ къ колеблющемуся въ нерѣшимости; нападаешъ, и быспрошою, мужествомъ, величїемъ, кажешся ему прѣвыше всякаго смершнаго. Солиманъ мало обороняешся; но умирая не прѣспашъ сохраняшъ швердосшъ духа: не уклоняешся отъ ударовъ, не испускаешъ спона, и во всякомъ дѣйствїи его зришся гордосшъ и величешво.

Когда Сулшанъ сей, часто въ долговременныхъ войнахъ падавшїй, и какъ новый Аншей, еще горделивѣе возстававшїй, наконецъ низринулся да не возстанешъ во вѣки, тогда слухъ о шомъ повсюду промчался, и шасшїе, доселѣ непостоянное и премѣнное, не дерзало болѣе спорить о побѣдѣ; оно прѣспало преходишъ изъ спраны въ спрану, и соединяшъ съ вождями Франковъ рашовало съ ними.

Бѣгушъ, не шокмо другїя, но и самая царская дружина, къ востоку, гдѣ больше стекалось силы. Названная безсмертною, не взирая на гордое имя сіе, днесъ погибашъ. Эмиренъ несущаго знамя ошпанавливаешъ, и шакъ грозными словами укоряешъ его: не шы ли шощъ, кого для охраненїя сей царя моего хоругви избралъ я изъ шысячи избранныхъ?

Ч а с ш ь IX.

19

Римедонъ, не для того вручилъ я тебѣ сіе знамя, чѣмъ ты несъ оное назадъ. Малодушный! ты видишь вождя своего сражающагося со врагами, и оставя его бѣжишь! чего ты хочешь? живишь? спускай за мною. Пусть побою избранный ведешь тебя къ смерти. Раповашъ долженъ, кто живишь желаетъ. Единственный пусть къ спасенію есть пусть чести.

Сгорѣвшій отъ стыда Римедонъ возвращается къ битвѣ. Эмирень еще сильнѣйшими словами поощряетъ другихъ, инаго наказуешь, иному грозишь, и боящихся меча побуждаетъ спрѣмиться на мечи. Тако знашную и лучшую часть воинства ободряя почерпаетъ надежду. Всѣхъ же болѣе восплаляетъ Тизаферна, стоящаго еще швердо, не обращая хребта своего.

Тизафернь чудесные въ сей день оказалъ подвиги: Нордманцевъ разгромилъ, на Фламанцевъ напалъ и пролилъ рѣки крови; Гарниера, Рогера, Герарда убилъ. Попомъ на пуши чести въ крашкое время до безсмертія. достигнувъ, кинулся, какъ бы не помышляя болѣе о жизни, искашь новыхъ и величайшихъ опасностей.

Узрѣвъ Ринальда; узналъ его по доспѣхамъ, хотя оные изъ голубыхъ содѣлалися черными, и клювъ и когти орла его обогрѣны были кровію. Се, возопилъ, наипаснѣй-

шій врагъ. Днесъ молю небо, да подпишъ ошважностъ мою, и да увидишь Армида желаемое ею мщеніе совершившимся. Магомешъ! естльи я одержу побѣду, всеоружіе его шебъ во храмъ швоемъ посвящу.

Тако молился, но молишва его была суешна, глухимъ Магомешомъ не услышана. Какъ левъ бія себя хвостомъ по ребрамъ природную яростъ свою возбуждаешъ, шакъ онъ, люшымъ гнѣвомъ дыша, пламенемъ любви его распаляешъ. Всѣ свои силы собравъ, и оружіе къ нападенію пригошова, быспро на конѣ своемъ лешишъ.

Ринальдъ, видя его скачуца къ себѣ, самъ на него устремляешся. Народъ раздается, ушупаешъ имъ широкое мѣсто, и обращаешся смошрѣть на страшное сіе позорище. Единоборство между Лашинскимъ вишлемъ и Срациномъ было шоль грозное, удары шоль сильныя, что всѣ прочіе воины ошъ чрезвычайнаго удивленія почти самихъ себя и собшвенную вражду свою забыли.

Но единъ поражаетъ шокмо, другой, сильнѣйшій мышцею и крѣпчайшій оружіемъ, разишъ и уязвляетъ. Поле обагретъ кровію Тизаферна; шлемъ его разсѣченъ, щипъ раздробленъ. Прекрасная Армида зришъ доспѣхи зашщника своего сокрушенными и члены его израненными, всѣхъ

же прочихъ заступниковъ своихъ поль-
успрашенными, что едва слабый узлъ люб-
ви еще ихъ удерживаль.

Напослѣдокъ изъ столькихъ окружав-
шихъ ея воиновъ остаеяся единая на ко-
лесницѣ. Ужасается плѣна, ненавидишь
жизнь, опчаяваеяся и въ побѣдѣ и въ оп-
мщеніи. Терзаемая досадою и смященіемъ
сходитъ съ колесницы, сядишь съ поспѣш-
ностію на коня, и уѣзжаешь; бѣжишь, но
гнѣвъ и любовь сопровождаютъ ее, не оп-
саяють опъ ней.

Тако въ древнія времена Клеопатра
удалилась опъ жестокой бивы, оставя на
пучинахъ морскихъ сражающагося съ щас-
сливымъ Августомъ вѣрнаго своего Аншо-
нія, кошорый, спрасію влекомый, забывъ
себя, послѣдовалъ за бѣгущимъ ея кораб-
лемъ. Тизафернъ хошѣлъ бы шакже за ушед-
шею шайно Армидою послѣдовать, но сопер-
никъ его возбранялъ ему пущь.

Срацину, не зрящему болѣе своей лю-
безной, казалось, что виѣспѣ съ нею и
дни его исчезають, и солнце закашилось.
Удерживаемый послѣдовать за нею, обра-
щаеяся онъ съ бѣшенствомъ, и поражаетъ
соперника въ чело: не съ шакою силою па-
даешь млатъ циклопа, кующаго перуны, съ
какою ниспаль ударъ сей тяжкій, пригнув-
шій главу Ринальдову къ персямъ.

Но Ринальдъ вскорѣ оправляется и концемъ меча своего, раздравъ толстую броню врага, прободаетъ ему сердце, гдѣ источникъ жизни; пускаетъ мечъ свой еще далѣе, такъ что вонзенный въ грудь, сотворя сугубую рану, исходитъ онъ окровавленный изъ хребта, отверзая не одинъ широкій путь къ излѣтѣнію изъ тѣла душѣ Тизаферновой.

Тогда Ринальдъ останавливается и созерцаетъ, куда бы еще устремиться ему для нападенія, или кому изъ своихъ подать помощь; но видитъ всю непріятельскую рать разбиною, всѣ знамена ихъ падшими. Тогда пресматъ ошъ убійства, воинскій пылъ его зрится пошухающимъ; онъ укрощается, и приводитъ себѣ на мысль бѣгущую, всѣми оставленную, печальную Армиду.

Онъ зрѣлъ ея побѣгъ: честь и жалость побуждали его взять ея подъ свое покровительство. Онъ вспомнилъ, что уѣзжая ошъ ней общалъ ей бытъ ея заступникомъ. Обращается въ спрану, куда она поскакала, и по конскимъ слѣдамъ спремилъ за нею. Она между тѣмъ достигаетъ до нѣкоего мрачнаго, уединеннаго мѣста, благопріятствующаго опчаянному самоубійству.

Злополучная радуется, что случай направилъ стопы ея въ сію дикую долину.

Сходитъ съ коня ; бросаетъ лукъ , стрѣлы и колчанъ : несчастное и постыдное оружіе , вопіетъ , ты въ битву не обагрилось ни каплею крови ; повергаю себя , пребудь здѣсь на вѣки погребенно , когда не умѣло ты оскорбленія моего омытъ мщеніемъ .

Но нѣтъ , увы ! да не будетъ сего , чтобы изъ столькихъ стрѣлъ ни единая въ сей день не напишалась кровію . Если всякая другая грудь была для васъ подобно кремню непроницаема , по крайней мѣрѣ женскую можете вы пронзить . Сію грудь мою обнаженную и вамъ предстоящую поразите ; она слаба ; окажите силу и побѣду свою надъ нею , надъ сею нѣжною грудію , въ которую любовь никогда нестрѣляла щещно .

Явите надо мною , что вы сильны и остры ; я прощаю вамъ прежнюю вашу бездѣйственность . Несчастливая Армида ! въ какомъ я нахожусь состояніи , когда ошъ васъ одинѣхъ должна ожидать спасенія ! Если рана моя ни чѣмъ инымъ исцѣлишь не можетъ , какъ шокмо другою раню , то пусть язва стрѣлы испребишь язву любви , и сердце мое да уврачуется смертію .

Щастлива , если сей ядъ мой не принесу съ собою заразить имъ преисподнюю . Останься , любовь ; сиди со мною единый гнѣвъ , и пребуди навсегда съ тѣнію моею неразлученъ ; или вмѣстѣ съ нею возвратись

изъ царства мертвыхъ къ тому, кто съ такою лютою поругался мною, и въ сонныхъ мечтаніяхъ, грозно предъ нимъ плавая, мучь, терзай его безпрестанно.

Тутъ умолкла и утвердась въ мысляхъ своихъ избираешь стрѣлу самую крѣпкую и острую. Ринальдъ подходитъ къ ней въ то самое время, когда она вознесла уже убійственный ударъ, и по лицу ея распростерлась мертвая блѣдность; онъ съзади хватается ее за руку, направившую уже смертоносное оружіе въ шрепещущее сердце.

Армида, не примѣтившая того прежде, обращается, и зрѣтъ его стояща предъ собою: она, громко воскликнувъ, ошвращается отъ него очи свои съ гнѣвомъ, и лишенная чувствъ упадаетъ подобно подкошенному до половины цвѣтку, тихо склоняющему главу свою. Ринальдъ подхватилъ ее и одною рукою поддерживая прелестный станъ, другою освобождаетъ грудь ея отъ стѣсненія одежды.

Онъ окропилъ прекрасное лице и грудь ея испоргнушими жалостію изъ очей его слезами. Подобно какъ при упренней прозрачной росѣ увядающая освѣжается роза, такъ она, пришедъ въ чувство, подымаетъ пошупленный зракъ, не своими, но его слезами орошенный. Трижды открываетъ она очи, и трижды закрываетъ ихъ, ошвра-

щаясь сморгнѣвъ на любезнѣйшаго ей изъ смертныхъ.

И слабою рукою крѣпкую держащую ее руку опшалакиваетъ, покушаясь многократно вырваться отъ связующихъ ее и при каждомъ порывѣ шѣмъ болѣе стѣсняющихъ узъ. Напоследокъ, не могши испоргнуться изъ драгихъ объятій, драгихъ еще и шеперь, съ притворнымъ гнѣвомъ, не обращая на него взоровъ своихъ, и проливая испочки слезъ, начинаетъ вѣщать:

О! во всякое время, когда уходишь и когда приходишь, равно жестокий, что привелъ тебя ко мнѣ? Неслыханное дѣло, чѣмъ самъ убійца избавлялъ насъ отъ смерти, и предлагалъ намъ жизнь! ты хочешь меня спасти? на какой срамъ и на какія муки осуждаешь еще несчастную Армиду? я знаю многія неизвѣстныя тебѣ испытанія; но что въ нихъ, когда и умереть не могу?

Честолюбіе твое требуетъ, чѣмъ указывали на прикованную къ порожественной колесницѣ твоей дѣву, которой ты сперва измѣнилъ, и потомъ силою взялъ ее въ плѣнъ: въ этомъ поставляешь ты честь свою и славу. Было время, когда я просила у тебя мира и жизни; шеперь хочу отъ всегдашнихъ слезъ моихъ избавиться смерти; но не прошу ее у тебя потому, что всякой даръ твой для меня несносенъ.

Сама собою, какимъ бы то ни было образомъ, надѣюсь избѣгнутьъ отъ швоей люшости, и ежели у скованной меня ни яда, ни оружія, ни верви не будетъ; ежели не свободна буду ринуться въ пропасть; я знаю средство умереть, и благодарю небо, что ты возбранишь мнѣ онаго не можешь. Престань упохреблять ласки. Ахъ! на что припворяешься? почто, увы! почто легко-вѣрнымъ надеждамъ моимъ льспишь?

Тако жалуешься, и горькія слезы, любовію и гнѣвомъ изъ очей исторгаемыя проливаешь; онъ свои слезы, въ коихъ жаркое участіе и сожалѣніе сверкали, съ ея слезами совокупаешь, и ласковыми отвѣпшвуешь ей словами: Армида, успокой смященное сердце свое; не для посрамленія, для царшвованія сохраняешь себя, не врагъ, но другъ и слуга швой.

Зри въ очахъ моихъ, еспьли словамъ не вѣришь, усердіе и преданность мою къ тебѣ. Клянуся вознесъ тебя на престоль предковъ швоихъ; и о! ежели бы небо благоволило свѣшозарными лучами своими просвѣшпшь умъ швой и разгнашь въ немъ мракъ Магомешаншва; съ какою радостію пожелалъ бы я тогда содѣлать тебя щасливѣйшею во всемъ востокѣ царицею!

Тако вѣщаешь и просишь, жаръ моьбы своей умножая слезами и воздыханіями.

Какъ глыба снѣга теплымъ воздухомъ и солнечнымъ сініемъ согрѣваемая пашетъ, такъ гнѣвъ ея, казавшійся шоль швердымъ, исчезаетъ, и однѣ шолько другія спрассти остаются. Обладай, повелѣвай мною, восклицаетъ она; управляй моими желаніями; воля швоя мнѣ законъ.

Между шѣмъ вождь Египетскій Эмиренъ, видя знамя свое поверженное на землю, сильнаго Римедона падшаго подъ мечемъ Готшфридовымъ, и многочисленное воинство свое или побитымъ, или бѣгущимъ, не хочетъ въ шоль бѣдшвенное время показашъ себя малодушнымъ; но ищетъ, и не щещно ищетъ, славной смерти отъ руки знаменитѣйшей.

Не почитая никого достойнымъ себѣ соперникомъ, скачетъ на конѣ къ Готшфриду, и повсюду, гдѣ пробѣзжаетъ, оказываетъ послѣдніе знаки опшчаянной храбрости. Далеко еще не достигши до него, вопіетъ ему: шеку отъ рукъ швоихъ умереть; но прежде нежели паду, хочу, чшобъ и шы палъ со мною.

Такъ вѣщаетъ ему; и въ шожъ время оба они подъемають копія свои. Эмиренъ прободаетъ щитъ Готшфридовъ и лѣвую руку его обезоружа уязвляетъ. Готшфридъ сильнымъ ударомъ, исторгшимъ его изъ сѣдла, поражаетъ его въ лѣвую ланишу, и когда

онъ, едва опомнясь, хотѣлъ оправиться, тогда, пронзенный въ чрево, палъ бездыханенъ.

По убіеніи Эмирена, изъ всего великаго ополченія Египтянъ остаеся малое токмо число разсѣянныхъ и бѣгущихъ; Готфридъ гонится за побѣжденными, но вдругъ останавливается; зрѣтъ окровавленнаго у ногъ своихъ Альшамора, съ изломаннымъ мечемъ, съ изрубленнымъ на главѣ шлемомъ; тысячу подъятыхъ на него копій окруженнаго. Верховный вождь восклицаетъ своимъ: престаньте; а ты, рыцарь, отдайся мнѣ въ плѣнъ; я Готфридъ.

Альшаморъ, котораго великая душа по сіе время ни единожды не подверглась униженію, услыша славное имя сіе, опъ предѣловъ Египта до странъ подъ созвѣдіемъ медвѣдицъ шолъ громкое, ошвѣтствоваль: покорюсь тебѣ, ты того достоинъ. Се мечъ мой, возми; побѣда швоя надо мною и славу принесетъ тебѣ и злато.

Меня злато моего царства и драгоценныя сокровища любезной супруги моей испуяшь изъ плѣна. Готфридъ отвѣтствуетъ: небо не дало мнѣ душу алчущую корыстей. Владѣй всѣмъ, что ты ошъ приморскихъ странъ Индіи и ошъ Персіе получаешь. Я на жизнь другихъ не налагаю

цѣны; я въ Азіи воюю, а не куплю дѣлаю или торгую.

Умолкъ; и поручаетъ его спражѣ своей для охраненія. Посемъ снова продолжаетъ гнаться за бѣгущими. Они стараются укрыться въ укрѣпленіяхъ своихъ, но и тамъ не могутъ избѣгнуть отъ смерти. Весь станъ ихъ взявъ, и поле покрыто трупамъ. Кровь отъ шапра къ шапру течетъ ручьями, искажая и обогрѣвая всѣ богатые добычи и пышные убранства и украшенія нечестивыхъ.

Тако побѣждаетъ Гошфридъ; и при оставшемся еще довольномъ свѣтѣ дня, верховный вождь, со всѣми прочими военачальниками, не скидая даже кровавой одежды своей, грядетъ въ освобожденный градъ, и тамо во святомъ храмѣ Спасителя, исполняя обѣтъ свой и повѣся оружіе, благоговѣнно покланяется великому гробу Христову.

Конецъ двадцатой и послѣдней пѣсни.

ЛОМОНОСОВЪ.

)Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова.)

Въ прошедшихъ бесѣдахъ имѣли мы честь почтеннымъ посѣщителямъ предлагать нѣкоторыя разсужденія о знаменитыхъ писателяхъ, украсившихъ нашу словесность. Мы сказали нѣчто о Теофанѣ, о семъ Златоустѣ нашемъ, совмѣстившемъ въ себѣ силу Димосеенова съ сладостию Цицеронова краснорѣчія. Мы говорили о Кантемирѣ, о семъ колкомъ саширикѣ, умѣвшемъ простою Рускою рѣчью такъ складно и остроумно осмѣивать пороки и прославлять добродѣтели. Должно и пріятно воспоминашь о столь отличныхъ мужахъ и спудъ ихъ вознаграждать благодарностию: имъ плашимъ мы достойную дань, а себѣ приносимъ пользу. Итакъ слѣдуя порядку временъ, въ которыя они процвѣтали, побесѣдуемъ теперь о знаменитѣйшемъ стихотворцѣ нашемъ Ломоносовѣ. Слава писателей опредѣляется достоинствомъ ихъ писаній и числомъ просвѣщенныхъ читателей. Она растетъ съ теченіемъ времени, и чѣмъ больше проходитъ вѣковъ, тѣмъ больше распространяется и становится безсмертною. Имя Ломоносова въ ученомъ свѣтѣ столь извѣстно и

громко, что стыдно не знать оного не-
 шокмо Рускому, даже иностранцу. Сей вели-
 кий мужъ появился на поприщѣ словесно-
 сти, какъ нѣкое чудо. Самый сѣвернѣйшій
 прай Россіи въ хладныхъ нѣдрахъ своихъ
 произвелъ сего пламеннаго пѣвца. Онъ ясно
 доказалъ собою, что высокій даръ стихо-
 творства есть нѣкое тайное ошъ судьбъ
 предъизбраніе, нѣкое особенное ошъ Неба
 вдохновеніе. Простой юноша, сынъ Холмо-
 горскаго рыбака, не слыхавшій ни о чемъ,
 возбуждающемъ просвѣщеніе, не выдавшій
 ни чего предъ собою, кромѣ неводовъ и сѣ-
 шей, по нѣкоей врожденной охотѣ обучаеш-
 ся грамотѣ и начинаешъ чашать псалмырь.
 Высокія Давидовы пѣснопѣнія сами со-
 бою, безъ всякаго руководства, вкрадыва-
 ются въ младое сердце и зароняють искру
 свѣта въ умъ и душу просшонароднаго ош-
 рока. Сія искра плѣшетъ въ немъ, разгараеш-
 ся, и производишь мужа, на котораго въ
 храмѣ славы безсмертіе рукою своею надѣ-
 ваетъ вѣнецъ. Безъимянный оспровъ; жили-
 ще промышленниковъ, былъ колыбелію того,
 котораго въ Невскомъ монастырѣ украшен-
 ный мраморнымъ памяшникомъ гробъ не
 престаюшь оплакивать Музы. Таковъ былъ
 Ломоносовъ! Воспалившаяся въ немъ жажда
 ученія превозмогаешъ всѣ препяшшвія. Онъ
 на семнашцашомъ году возрасташа своего безъ

денегъ, безъ пищи, въ одномъ нагольномъ шулуѣ, уходишь изъ дому отца своего и пробираешься въ Москву, чѣмъ тамъ вступишь въ какое нибудь училище. Ничто не останавливаетъ его: ни далекій путь, ни страхъ, ни нужда, ни опасность. Желаніе просвѣдѣться науками побѣждаетъ въ сердцѣ его всѣ другія желанія, какъ будто бы и тогда уже могъ онъ пользу ученія споль обширно воображать, какъ послѣ сказалъ:

Науки юношей питають,
 Отраду спарымъ подають,
 Въ щастливой жизни украшаютъ,
 Въ несчастный случай берегутъ;
 Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
 И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
 Науки пользуютъ вездѣ:
 Среди народовъ и въ пустынь,
 Въ градскомъ шумѣ и наединѣ;
 Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Юный Ломоносовъ, по прибытіи въ Москву, вступаетъ въ Заиконоспаское училище. Черезъ одинъ годъ спановишся уже онъ довольно силенъ въ Латинскомъ и начинаешь обучаться Греческому языку. Но Спаское училище не можешь удовлетворишь глубокому его любопытству. Онъ проситъ отправить его въ Кіевъ. Тамъ ученый и

краснорѣчивый Теофанъ примѣчаетъ ошрошу сего ошрока, и пріемлетъ его подъ свое покровишельство. Но и Кіевъ не ушолаетъ жажды его къ наукамъ. Онъ возвращается въ Москву и находить случай, для дальнѣйшихъ успѣховъ своихъ, быть посланъ въ Петербургъ. Тамъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ продолжаетъ обучаться философіи, математикѣ и стихотворству; оказываетъ опмѣнную склонность къ физикѣ, химіи; почерпаетъ первыя основанія въ рудокопномъ искусствѣ и другихъ наукахъ. Чрезъ нѣсколько потѣмъ времени опправляеиъ въ Германію къ славному тогдашнему философу и математикѣ Вольфу. Въ бытность свою въ Нѣмецкой землѣ, въ городѣ Марбургѣ, написалъ онъ первую оду на взятіе Хошина, и прислалъ ее въ Петербургъ къ тогдашнему Президенту Академіи Корфу, который напечаталъ ее и поднесъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ сей одѣ сверкали уже искры великаго пѣвца; уже описывая спрашныя препяшствія, предлежавшія нашимъ войскамъ, умѣлъ онъ съ достоинствомъ о нихъ сказать:

Но чптобъ орловъ сдержашъ полетъ,
 Такихъ препонъ на свѣшѣ нѣшъ.
 Имъ воды, лѣсъ, бугры, спремнины,
 Глухія степи, равень путь:

Гдѣ шолько вѣтры могушъ душь,

Проступяшъ памѣ полки орлины.

Между пѣмъ, какъ оду его, первое сего рода на Россійскомъ языкѣ швореніе, съ восторгомъ и удивленіемъ въ Петербургѣ читаюшъ, младый Ломоносовъ, пылкій воображеніемъ, богатый многими познаніями, но скудный имуществомъ, углубляясь въ науки, но не разсуждая о шомъ, о чемъ молодость не разсуждаешъ, влюбляешься въ бѣдную дѣвушку, женишься на ней, становишься опцемъ, впадаешъ въ долги, и спѣсняемый опчасу больше необходимыми нуждами, приходишь наконецъ въ опчаянное состояніе. Угрожаемый ежедневно бытъ посаженъ въ шемницу заимодавцами, и не видя ни опкуду помощи, рѣшаешься на послѣдокъ тайно уйти изъ Марбурга, въ намѣреніи обратиться въ Любекъ или въ Голландію, и опшолѣ моремъ опправишься въ Россію, гдѣ надѣялся онъ поправитъ свое состояніе и соединишься опять съ своимъ семействомъ. Такимъ образомъ пускаешься въ путь, пѣшкомъ, прося милосшыни. На дорогѣ, послѣ нѣсколькихъ дней путешествія своего, не подалеку опъ Диссельбурга въ небольшомъ селеніи опшавливаешься онъ на постояломъ дворѣ ночевашъ, и находишь путь Прускаго Офицера, набирающаго рекрушъ. Офицеръ начинаешъ съ нимъ разговаривашъ, распраши-

Часть IX.

20

ваешъ о его обстоятельстввахъ, изъясляешъ сожалѣніе свое къ его состоянію, даешъ ему нѣсколько денегъ и приглашаешъ его съ собою и съ бывшими еще при томъ товарищами своими ужинать. За столомъ они шумящъ, веселящъ, пьющъ такъ называемую *круговую рюмку* за здоровье Прускаго Короля. Успалый, голодный, нуждающійся Ломоносовъ, обласканный шоль великодушно и оплодъ не подозрѣвающій похвальнаго ремесла сихъ господъ людолововъ, опъ чистаго сердца веселился съ ними, благодарилъ ихъ за щедросту, за угощеніе, опкланивается имъ, возвращается въ свою комнатку, ложился съ радостію на постелю и засыпаешъ крѣпкимъ сномъ. Поутру проснувшись видитъ себя окруженна Прускими солдатами, которые поздравляють его своимъ сотоварищемъ. Удивленный словами ихъ щещно отрицаетъ онъ опъ сей непринадлежащей ему чести; щещно увѣряешъ ихъ, что онъ Россіянинъ, посвятившій жизнь свою наукамъ: обнаженные сабли и примкнутые шпыки доказываютъ ему сильнѣ Вольфовой Математики, что онъ Прускаго Рейшаръ. Такимъ образомъ бѣдный Ломоносовъ подъ спражею отводится съ прочими рекрутами въ караульню, гдѣ вмѣсто кошурновъ и Аполлоновой лиры надѣвають на него большіе сапоги съ шпорами и даютъ ему въ руки палашъ. Тутъ увидѣвъ

онъ , что никакое краснорѣчивое изліяніе горестныхъ чувствъ души его не доспашочно преклонитъ сихъ каменныхъ сердецъ на жалость. Для того , призвавъ на помощь свой , прибѣгаетъ къ иному средству: прищворяется веселымъ , проклинаятъ прежнее , хвалитъ новое состояніе свое , смѣется , шумитъ , поетъ пѣсни , и симъ образомъ , вкравшись въ довѣренность , ослабляетъ строгій надъ собою присмотръ. Достигнувъ до сего , ночью , во время крѣпкаго сна товарищей своихъ ; не смотря на угрожающую ему неминуемо въ случаѣ неудачи смертную казнь , вспааетъ пихонько , вылѣзаетъ въ окно , ползетъ по валу , чтобъ стоящіе на немъ часовые не могли его примѣнить; переплываетъ черезъ ровъ , и миновавъ удачно всѣ опасности , выбирается въ чистое поле , и мокрый , дрожащій , бѣжитъ изъ всей силы. На разсвѣтѣ слышитъ пушечный выстрѣлъ , знакъ погони за бѣглецомъ. Спрахъ придаетъ ему крылья. Уже видитъ онъ скачущихъ за собою всадниковъ , но успѣваетъ перейши границу и спасается отъ хищныхъ рукъ ихъ. Подивимся судьбамъ человѣческимъ ! одна минуша ранѣе въ погонѣ за нимъ , или одинъ шагъ опозданія его въ побѣгъ , опіяли бы у Ломоносова жизнь , и у Россіи славу произвешъ великаго талантами мужа. Однако промыслъ Божій опредѣ-

*

лилъ ему не позорною смертію умереть
 отъ Прусаковъ, но безсмертными стихами
 пѣть Петра, Елисавету, Екатерину!
 по возвращеніи своемъ чрезъ Амстердамъ
 въ Петербургъ выписалъ онъ оставшуюся въ
 Марбургѣ жену свою и дочь, вдался съ ве-
 ликимъ трудолюбіемъ въ науки, оказалъ глу-
 бокія знанія въ Химіи, Физикѣ, Есте-
 ственной исторіи и рудокопномъ искусствѣ.
 Сверхъ сего упражнялся въ составленіи мо-
 заическихъ картинъ; но болѣе всего от-
 крылъ великій даръ свой въ стихотворствѣ
 и краснорѣчіи. Онъ возведенъ былъ въ до-
 стоинство Профессора. Сочинилъ Грамма-
 тики, Риторикѣ, и многія разсужденія о
 наукахъ. Оставилъ безсмертными по себѣ
 памятниками Лирическія оды свои, письмо
 къ Графу Шувалову о пользѣ стекла, по-
 хвальные слова Петру и Елисаветѣ, и
 многія другія шворенія. Онъ обратился на
 себя взоры иностранныхъ ученыхъ об-
 ществъ, и привлекъ вниманіе и покрови-
 тельство Императрицы Елисаветы, Импе-
 ратрицы Екатерины впорой, и бывшихъ
 тогда первѣйшихъ Вельможъ: Графовъ Шува-
 ловыхъ, Графа Бесшужева, Графа Воронцо-
 ва, Графа Головкина, и многихъ другихъ.
 Императоръ Павелъ первый, изъ уваженія
 къ памяти его, освободилъ потомство его
 отъ плащежа подашей. Онъ умеръ въ Пе-

шербургѣ на 54-мъ году отъ рожденія своего; погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ надъ гробомъ его воздвигнутъ мраморный памятникъ съ слѣдующею надписью:

Въ память

Славному мужу

Михаилу Ломоносову

родившемуся въ Колмогорахъ

въ 1711 году,

бывшему Спашскому Совѣшнику,

С. Пешербургской Академіи Наукъ

Профессору,

Стокгольмской и Болонской

Члену,

разумомъ и науками превосходному,

знашнымъ украшеніемъ отечеству

послужившему,

Краснорѣчія, спихопворства

и исторіи Россійской

учителю,

Муссіи первому въ Россіи безъ руководства изобрѣ-

тателю,

преждевременною смертію

отъ Музъ и отечества

на дняхъ Святыя Пасхи 1765 года

похищенному,

воздвигъ сію гробницу

Графъ Михайло Воронцовъ,

слава опечесство съ шаковымъ
гражданиномъ и горестно соболѣзнуя
о его кончинѣ.

Мы крашко взглянули на жизнь Ломоносова. Взглянемъ шеперь съ шаковою же крапкосію на нѣкошорыя его шворенія. Пройдишь и показашъ всѣ разсѣянные въ нихъ красоты не вмѣстилось бы въ дващадать о немъ бесѣдъ: надлежало бы прочиташъ его опъ начала до конца. Ишакъ приведемъ себѣ на память хошя немногія изъ него мѣста. Вынушыя изъ цѣлости составъ, хошя, какъ разсыпанный изъ монисты жемчугъ, онѣ и потеряюшъ нѣчто опъ своей очаровашельности, однакожъ останутся еще столько прелестны, что каждое изъ нихъ, какъ рѣдная и особая жемчужина, веселишъ и удивляешъ взоры. Покажемъ ихъ. Слабыя показанія мои не придадутъ имъ никакой важности, но духъ и сила ихъ дадутъ важность моимъ показаніямъ. Ломоносовъ главною частію жизни своей процвѣшалъ въ царствованіе Елисаветы. Сія Монархиня кропосію права своего, покровительствомъ наукъ, и милоспивыми съ высошы престола воззрѣніями на опличный даръ сего нѣснопѣвца, умѣла воспламенишъ въ немъ шакую къ себѣ любовь и благоговѣніе, что

кажешся душа и разумъ его , при составленіи ей похвалъ , безпресшанно между собою спорили , кто превзойдешъ изъ нихъ усердіемъ : одна не могла насышиться изліяніемъ предъ нею чувствъ своихъ , другой не могъ ушомиться собираніемъ во всей природѣ цвѣтшовъ для украшенія сихъ чувствъ. Отсюду происходитъ , что гдѣ у посредственнаго пѣвца разумъ при недоспашкѣ чувствъ кажешся отвращительною лестію , или чувства при недоспашкѣ разума наскучивающъ единообразіемъ , пашъ Ломоносовъ волшебною силою пера своего увлекаешъ , преклоняешъ , убѣждаешъ чашателя равно съ нимъ мыслишь , чувствовашъ и любить воспѣваемую имъ Царицу. Возмемъ изъ разныхъ одъ его нѣсколько спрофъ , единственно на похвалу ей посвященныхъ , и посмотримъ , какъ каждая изъ нихъ при равной силѣ духа разнообразна вымысломъ и красотою. Надлежитъ ли возвеличить день шовъ , въ кошорой она родилась , онъ возглашаетъ :

Въ сей день, блаженная Россія,
 Любезна небесамъ спрана!
 Въ сей день отъ высоты Свяшья
 Елисавешъ тебѣ дана,
 Воздвигнуши Петра по смерти,
 Гордыню сопосташовъ шерти

И въ ужасъ оныхъ привести,
 Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавишь,
 Судьей надъ царствами поставишь,
 И выше облакъ вознеси.

Хочешь ли исчислить добродѣтели ея и
 чрезъ стихотворческое подобіе придашь
 имъ болѣ блеску, онъ говоритъ:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
 Повинныхъ съ кропосью казнишь,
 Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
 Ты осужденныхъ кровь щадишь.
 Такъ Ниль смиренно протекаетъ,
 Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
 Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
 Своею сладкою водою
 Въ лугахъ зеленыхъ пролипоу
 Златой даетъ Египту вѣкъ;

Что можешь быть маловажнѣе и простѣе
 сей мысли, что Елисавета по упряму умы-
 вается водою изъ Невы? но посмотримъ въ
 какую блистающую одежду умѣла облечь
 ее сей несравненный стихотворецъ:

О чистый Невскій покъ и ясный,
 Щастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ!
 Что сей богини ликъ прекрасный
 Кропишь теперь отъ струй своихъ,
 Сшремись, шуми, теки обильно,

И быстриной иввоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ
И больше устраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна злая.

Желаешь ли представишь славу сей Императрицы, когда она для спасенія Россіи съ собственною своею опасностію всходила на прародительскій престолъ? онъ обращаясь къ усѣянному въ ту ночь звѣздами небу, восклицаетъ:

О вы недремлющія очи
Спругущія небесный градъ!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оной часъ,
Впрошивъ естественному чину,
Петрову зрѣли дочь едину,
Когда пошла избавить насъ.

Должно ли изобразить радость войскъ при вступленіи ея на престолъ? послушаемъ какую мужественную рѣчь влагаешь онъ въ уста воиновъ, ожидающихъ въ дочери увидѣть воскресшаго опца:

По спогнамъ шумный гласъ несется
Елисаветинныхъ похвалъ,

Въ полкахъ спокрашно раздаешся:
 Великій Пётръ изъ мершвыхъ вспаль!
 Мы пройдемъ съ нимъ чрезъ огонь и воды,
 Преодолимъ бури и погоды,
 Поспавимъ грады на рѣкахъ,
 Мы дерзскій взоръ враговъ пошупимъ,
 На горды выи ихъ наспушимъ,
 На грозныхъ спанемъ мы валахъ.

Надобно ли царствованію ея пожелать щастія? онъ пакъ сего желаетъ:

Да возраспешъ ея держава,
 Богатство, щастье и полки,
 И купно дѣлъ геройскихъ слава;
 Какъ шокъ великія рѣки
 Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
 Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
 И множество градовъ поимъ,
 Разлившись на поля восходишь;
 Обильный шукъ на нихъ наводишь,
 И жатвы щедро богаишь.

Хочетъ ли пожелать всегданиго ей здравія? какими сильными сшихами изъясляетъ сіе желаніе:

Да будешъ шое невредимо,
 Какъ верхъ высокія горы
 Взираешъ непоколебимо

На мракъ и вредные пары;
 Не можешь вихрь его достигнуть,
 Ни громы страшные подвигнуть,
 Внесенъ къ безоблачнымъ снранамъ,
 Ногами шучи попираешь,
 Угрюмы бури презираешь,
 Смѣешься скачущимъ волнамъ.

Вотъ шайнство стихопворства! оно со-
 стоишь въ шомъ, чшобъ съ плодовишымъ
 воображеніемъ и благородною душою имѣшь
 обогащенный познаніями умъ, руководство-
 вавшись природою, чувствовашъ ея богат-
 штво и великолѣпіе, знашь языкъ свой и
 говоришь имъ просто, ясно, чисто, величе-
 сшвенно. Для достиженія сего пошребны:
 природное дарованіе, любовь къ истинѣ,
 къ наукамъ, къ добродѣтели; пришомъ шу-
 долюбіе, память, воображеніе и проница-
 тельность въ сходствѣ и сѣблєніи поня-
 шій, разборчивость разума въ силѣ и при-
 личіи, чувствившельность уха въ пропзноше-
 ніи, вкусъ и осторожность въ размѣщеніи
 словъ, и наконецъ пламенное чувство, обуз-
 дываемое спрогосшію разсудка. Слогъ да бу-
 дешъ ешесшвенъ, благороденъ, силенъ; бо-
 гашъ безъ излишества, смѣль безъ дерзо-
 ши, краснорѣчивъ безъ многословія, кра-
 шокъ безъ шемношы, быстръ или плавенъ,
 громокъ или шихъ, смотря по шому, какъ

гдѣ пристойно. Соединеніе всѣхъ сихъ качествъ есть весьма рѣдкое достоинство, не всѣми чувствуемое, не скоро познаваемое, часто пренебрегаемое; но сохраняющее всегда цѣну свою и пошому-то истинно великимъ талантамъ, ни какой время отъ времени возникающій шумъ невѣжества не воспреняшствуешь побѣдоносно шествовать въ храмъ славы и безсмертія. Тамъ и нашъ Ломоносовъ. Онъ правду о себѣ сказалъ:

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будущъ вѣкъ хранишь
Дѣла Пепровой дщери громки,
Что спанушь поздны чести попомки.

Такъ! великій мужъ! мы читаемъ тебя и не перестанемъ читать, доколѣ будешь въ насъ умъ и душа. Красоты стихотвореній твоихъ безсмертны, пошому что разумъ, умѣвшій шоль величественно изображать природу, подобно ей не старѣется, не умираетъ. Умретъ ли когда сіе воззваніе къ натурѣ, сей образъ ея, шоль смѣлою кистію

начерпанный, и сіе соучастіе, пріемлемое
ею въ радости Россіи о рожденіи Елиса-
вешы:

О дщерь гремящаго надъ нами,
О маши всѣхъ племень земныхъ!
Нашура чудная дѣлами,
Какъ естѣли пайнѣ шны своихъ
Меня достойнымъ бышь судила,
И естѣли слаба мыслей сила
Проникнувъ можешь въ швой чершогъ;
Представъ мнѣ оную годину,
И купно бѣгъ свѣшилъ по чину,
Какъ Вышній далъ намъ сей залогъ.

Сквозь тучи бывшія печали,
Что люшый рокъ на насъ навелъ
Какъ горы о Пешрѣ рыдали
И поншъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь спрашны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу шопъ пресвѣплый часъ:
Тамъ вокругъ молодой Елисавешы
Сіаюшъ щаспливы планешы,
Я слышу шамъ Нашуры гласъ.

Сѣдя на блещущемъ престолѣ
Соспавленномъ изъ швердыхъ горъ;
Въ просшранномъ всѣхъ швореній полѣ

Между стихій смиряешъ споръ;
 Сосцами всяку плотъ пищаетъ;
 Опъ чрева рѣки проливаетъ,
 Зелену ризу по лугамъ
 И по долинамъ разширяя,
 Изъ устъ Зефирами дыхая,
 Съ веселіемъ вѣщаетъ къ намъ:

Я съ вами нынѣ шоржескую,
 Мнѣ сихъ часовъ краснѣе нѣтъ,
 Что героиню шаковую
 Въ сей день произвела я въ свѣтъ.
 Въ ней хитросъ вся моя и сила
 Возможносъ крайню положила;
 Я избрала щасливой знакъ
 Надежду показашъ нелестну:
 Въ пространну высоту небесну
 Прилѣжно возведише зракъ.

Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
 И къ вамъ печетъ умножишь день;
 На Сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
 И онымъ прогоняетъ тѣнь,
 Являя, что Елисавета
 Въ Россіи усугубишь свѣта
 Державой и вѣнцемъ своимъ.
 Ермій наукамъ предводишель

И Марсъ на брани побѣдитель
Блิสшающъ совокупно съ нимъ.

Тамъ мужъ звѣздами испещренный
Свой свѣплый напрягаешъ лукъ,
Діана стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мечетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показуешъ ясно,
Коль шо съ доброшами согласно.
Рожденныя въ признакахъ сихъ
Опъ ней геройство съ красою
Повсюду миромъ и войною
Лучи пускающъ дней злапыхъ.

Сіе предвѣстіе природы
Хотя представило шога,
Чшо ты возвеселишь народы,
О главъ вѣнчанныхъ красоша!
Но вящша радость восхищала
Взирающихъ и оживляла,
Когда даровъ пвоихъ признакъ
Надежныѣ въ лицѣ ошкрылся,
Чшо шочно въ немъ изобразился
Родителей великихъ зракъ.

Въ шебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блиспаніе вліяли

Въ швои пресвѣплы очеса,
 Лице всходлщія денницы,
 И бодрость быспрыя орлицы,
 И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
 Уже младенческіе взгляды
 Предвозвѣщали шѣ ошрады,
 Что бѣднымъ нынѣ ошѣемлюшъ сшрахъ.

Погибнешъ ли когда сія прекрасная оговор-
 ка, изъ копорой полилось поликое богат-
 ство мыслей и поликая рѣка краснорѣчія:

Что часто солнечныхъ сравниемъ
 Тебя, Монархиня, лучамъ;
 Ошъ нужды дѣль не прибѣгаемъ
 Къ однѣмъ шоль много крашъ рѣчамъ:
 Когда ни начинаемъ слово,
 Сіяніе въ тебѣ зримъ ново,
 И нову красошу добротъ.
 Лишь шолько умъ къ тебѣ возводимъ,
 Мы ясношъ солнечну находимъ,
 И многихъ теплошу шедротъ.

Когда премудрошью своею
 Всевышній солнце сошворилъ,
 Пути различны надъ землею
 Въ теченіи опредѣлилъ:
 Согрѣвъ полночну часъ Европы

Сіеешь въ южны Египты,
 И паки къ намъ приходитъ вспяшь;
 Полсвѣща дневной теплошюю,
 Полсвѣща тучной въ ночь росюю
 Премѣнно щипишься оживляшь,

Такъ ты, Монархиня, сіеешь
 Въ концы державы швоея,
 Когда по онымъ протекаешь,
 Оспраду, радость, жизнь дая.
 Опъ славныхъ водъ Балтійскихъ края
 Къ востоку пушь свой проспирая,
 Являешь полдень надъ Москвой.
 Ты многимъ какъ заря восходишь,
 Инымъ прохладну тѣнь наводишь,
 И обще всѣмъ даешь покой.

Въ пуши, копорымъ пролетаешь,
 Какъ быспрой въ высотѣ орель,
 Куда свой взоръ ни обращаешь,
 По множеству градовъ и сель;
 Опъ всѣхъ къ тебѣ простершы взоры,
 Тобой всѣхъ полны разговоры,
 Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ шрудъ.
 Дишя родившихъ вопрошаешь:
 Не шая ли на насъ взираешь,
 Чшо матерію всѣ зовушь?

Иной опъ староспи нагбенный
 Проспершь спарается хребешъ ,
 Главу и очи ушомленны
 Возводишь, гдѣ швой блещешъ свѣшъ.
 Тамъ видя возраспъ безсловесный,
 Монархия, швой зракъ небесный,
 Любезну оспавляетъ грудь;
 Чего лзыкъ не изъясняешъ,
 Усмѣшкой то изображаешъ ,
 Послѣдуя очами въ пущь.

Среди наслѣдныя державы,
 На древней предковъ высопѣ ,
 Во громкомъ звукѣ вѣчной славы,
 Въ любезной мира красотѣ,
 Надѣясь швоего прихода ,
 Колико множество народа
 Тебѣ во срѣтенье печешъ!
 Встаютъ верьхи Рифейски выше,
 Течешъ Двина, Днѣпръ, Волга шише ,
 Желая швой увидѣшь свѣшъ.

Вопъ въ какомъ величїи представляешъ Ло-
 моносовъ пупешествующую по Россїи обла-
 дательницу ея! — съ какимъ искусствомъ
 умѣешъ онъ перемѣнлять звуки злалоспрун-
 ной лиры своей! начинаешъ оговоркою, что
 часшо уподобляешъ ее солнечнымъ лучамъ,

и какую вмѣстѣ величавую и остроумную сыскиваетъ тому причину! мнимое, какъ бы отъ нѣкоей скудости мыслей, извиненіе въ повтореніи одного и того же уподобленія, превращается въ самое великолѣпнѣйшее оправданіе, и рождаетъ новую силу воображенія, новыя красоты повѣствованія, при которыхъ исчезаетъ солнце; сіе свѣтило міру, и блистаетъ Елисавета! забываешь о печеніи его по пространству неба, и видишь, какъ она пролетаетъ по градамъ и селамъ: видишь съ перемѣнными въ сердцѣ чувствами, по умиленнаго ею спарца, по усмѣхающагося вслѣдъ ей младенца, по, какъ бы въ нѣкоторомъ восторгѣ, весь народъ, вмѣстѣ съ возстающими горами и цѣпенѣющими рѣками, взирающій на нее съ любовію и удивленіемъ. Какой переходъ отъ свирельнаго къ трубному гласу! отъ сихъ нѣжныхъ о младенцѣ выраженій:

Любезну оставляетъ грудь;

Чего языкъ не изъясняетъ,

Усмѣшкой то изображаетъ

Послѣдуя очами въ пушь;

къ сему огромному движенію природы:

Встаютъ верхи Рифейски выше,

Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга пише,

Желая твой увидѣшь свѣтъ.

*

Такъ прельщаетъ, такъ очаровываетъ спиховорецъ сей чипашеля, восхищая разумъ его прекраснѣйшими изображеніями, и вливая въ душу его подобныя своимъ чувства любви и благоговѣнія къ воспѣваемой имъ Царицѣ! — но мы чипали его ошрывками; прочитаемъ теперь цѣлую оду. Воздержимся слабыми нашими замѣчаніями препинашь шоржесшвенное ея шесшвіе. Дадимъ вниманію слушаателя полную свободу слѣдовать за симъ великимъ пѣснопѣвцемъ, который поведешъ его изъ силы въ силу, изъ красоты въ красоту. Скажемъ сперва содержаніе сей избранной нами оды., Сочинишель поздравляетъ Императрицу съ восшествіемъ ея на престоль; желаетъ, чѣтобъ наславшій годъ былъ для нее благополученъ; обращается къ Музамъ и говоритъ имъ, чѣто хопя бывшій недавно пожаръ въ Академіи опечалилъ ихъ, но чѣтобъ онѣ при шоликомъ всеобщемъ веселіи печаль свою забыли; описываетъ радость народа при появленіи Императрицы, и страхъ враговъ при услышаніи, чѣто она воцарилась; исчисляешъ душевныя и шѣлесныя ея достоинства; изображаетъ Россію въ видѣ нѣкоего лица, разсуждающаго о своемъ благополучномъ состояніи; говоритъ о Пешербургѣ, изъявляющемъ радость свою освѣщеніемъ улицъ и домовъ; представляетъ Москву, ожидающую уви-

дѣтъ свою Монархию; желаешь, чтобъ она
шуда побѣхала, сказывая что Петербургскіе
жишеля будущъ между шѣмъ упражняпсья
въ полезныхъ шрдахъ, что зависишь не по-
смѣешь нарушишь ихъ покоя, и что ежели
посмѣешь, то Богъ для ней ниспослешъ
имъ свою зашщпу.“—Вопъ содержаніе оды,
простое, весьма обыкновенное, ничего ош-
мѣннаго не предшавляющее взорамъ; но по-
смотримъ, какими вымыслами украсилъ, ка-
кими воображеніями обогатилъ, какимъ кра-
снорѣчьемъ усладилъ, въ какую силу, важ-
ность, великолѣпіе, красосу обленъ его Ло-
моносовъ. Подивимся превосходству ума его.
Послушаемъ :

Заря багряною рукою
Ошъ упреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, возсіяло.
И нашихъ искренность сердець
Предъ трономъ Вышняго пылаешъ,
Да щастіемъ швоимъ вѣнчаешъ
Его средину и конецъ.

Да движущя свѣтила спройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно

Въ тебѣ послушныхъ берегахъ;
 Вражда и злость да испребишся,
 И огонь и мечъ да удалится
 Отъ странъ твоихъ и всякій вредъ;
 Весна да размѣшется нѣжно,
 И рапай въ нивахъ безмятежно
 Спориный плодъ да собереть.

Съ способными вѣспрами спора
 Терзашъ да не дерзнешъ борей
 Покрытаго судами моря
 Пловущими къ землѣ твоей.
 Да вѣхъ глубокий миръ пишаетъ;
 Желѣзо браней да не знаетъ,
 Служа въ шрудѣ безмолвныхъ селъ.
 Да злобна зависть поспыдидися,
 И славѣ свѣтъ да удивидися
 Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Священны да храняшъ уклады
 И правду на судѣ судьи;
 И время твоея державы
 Да ублажатъ раби твои.
 Сосѣды да блюдутъ союзы;
 И вамъ, возлюбленныя Музы
 За горьки слезы и за страхъ,
 За грозно время и плачевно,
 Да будешъ радость повсядневно,
 При Невскихъ обновись струяхъ.

Годину шу воспоминаю ,
 Среди ушѣхъ мянешся умъ !
 Еще крушищся мгла густая ,
 Еще наносишь спрашный шумъ !
 Тамъ буря искры завиваетъ ,
 И алчный пламень пожираетъ
 Минервинъ съ громкимъ прескомъ храмъ !
 Какъ мѣдъ въ горнилѣ, небо рдѣся ,
 Богашство разума спремѣися
 На низъ къ шрепещущимъ ногамъ .

Дражайши Музы, опложите
 Вводишь на мысль печали шѣнь;
 Веселымъ гласомъ возгремите ,
 И пойте сей великій день ,
 Когда въ опеческой коронѣ
 Блеснула на Россійскомъ тронѣ
 Яснѣ дня Елисаветъ;
 Какъ ночь на полдень премѣнилась,
 Какъ осень намъ съ весной сравнилась
 И тѣма произвела намъ свѣтъ .

Въ луга усыпанны цвѣтами
 Царица шрудолубныхъ пчелъ,
 Блестящими шумя крылами
 Летишь между прохладныхъ селъ;
 Шекается оставивъ розы
 И сопомъ напоенны лозы

Со щираниемъ отъсюду рой,
 Свою Царицу окружаетъ,
 И тѣсно въ слѣдъ ея лепшется
 Усердіемъ вперенный строй.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
 Шекался здѣсь Россійскій родъ,
 И радостию восхищенный
 Тѣснясь взиралъ на твой приходъ.
 Младенцы купно съ сѣдиною
 Спѣшили слѣдомъ за побою.
 Тогда великій градъ Пешровъ
 Въ едину спогну умѣстился,
 Тогда и вѣпръ остановился,
 Чпобъ плескъ всходилъ до облаковъ.

Тогда во всѣ предѣлы свѣта
 Какъ молнія доспигнуль слухъ,
 Что царствуетъ Елисавета
 Пешровъ въ себѣ имѣя духъ.
 Тогда неспройные сосѣды
 Ошчаялись своей побѣды,
 И въ мысли опспупали вспяшь.
 Монархиня! кто Россовъ знаетъ,
 И ревность ихъ къ тебѣ внимаешь,
 Помыслишь ли пропиву спашь?

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
 Руки своей просперти къ намъ,
 Твои онъ силы почиаетъ
 И власть подобну небесамъ.
 Левъ нынѣ шокмо зришь ограду,
 Чѣмъ пушь ему пресѣченъ къ спаду.
 Но море нашей пишины
 Уже предѣлы превосходишь,
 Своимъ избыткомъ миръ наводишь,
 Разлившись въ западны страны.

Европа утомленна въ брани
 Изъ пламени поднявъ главу,
 Къ тебѣ свои просперла длани
 Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
 Твоя крошчайшая природа,
 Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода,
 Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
 Склонилась для ея защипы,
 И мечъ твой лаврами обвишь
 Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Европа и весь міръ свидѣтель
 Народовъ разныхъ миліонъ,
 Колика нынѣ добродѣтель
 Россійскій украшаетъ шронъ.
 О какъ сіе насъ услаждаетъ,
 Что вся вселенна возвышаетъ,

Монархія, твои дѣла!
 Народовъ Твоея Державы
 Различна рѣчь, одежда, нравы,
 Но всѣхъ согласна похвала.

Единымъ гласомъ всѣ зываемъ,
 Что ты защитница и мать,
 Твои доброты исчисляемъ;
 Но всѣхъ не можемъ описатьъ.
 Когда воспѣть щедроты щиримся,
 Безгласны красотѣ чудимся.
 Побѣды ль славить мысль печетъ,
 Какъ пали Гошфы предъ шобою?
 Но больше мирною рукою
 Ты цѣлой удивила свѣтъ.

Весьма необычайно дѣло,
 Чтoby всѣми кто дарами цвѣлъ:
 Топъ крѣпкое имѣетъ тѣло,
 Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ;
 Въ другомъ блискаетъ умъ небесный,
 Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
 И духу силъ недоспаетъ.
 Иной прославился войною,
 Но жизнью миръ порочить злою,
 И самъ съ собой войну ведетъ.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
 Душѣй и плѣла красотою;
 Что въ многихъ раздѣлясь блистають,
 Едина всѣ имѣешь ты.
 Мы видимъ, что въ тебѣ единой
 Великій Пётръ съ Екатериной
 Къ блаженству нашему живешь.
 Похвалъ пучина отворилась!
 Смущенна мысль остановилась,
 Что словъ къ тому недостаешь!

Однако духъ еще спремится,
 Еще кипитъ сердечный жаръ,
 И ревность умолчать спыдишся:
 О Муза! усугубь твой даръ;
 Гласи со мной въ концы земныя,
 Коль нынѣ радостна Россія!
 Она коснувшись облаковъ,
 Конца не зришь своей Державы;
 Гремящей насыщена славы,
 Покоишься среди луговъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
 Своими чистыми спруями
 Шумя, спадамъ наводятъ сонъ,
 Сѣдишь и нѣги проспираешь

На степь, гдѣ Хину ошдѣляешъ
 Проспранная спѣна опъ насъ;
 Веселый взоръ свой обращаешъ,
 И вокругъ довольства исчисляешъ,
 Возлегли лакшемъ на Кавказъ.

Се нашею, рекла, рукою
 Лежишь поверженный Азовъ;
 Рушитель нашего покою
 Огнемъ казненъ среди валовъ;
 Се знойные Каспійски бреги,
 Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
 Сквозь степь и блаша Пешръ прошелъ,
 Въ средину Азіи достигнулъ;
 Свои знамена шамъ воздвигнулъ,
 Гдѣ день скрывали тучи спрѣлъ.

Въ моей послушности крупяпся
 Тамъ Лена, Обь и Енисей,
 Гдѣ многіе народы щашся
 Драгихъ мнѣ въ даръ ловишь звѣрей;
 Едва покровъ себѣ имѣя,
 Смѣюся люпости Борея;
 Чудовищамъ дерзаюшь въ слѣдъ,
 Гдѣ верхъ до облакъ просшираешъ,
 Угрюмы тучи раздираешъ,
 Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

Здѣсь Дняпръ хранишь мои границы,
 Гдѣ Готфъ гордящійся упалъ
 Съ торжественныхъ колесницы,
 При коей въ узахъ онъ держалъ
 Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,
 Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
 Единой обращалъ рукой.
 Но палъ и звукъ его достигнулъ
 Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
 Съ Дунайской Вислу быстриной.

Въ снѣгахъ Петровыхъ пропекаешь
 Полна веселья шамъ Нева,
 Златой порфиною блистаешь,
 Покрыша лаврами глава.
 Тамъ равной ревностью пылають
 Сердца какъ спогны всѣ сіяють
 Въ исполненной утѣхъ ночи.
 О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
 Пешрополь небу подражая
 Подобны испустилъ лучи.

Сіе Россія посхищенна
 Въ веселіи своемъ гласишь;
 Москва едина на колѣна
 Упавъ передъ побой спойишь
 Власы сѣдые проспираешь,
 Тебя, Богиня, ожидаешь,

Къ тебѣ единой вопія:
 Воззри на храмы опаленны,
 Воззри на стѣны разрушенны;
 Я жду щедроты швоея.

Гряди, краснѣйшая денницы,
 Гряди, и свѣплосью лица
 И блескомъ чистой багрянцы
 Утѣшь печальныя сердца,
 И время возвраши златое.
 Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
 Къ полезнымъ припадемъ шрудамъ.
 Отсушшвуя пы будешь съ нами:
 Покрышымъ Орлими крилами
 Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

Но естли гордость ослѣпленна
 Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
 Тебѣ, въ женахъ благословенна,
 Прошивъ ея помощникъ Богъ.
 Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонишъ,
 И шучи спрашныя нагонишъ
 Во срѣтеніе врагамъ швоимъ.
 Лишь только ополчишься къ бою,
 Предъидетъ ужасъ предъ шобою,
 И слѣдомъ воскуришся дымъ.

*

*

*

Такъ пѣлъ Ломоносовъ, соловей Елиса-
вешина вѣка. Аполлонъ кажется далъ ему
свою лиру; природа открыла ему свои та-
инства; науки озарили умъ его своимъ свѣ-
томъ; языкъ вручилъ ему ключъ отъ сво-
ихъ сокровищъ. Елисавета съ высоты пре-
спода снисхожденіемъ своимъ къ нему и
щедротами воспламеняла душу его, часто
изливавшуюся въ сихъ и подобныхъ сему
восторгахъ:

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верхъ олимпа вознесенъ!
Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блещающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нужно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха пріятство
Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

Чтожь се? Діанѣ я прекрасной
Ужѣ послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрылся хочешь звѣрь въ кустахъ!
Ужѣ и купно со денницей
Великолѣпной колесницей
Въ безоблачныхъ спранахъ несусь!

Блаженство мыслямъ непонятно!
 Благополученъ многокрашно,
 Когда нещепнымъ сномъ я льщусь!

Преспанъ сомнѣньемъ колебашся,
 Смященный духъ мой, и повѣрь:
 Не ложны то мечшанья зряшся,
 Но истинно Петрова дщерь
 Къ наукамъ машерски снисходишь,
 Щедрою въ воспоргъ приводишь.
 Ты, Муза, лиру пріими,
 И чпобъ услышала вселенна,
 Коля жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
 Возникни, вознесись, греми.

Наконецъ восхищавшая духъ Ломоносова, прославляемая имъ споль долгое время Елисавета пресѣлется опъ временной жизни къ вѣчной. По крашкомъ царшвованіи Петра прешьяго восходишь на престоль Екашерина вшорая. Ломоносовъ беретъ лиру и возглашаетъ:

Внемлите всѣ предѣлы свѣша,
 И вѣдайте, чпó можешь Богъ!
 Воскресла намъ Елисавета:
 Ликуешъ церковь и чершогъ.
 Она, или Екашерина?
 Она изъ обѣихъ едина!

Ея и бодрость и восходъ
 Злапой наукамъ вѣкъ возставишь,
 И ошъ презрѣнія избавишь
 Возлюбленный Россійскій родъ.

Россійскій родъ, коль ты ужасенъ
 Въ поляхъ прошивъ своихъ враговъ;
 Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасенъ.
 Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
 Полки сражая, внѣ воюешь;
 Но внутрь безъ крови шоржесствуешь.
 Ты буря памъ, здѣсь пишина.
 Умѣренность тебѣ въ кровь бранну,
 Въ главу побѣдами вѣнчанну
 Ошъ прехъ въ сей вѣкъ богиня дана.

Въ иномъ мѣстѣ говоришь онъ о самомъ себѣ:

Геройскихъ подвиговъ хранитель
 И проповѣдатель Парнасса,
 Время и рока побѣдитель,
 Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,
 Приближи къ небесамъ вершины,
 И для похвалъ Екатерины,
 Какъ наша радость, расцвѣтай.
 Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
 Борей преврати въ Зефиры,
 Представь зимой въ полнощи рай.

Среди шоржестивеннаго звуку
 О ревности моей увѣрь,
 Чшо нынѣ чпя Пешрову внуку,
 Пою, какъ пѣлъ Пешрову дщерь.
 Ни моего преклонность вѣка,
 Чшо слабишь духъ у человѣка,
 Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
 Ниже зависливы злодѣи,
 Чрезъ вредны восняшяпъ зашѣи
 Почтительный къ Монархамъ духъ.

Впрочемъ Ломоносовъ сколько по оспрошѣ ума своего умѣлъ хвалишь царей и возвышать ихъ славу, сполько же по благородству души своей и усердію къ нимъ умѣлъ влагать въ уста ихъ царскія мысли. Елисавета говоритъ у него:

Я Россю щаспьемъ услаждаюсь,
 Я ихъ спокойствіемъ не мѣняюсь
 На цѣлый западъ и воспокъ.

или:

Владѣть хочу Зефира пише;
 Мои всѣ мысли и залогъ
 И воля данная мнѣ свыше
 Въ устахъ прощенье, въ сердцѣ Богъ.

Не рѣдко давалъ онъ имъ смѣлыя, но
полезныя и спасительныя совѣты, какихъ
языкъ льстиваго и лукаваго сердца никогда
не скажешь:

Услышьте судіи земныя,
И всѣ державныя главы:
Законы нарушаютъ Святые,
Ошъ буйности блюдишесь вы,
И подданныхъ не презирайте;
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, прудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедросту,
Народну наблюдайте льгошу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

И попомъ, обращая вниманіе ихъ на под-
власныхъ скипетру ихъ людей, присово-
купляетъ:

Любите ихъ, любите вѣру:
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покаретъ
Твердѣ всякаго щипа.

Итакъ мы видимъ, что въ Ломоносовѣ
даръ стихотворства изощренъ науками, уп-
режденъ прудолубіемъ, обогащенъ знаніемъ
языка своего, соединенъ съ любовію къ оше-

*

честиву, съ усердіемъ и вѣрностію къ престолу, съ благоговѣніемъ къ вѣрѣ. Таковъ долженъ бытъ писатель! безъ наукъ и труда, безъ крошечки во нравѣ и благомыслія въ душѣ, огонь ума есть не иное что, какъ пожирающій добродѣтели пламень, ослѣпляющій лжесіяніемъ своимъ взоры малодушія и легкомыслія, не способный просвѣщать, ни утѣшать смертныхъ, и не могущій никогда водвориться въ храмъ истинной славы. Да погибнетъ разумъ безъ благонавія, мудрость безъ правды, даръ слова безъ честности, оспроша ума безъ добродушія! — Главная сила и способность Ломоносова состояла въ Лирическихъ твореніяхъ; однако жъ и въ Эпическомъ пѣснопѣніи оказалъ онъ превосходный талантъ. Онъ началъ писать поэму Пётръ Великій, но смерть пресѣкла его труды. Онъ окончилъ только двѣ пѣсни, изъ которыхъ видно, что ежели бы судьба допустила его совершить весь трудъ, то безъ сомнѣнія исправленный и полный спалъ бы онъ на ряду съ тѣми поэмами, которыхъ рука времени безсильна сокрушить. Онъ начинаешь поэму свою слѣдующимъ изображеніемъ воспѣваемаго имъ мужа:

Пою премудраго Россійскаго героя,
Что грады новыя, полки и флоты строю,

Отъ самыхъ вѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ
войну,

Сквозь страхи проходя, вознесъ свою спрану;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ поправъ
прошивныхъ,

Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и
льспивныхъ,

Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

По семъ краткомъ и вѣрномъ исчисленіи дѣлъ Петровыхъ, вмѣсто Аполлона и Музъ, обращается онъ къ премудрости, и призывая ее на помощь, говоритъ:

Къ тебѣ я вопію, премудрость безконечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность
сердечна,

И полонъ ревности спѣшишь въ восторгѣ духъ,
Петра Великаго гласишь вселенной въ слухъ,

И показашъ, какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханный опытъ вѣка;

Съ какимъ усердіемъ отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя:

Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смотри весь смертныхъ родъ, смотри земны
владыки,

Познающъ, что Монархъ, и что отецъ прямой,

Спроишель, плавашель, въ поляхъ, въ моряхъ
герой.

Дабы Россійскій родъ во вѣки помнилъ швердо,
Коль, небо! ты ему явилось милосердо.

Ты мысль мнѣ просвѣши, дѣлами Пётръ
снабдишь,

Велика дочь Его щедротой оживишь.

Послѣ сего прекраснаго воззванія обраща-
ясь къ царствующей тогда Елисаветѣ, до-
чери Петровой, продолжаешь:

Богиня, коей власъ владычествъ всѣхъ пре-
выше,

Державство кропкое весны прекрасной пише,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышній естъ
законъ,

Ты внимлешь съ кропосью мой слабый лир-
ный звонъ:

Склони, склони свой слухъ, когда я предъ
Тобою

Дерзаю возгласишь военною шрубою

Тебя родившее велико божество!

О море! о земля! о пварей естество!

Монархини, моей вы праву подражайте,

И гласу моему со кропосью внимайте.

Пошомъ по описаніи бури, постигшей Петра Великаго въ плаваніи по Бѣлому морю, и кошорую изображаетъ онъ такими же бурными, какъ сама она, стихами:

Закрылись крайніе пучиною лѣса;
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліяны небеса.
Тутъ вѣпры сильныя имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ споронъ сложась къ погибельной
напаси,

На западъ и на югъ, на сѣверъ и воспокъ
Стремятся и вертятъ мглу, влагу и песокъ;
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой прескъ соеди-
няютъ;

Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ,
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнь
летѣлъ.

По описаніи, говорю, сей бури, прерываешь онъ позѣствованіе свое, и какъ бы при началѣ ушомленный ужѣ великостію труда своего, возглашаетъ къ чинашелямъ:

О вы рачишели и слушатели словъ,
Въ которыхъ подвигъ вамъ прилпенъ есть
Петровъ,

Едина испинна возлюбленна и сродна,
Ошъ вымысловъ краса Парнаскихъ не угодна!
Позвольте между шѣмъ, чѣтобъ слаба мысль моя

И голосъ опочилъ, пруды его поя.
Въ Кастальски рощи я не съшѣмъ себя склоняю,
Что онымъ тамъ сыскашь красу и силу чаю;
Ключи, источники, долины и цвѣты
Не могутъ дѣль его умножить красоты,
Собой они красны, собой они велики;
Ошважась въ долгій путь, гдѣ шрудности
шолки,
Ищу, чтобъ иногда имѣть себѣ покой;
Въ убѣжища сіи склонишесь вы со мной,
Дабы яснѣе зрѣшь съ высокихъ мѣстъ и
красныхъ
Пешра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ
бѣдахъ ужасныхъ,
И славы истинной въ блистающихъ лучахъ.
Какое зрѣлище мечтается въ очахъ?
Я на земли стою, но спрахомъ колебаюсь,
И чаю, что въ волнахъ свирѣпыхъ погружаюсь!
Мнѣ всякая волна бытъ кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ обрушась на Пешра

Въ описаніяхъ и вымыслахъ своихъ не уступаетъ онъ знаменитѣйшимъ писателямъ. Таково, напримѣръ, описаніе солнца въ большихъ широтахъ, гдѣ на морѣ можно видѣть его въ полуденной и полуночной вышотѣ, шакожъ и вымышленное Нептуново жилище:

Достигло дневное до полночи свѣшило,
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
 Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
 И проспирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
 Среди претудныхъ при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи злашихъ зыбей пловцамъ сверкають
 въ очи.

Отъ сѣвера спада морскихъ приходящъ чудъ
 И воду вихрями крутящъ, и къ верху бьющъ,
 Предшешвуя Царю пространныя пучины,
 Что двинулся къ Пешру, ошибкою повинный,
 Изъ глубины своей, гдѣ царшвуешь на днѣ.
 Въ недосыгаемой отъ смертныхъ споронѣ,
 Между высокими кремнистыми горами,
 Что мы по зрѣнію обыкли звать мѣлями,
 Покрытый золошымъ пескомъ простерся долъ;
 На томъ сего Царя палаты и прешоль.
 Шолпы вокругъ его огромные кристаллы,
 По коимъ обвилися прекрасные кораллы.
 Главѣ ихъ сложены изъ раковинъ вишнихъ,
 Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ шучъ
 густыхъ,

Что кажешь укрошая намъ громовая буря;
 Помощь изъ аспида и чистаго лазури.
 Палаты изъ одной изсѣчены горы;
 Верхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
 Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
 Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.

Тамъ пронь жемчугами усыпанный яншаръ;
 На немъ сидишь волнамъ сѣдымъ подобенъ царь.
 Въ заливы, въ Океанъ десницу просшираешь,
 Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваешь.
 Одежда Царская порфира и виссонъ,
 Чшо сильныя моря несутъ ему предъ шронъ.
 Ни мразы, ни бореи шуда не досягають,
 Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникають.
 Ошъ хлябей сихъ и безднъ владѣшель водъ
 возникъ:

Воздвигли радостной морскія пптицы кликъ.
 Онъ въ слѣдъ къ плывущему герою обратился,
 И новости судовъ Петровыхъ удивился.

Двѣ пѣсни сей поэмы, не взирая на нецѣ-
 лость свою, и нѣкоторыя не вычищенные
 въ нихъ небрежности, останутся въ Рос-
 сійской словесности безсмертными, равно
 какъ и письмо къ Шувалову о пользѣ сте-
 кла, собраніемъ доказательствъ, ученостию
 разсужденій, и красотою стиховъ прево-
 сходное. Ломоносовъ испыталъ силы свои и
 въ драматическихъ сочиненіяхъ. Онъ напи-
 саль двѣ трагедіи; но въ семъ родѣ та-
 лантъ его повиновался больше разуму, не-
 жели сердцу. Онъ вмѣсто изображенія спра-
 стей человѣческихъ увлекался склонностию
 звучать и гремѣть. Однакожь и въ нихъ,
 шамъ, гдѣ приходилось ему говорить сво-

имъ языкомъ , есть сильныя мѣста и великолѣпныя описанія. Такъ , на примѣръ изображаетъ онъ смерть Мамаева:

Какъ шигрь ужъ на копѣхъ хоща ослабѣваетъ,
Однако посмотривъ на раненой хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
И раповище злясь въ себѣ зубами рветъ;
Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай
рукою;

Но палъ и шрясучись о землю пыломъ билъ,
Изъ раны чорна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обрашилъ,
Разинуль челюсти; но гласа не имѣя,
Со скрежешомъ зубнымъ извергнуль духъ во адъ.

Или въ Демофонтовъ рассказъ Мемноновъ Полигнеспору:

За полгода предъ симъ , когда здѣсь не былъ
слухъ ,

Гдѣ съ воинствомъ себя водилъ геройскій
духъ ;

И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсть
плачевна ,

Что Трою рушила въ конецъ судьбина гнѣвна;

Внезапно солнца видъ на востодѣ спалъ багровъ .

И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ .

Отъ берегу въ дали пучина почернѣла ,

И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ
налетѣла.

Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный прескъ,
И мрачность пресѣкала лишь частыхъ молній
блескъ.

Поднявъ сѣды верьхи, спремались волны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣшь мы могли,
Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ
корабли,

Которы лютою водъ шо въ пропастяхъ
скрываетъ,

То вздернувъ на бугры, порывисто бросаешь;
Раздранны парусы пловцы опдавъ въ шрамы,
Ужъ рѣки подняли къ закрытымъ небесамъ.
Мы чаяли тогда Енеева прихода
съ остатками Троянъ, несчастнаго народа.
Объяла жалостью, подвигнута бѣдой,
Царевна на берегъ безъ спраху шла за мной.
Тушъ алчный понсъ пожралъ при корабля
предъ нами,

И въ часши раздробивъ, извергъ на брегъ вол-
нами.

Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человекъ,
съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.
Онъ очи смущенныя со спрахомъ обращая,
И томныя уста чрезъ силу отверзая,
къ Филидѣ, облившись слезами, говорилъ:

Когда небесный гнѣвъ меня шакъ поразилъ,
 То я ужѣ взирашъ на небо не дерзаю ;
 Къ шебѣ, Богиня ты, иль смершна, прибѣгаю,
 Или, какъ чаю сихъ владычица бреговъ,
 Покрой насъ и превысь щедрошою боговъ.
 Царевна шаковымъ подвиглась жалкимъ слу-
 хомъ,

И нѣжнымъ преклонясь ошвѣшсшвовала ду-
 хомъ:

Спокоенъ будь шеперь, и опложи весь сшрахъ:
 Не варварски сердца родяшся въ сихъ мѣсшпахъ.
 Хопя не знаемъ мы, какого ты народа,
 Но бѣднымъ помогашъ велишъ сама природа.

Мѣлкiя сочиненiя его имѣють въ себѣ
 также много замысловатости и прiятно-
 сти. Онъ не приготоуясь, по сдѣланному
 нечаянно ему предложенiю, написалъ на
 спускъ корабля Александра Невскаго слѣ-
 дующiе стихи:

Гора что горизонтъ на сушѣ закрывала,
 Внезапно съ берегу на бысприну сбѣжала,
 Между палашъ стойшъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ.
 Мы веселимся здѣсь въ срединѣ сихъ чудесъ;
 Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
 Когда бъ Великаго Пешра мы не имѣли.

Въ одно время ъздя часто въ Петергофъ съ прозбою, на кошорую долго не получалъ онъ удовольстворенія, изъявилъ онъ скуку свою слѣдующими стихами:

Кузнечикъ дорогій, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты щастьемъ
одаренъ!

Препровождаетъ жизнь межъ мягкою шравою,
И наслаждаешься медвяною росою.

Хошя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна
шварь;

Но въ самой истиннѣ ты передъ нами царь,
Ты Ангелъ во плоти; иль лучше ты безплотенъ!

Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззабошенъ,
Что видишь, все швое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому.

Но я примѣчаю, что дѣлая выписки изъ Ломоносова, невольно увлекаешься красотою его стиховъ, и не примѣшнымъ образомъ выступаешь изъ предписанныхъ себѣ для чтенія предѣловъ. Ишакъ прервемъ о немъ бесѣду, умолчимъ о письмѣ его къ Шувалову, о похвальныхъ словахъ, и о другихъ многихъ въ немъ примѣрахъ превосходнаго стихошворства и краснорѣчія, и въ заключеніе скажемъ только, что сей классиче-

скій писатель, украшеніе нашей словесности, умствующій вняшно, справедливо, нравоучительно; громкій съ ясностію, великолѣпный безъ напыщенія, строгій въ точности изображеній, въ сходствѣ подобій, въ порядкѣ теченія мыслей, въ разборчивой приличности значенія и благогласія словъ, долженъ бытъ образцемъ учащемуся краснорѣчію юношеству. Руководствуемое имъ, оно можетъ придти шуда же гдѣ онъ, въ свящилище наукъ, въ храмъ славы; но избирая различный опъ него пушь, и въ украшеніяхъ, и въ языкѣ, и въ слогѣ, опасно, чшобъ оно не зашло со всѣмъ въ другую сторону. Да не будетъ сего! да не умирають никогда между нами Ломоносовы; ибо безъ помраченія ума, безъ оскудѣнія знаній, безъ упадка языка и словесности, они умирають не могутъ.

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕ.

По прочтеніи въ Бесѣдѣ сего разбора одъ Ломоносова не однократно случалось мнѣ слышать о немъ нѣкоторыя прошивныя сему шолки, и даже чпшась въ печатныхъ книгахъ шѣмъ же самымъ одамъ его разборы, основанные на подобныхъ же сужденіяхъ. Не лзя не удивляться превращному.

понятію о Словесности многихъ нынѣшнихъ писателей и чинашелей. Въсто чѣшъ пользовашься предшешествовавшими намъ шворцами, мы, не доспигаа до ихъ познаній, не шолько не хопимъ заимшествовашъ опъ нихъ искусства писашъ, но увлекаемые самонадѣянїемъ думаемъ, чѣшъ когда мы не соображась ни съ языкомъ своимъ, ни съ правилами краснорѣчія, начнемъ хулишъ старое и хвалишъ новое, шъ симъ единымъ превознесемъ надъ всѣмъ прежнимъ. Ложная и обманчивая мысль! она ведешъ насъ не къ чести и славі, но къ открьштію нѣкогда нашего самолюбія и нашихъ заблужденій. Не должно полагашъ, чѣшъ даръ стихотворства всегда соединенъ съ познанїемъ справедливаго сужденія о красотахъ и погрѣшностяхъ сочиненій. Чашъ хорошій стихотворецъ бываешъ худымъ судїею, и напрошивъ хорошій судія худымъ стихотворцемъ. Оба сія качества много между собою различествуютъ: одно пребуешъ приличныхъ украшеній и пылкости воображенія, другое хладнокровнаго и здраваго суда. Одно играешъ и звучишъ; другое доказываешъ и объясняешъ. Стихотворцу простишельна самонадѣянность, крипику не простишельна: онъ хочешъ изобличенїемъ одного учишъ другихъ, и слѣдовашельно прежде, нежели примешъ за перо, надлежишъ ему бышъ

увѣрену въ своей правотѣ. Доказательства его должны быть ясны, точны, безпристрастны. Приступая къ показанію превосходныхъ или небрежныхъ мѣстъ въ писателѣ, а особливо ученомъ и знаменитомъ, онъ долженъ сказать о себѣ, какъ въ подобномъ случаѣ сказалъ нѣкоторый Французскій криптикъ: *je ne l'ai point hasardée sans y avoir mûrement réfléchi*, ш. е. я бы безъ зрѣлаго разсужденія сдѣлать сего не осмѣлился. Таковыя разсмотрѣнія, когда дѣйствительно исполнены будущъ съ размышленіемъ и безпристрастіемъ, могутъ приносить въ словесности пользу; но если разбирашеть, ослабляясь самонадѣяніемъ и не давъ себѣ должнаго труда, будешь думать, что для оцѣнки изящнѣйшихъ стихотвореній довольно одной его безъ всякихъ доводовъ похвалы или хулы, то такая критика легка, неосновательна, и можетъ принести много вреда шѣмъ, которые, по началу упражненія своего въ словесныхъ наукахъ, повѣрятъ ей. Подобный разборъ одъ Ломоносова, изданный въ свѣтъ, находимъ мы въ слѣдующихъ о немъ сужденіяхъ.

Ломоносовъ, почитая смерть Петра Великаго горестнымъ приключеніемъ для Музъ, обрадованныхъ однакожъ возшествіемъ на Престолъ Дщери Его Елисаветы, восклицаетъ:

Ча с т ь IX.

23

Какая свѣшлость окружаетъ
 Въ шодикой горести парнасть?
 О коль согласно тамъ бряцаетъ
 Пріятныхъ спрунь сладчайшій гласъ!
 Всѣ холмы покрываютъ лики;
 Въ долинахъ раздаются клики:
 Великая Пешрова Дщерь
 Щедроты опчи превышаетъ,
 Довольство Музъ усугубляетъ,
 И къ щастью отверзаетъ дверь.

Толкователи языка и оцѣнщики стиховъ его пишутъ: „спихи *всей строфы* не „имѣютъ ничего особеннаго, кромѣ обыкновенной правильности, которая, есѣли „нынѣ переспада быѣ первымъ достоинствомъ слога, то по крайней мѣрѣ во время Ломоносова составляла и новую и удивляющую заслугу. Слова: *довольство усугубляютъ, покрываютъ лики холмы, къ щастью отверзаютъ дверь*, могутъ быѣ замѣчены, „какъ неприличные.“—Что такое не имѣютъ ничего особеннаго, кромѣ обыкновенной правильности? Какой особенности Г. Критикъ пребуетъ въ стихахъ? для чего не объяснилъ, въ чемъ она состоятъ долженствуетъ? Слово *особенность*, само собою, того не показываетъ. Слѣдующіе стихи, поднесенные нѣкогда одному изъ военачальниковъ, осматривавшихъ войско:

Андрей Петровичъ,
 Умовъ Умовичъ,
 Твой Кригсъ-Капитанъ,
 Бьетъ тебѣ въ барабанъ,
 Транъ транъ шараранъ,

имѣютъ не малую особенность, не ужъ ли же они лучше обыкновенныхъ стиховъ Ломоносова? — что такое: нынѣ обыкновенная правильность перестала быть достоинствомъ слога? первое, какая въ наукѣ краснорѣчія, или въ какой бы то ни было, можешь быть обыкновенная или необыкновенная правильность? слово правильность означаетъ правое (ш. е. прямое, а не кривое) свойство вещи, которое не лѣзя ни уменьшишь, ни увеличишь, поелику оно тогда разрушится и будетъ неправильность. Второе, по общему пониманію и здравому разсудку, правильность слога, то есть соблюденіе свойствъ языка и Грамматическихъ правилъ, всегда была, и должна всегда быть первѣйшимъ достоинствомъ всякаго сочиненія, и даже разговора, то какимъ же образомъ нынѣ перестала она быть главнымъ достоинствомъ? и можешь ли съ пренебреженіемъ правильности въ слогѣ быть въ немъ какое либо достоинство? такое заключеніе о нынѣшнихъ писателяхъ есть больше худа, нежели похвала. Во время Ломоно-

сова (продолжаетъ кришкѣ) составляла она (ш. е. правильность) и новую и удивляющую заслугу. Но правильность въ языкѣ и слогѣ никогда не была новою; она всегда и до временъ Ломоносова не преспавала быть нужною и необходимою, никто ей не удивлялся, и не называлъ заслугою. Говорить такимъ темнымъ и нечислымъ языкомъ о Ломоносовѣ, что онъ не зналъ кромѣ обыкновенной правильности, почиравшейся въ его времена первымъ достоинствомъ слога, которое нынѣ переспало быть достоинствомъ; называть безъ всякаго основанія и безъ всякихъ доказательствъ выраженія его неприличными, искажать ихъ противъ подлинника, не наблюдать ни въ мысляхъ ясности, ни въ словахъ соответственности, вопъ что по истинѣ есть новое и доселѣ не бывалое! замѣчанія наши конечно укоризненны, но между шѣмъ совершенно справедливы: ибо что такое неприличное въ выраженіи: Великая Петрова Дщерь довольство Музъ усугубляетъ? на что единственное число перемѣняя въ множественное: усугубляютъ? что такое не приличное въ выраженіи: всѣ холмы покрываютъ лики? оно конечно не есть опличное, однакожъ не худое, и поддержанное послѣдующимъ за нимъ стихомъ: въ долинахъ раздаются клики. На что искажать

оное, превращая въ безтолковое: *покрываютъ лики холмы?* Чшо шакое неприличное въ выраженіи: *къ щастью отверзаетъ дверь?* на что и здѣсь глаголь *отверзаетъ* перемѣняшь въ *отверзаютъ?* для шого развѣ, чшобъ ясную Ломоносова мысль запушашъ и сдѣлашь не ясною? въ Священныхъ молишвахъ чипаемъ мы: *Милосердія двери отверзи намъ:* гдѣ же и въ чемъ состоишъ неприличіе? кажется довольно изъ сего можно почувствовать, что подобная кришика не покажешъ намъ ни достоинствъ, ни погрѣшностей Ломоносова. Но посмотришь еще нѣсколько. Въ стихахъ:

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнишь сраженьямъ можетъ воинъ.

Кришикъ замѣчаешъ: *сравнить сраженьямъ*—Латинизмъ. и вскорѣ попомъ восхищается стихами о рѣкѣ Ленѣ, а особливо сими послѣдними.

И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.

Чшожъ значить прежнее замѣчаніе его: *Латинизмъ?* развѣ здѣсь не помъ же самый употребленъ падежъ? хулишь и хвалишь одно и то же показываешъ великую неосновательность. О строфѣ:

Се мрачной вѣчности запону
 Надежда опровергаетъ намъ;
 Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
 Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
 Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
 Тамъ влажный флота путь блѣшетъ,
 И море тщится уступитьъ :
 Колумбъ Россійскій черезъ воды
 Спѣшитъ въ невѣдомы народы.
 Твои щедроты возвѣститъ.

Криптикъ разсуждаетъ:,, сстихи не очень
 щастливы (почему? гдѣ доказательства на
 то?),, *запона* нынѣ не употребляется, “—(гдѣ
 не употребляется? въ разговорахъ; но раз-
 вѣ книги запрещено читать?) Слово *запона*
 было и во время Ломоносова не больше
 употребительно, какъ и нынѣ; но онъ не
 усумнился поставить его. Отселѣ заклю-
 чить должно, что онъ разсуждалъ о сло-
 вахъ не по одной только наслышкѣ изъ на-
 родныхъ разговоровъ, но по силѣ значенія
 ихъ въ языкѣ и приличія въ слога. Языкъ
 и книги показывали ему, что отъ глагола
запинаю произошли имена *запонѣ*, *запонки*, *за-*
пона. Первые два общенародныя: *запонѣ* у по-
 вара, у кузнеца, и проч. (замѣняемое ино-
 страннымъ словомъ *фартукѣ*); *запонками*
 застегивающіяся; *запона* меньше общенарод-
 ное для того, что вмѣсто онаго обыкновен-

но употребляютъ слова *занаѣсѣ*, *занаѣска*. Ломоносовъ въ семъ послѣднемъ смыслѣ долженъ былъ избрать слово. Онъ избралъ менше употребительное *запѣна*, оставя больше употребительныя, и пошому самому въ важномъ слогѣ менше приличныя, *занаѣсѣ*, *занаѣска*. Изъ сего явствуетъ, что судъ Ломоносова о словахъ основанъ былъ на разсудкѣ: онъ оцѣнялъ слово по коренному его значенію, а не просто по наслышкѣ ошъ частаго упоминанія въ обыкновенныхъ разговорахъ. Сверхъ того вѣроятно, онъ думалъ: мѣшаешь ли языку изобиліе словъ, хотя и поже значащихъ, однакожъ одно ошъ другаго опличающихся важностію и простотою? не лучше ли писателю, а особливо крипику, распространять знанія свои по мѣрѣ обширности языка, нежели обрѣзывать языкъ по мѣрѣ знаній своихъ? Мы бы не распространились шакъ много объ одномъ словѣ, ежелибъ не почипали за нужное показать, что сужденіе Ломоносова о словахъ и слогѣ было по видимому весьма различно съ сужденіемъ многихъ нынѣшнихъ писателей и крипиковъ. Г. крипикъ продолжаетъ: *хотѣ* слѣдующими стихами (гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону, премудрость тамо зиждетъ храмъ) кажешся Авпоръ *хотѣ* разумѣть страны дикихъ и кочующихъ народовъ; но это все непонятно. — Какъ *хотѣ* разумѣть? крипико-

вашъ Ломоносова, и не знаешь, что онъ говоритъ не о такихъ то спранахъ дикихъ и кочующихъ народахъ, но именно объ Америкѣ. Хотя бы Г. крипикъ и не слыхалъ о весьма извѣстномъ покушеніи мореплавателей нашихъ открыть чрезъ Сѣверъ путь въ Америку, то бы изъ послѣднихъ сей строфы стиховъ:

Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшилъ въ незнаемы народы,

могъ догадаться, что здѣсь говорится о бывшей Экспедиціи Чичагова. Чѣмъ же путь непонятнаго?—, Слѣдующіе стихи (продолжаетъ крипикъ) останутся превосходнѣйшими по своей быстротѣ и силѣ:

Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ;
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ.

Похвала должна также имѣть свои доказательства, какъ и хула. Стихи сіи конечно плавны, хороши, украшены олицетвореніемъ: невѣжество *блѣднѣетъ*, и приличнымъ замѣненіемъ настоящаго слова иносказательнымъ: влажный флота путь *бѣлѣетъ* (вмѣсто *лѣнится*); но чѣмъ въ нихъ была опмѣнная быстрота и сила, сего не видно. По крайней мѣрѣ надлежало бы объяснить, въ чемъ, по мнѣнію крипика, состоитъ сія быстрота и сила. Крипикъ обязанъ не про-

сто мнѣніе свое объявлять, но доказывать оное. О слѣдующей пошлѣ достойной Ломоносова строфѣ:

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
 Рѣкъ подобенъ Океанъ;
 Небесной синевой одѣянъ
 Павлина посрамлешъ вранъ.
 Тамъ тучи разныхъ пщицъ лепашъ,
 Что пестрою превышаюшъ
 Одежду нѣжныя весны;
 Пипаясь въ рощахъ ароматныхъ
 И плавая въ струяхъ пріятныхъ
 Не знаютъ спрогя зимы.

кришникъ продолжаетъ разсуждать: „что касается до чешырехъ первыхъ стиховъ, то мнѣ они кажутся также немного непонятны. Не значить ли это: тамъ Океанъ, засѣянный островами, по множеству ихъ,... (не возможно удержаться, чтобъ не прервать здѣсь рѣчь и не воскликнуть: *Океанъ засѣянный островами, по множеству ихъ!* Какой языкъ и симъ по языкомъ осуждается языкъ Ломоносова!)... „Подобенъ рѣкѣ или многимъ рѣкамъ; тамъ и самой воронъ, одѣянный небесною синевой можешь посрамишь павлина, и проч.,—(объявишь поль ясныя стихи непонятными, перескажешь худою прозою смыслъ ихъ, и пошлѣ вопрошаешь: не по ли это значить? Какъ! это называется кри-

пикую! разборѣ стихотвореній Ломоносова! оцѣню его достоинствъ! признаюсь, трудно воздержаться отъ восклицаній; но посмотри́мъ далѣе. Кришикъ продолжаетъ): —,какая разность въ слѣдующихъ шести стихахъ! но могутъ быть замѣчены кришикою слова: *разныхъ, лестротою* превышающіе одежду *нѣжныя* весны; ибо шутъ кажется нѣтъ надлежащей *нѣжности* и выбора словъ., — Опять духъ мой порывается къ восклицаніямъ. Читаешь позволъ мнѣ отдохнуть. Здѣсь столько представляется противнаго моимъ понятіямъ, что я не знаю съ чего начать. Какъ! назвать четыре первые стиха не понятными, и сказать о шести прочихъ: *какая разность!* слѣдовательно предполагать въ нихъ отъмѣнную красоту, превосходство. Я ожидаю услышать въ чемъ состоятъ сія отличная красота и къ удивленію моему читаю, что они по сказанію кришика ни куда не годятся! ибо онъ, не взирая на прежнюю похвалу свою, находитъ въ нихъ и слова и мысли не свойственныя. А когда въ шести короткой мѣры стихахъ слова поставлены безъ выбора и мысли погрѣшительны, то мудрено ихъ назвать прекрасными. Здѣсь кришикъ самъ съ собою не согласенъ, и, такъ сказать, собственное свое утвержденіе отрицаетъ. Худой способъ кришиковать! Но посмотри́мъ, на

чемъ основываетъ онъ мнимыя свои доказательства: ему не понравилось, не извѣстно по какой причинѣ, слово *разныхъ*; но оно весьма нужно, поелику стихотворецъ говоритъ о *птицахъ питающихся въ рощахъ и плавающихъ въ струяхъ*. Не ужъ ли между сими двухъ родовъ пшцами нѣтъ *разности*? сверхъ того онѣ могутъ и перьями и порою и величиною быть *разныя*, и такъ да позволимъ намъ Г. крипикъ остаться о приличіи сего слова при нашемъ, а не при его мнѣніи. Далѣе не понравилось ему выраженіе, что пшцы *лестротою* превышаютъ одежду *нѣжныя* весны. Онъ не находитъ пути *надлежащей нѣжности и выбора словъ*. Здѣсь надобно закричать караулъ! рѣжутъ! какъ! снимаютъ у весны *нѣжность*, у одежды ея *лестроту*? да куда жъ дѣнушся лучезарное сіяніе, прохладныя вѣтерки, благорастворенный воздухъ? Куда дѣнушся зеленые ковры травъ, синіе, желтые, бѣлые, голубые, розовые цвѣты? Заключимъ изъ всего вышесказаннаго, что лучше бы сперва поучимся у Ломоносова языку и выбору словъ, и потомъ дѣлали опыты надъ крипикою. У него не только *разныя птицы* *лестротою* *превышаютъ* *одежду нѣжныя весны*, но и *плаваютъ въ струяхъ пріятныхъ*, не зная строгія зимы. Выраженія сіи, далеко отъ чего либо несвойственнаго или небреж-

наго, дышущъ нѣжностію весны, разспл-
лаютъ многоцвѣтныя долины предъ очами,
и тѣмъ болѣе услаждаютъ воображеніе, что
въ прошивуположность имъ упоминается о
строгой зимѣ, снѣдающей мразами своими
всѣ ея прелести.

Но довольно сего. Окончимъ. Я по истин-
нѣ съ крайнимъ сожалѣніемъ изобличаю Г.
кришика, заслуживающаго по другимъ об-
стоятельствамъ болѣе уваженія; но любя
языкъ мой и видя неправыя его о немъ суж-
денія, почишаю долгомъ предостеречь моло-
дыхъ людей, чѣмъ они не имѣли слѣпой довѣ-
ренности къ симъ мнимымъ Квинтилианамъ,
которыя тѣмъ больше могутъ быть вредны,
что одарены нѣкоторыми талантами, вну-
шающими имъ шоль самолюбивое о себѣ мнѣ-
ніе, что они думаютъ уже быть верховными
всему судіями. Они хотяшъ увѣришъ что Го-
меръ и Виргилій ни что безъ ихъ одобренія.
Не слышимъ ли мы нѣкоторыхъ мѣлкихъ жур-
налистовъ, мечтающихъ чѣмъ они криши-
ками своими, состоящими въ нелѣпыхъ шол-
кахъ и дерзкихъ браняхъ, поправили языкъ,
очистили слогъ, и научили вкусу? Такъ ко-
марь, сидя на спинѣ лошади, которая везла
тяжелый возъ, слетѣлъ съ нее, и думалъ,
что ежели бы онъ сего не сдѣлалъ, то ло-
шадь упала бы подъ бременемъ. Къ поддер-
жанію наглосши шаковыхъ кришикъ обыкно-

венно говорятъ: кришка во всякомъ случаѣ полезна, хорошая насшавишь, исправишь, а худой будешь смѣяться. Нѣтъ! сіе разсужденіе весьма ошибочно: едва ли худая не больше приноситъ вреда, нежели хорошая пользы. Кто знаетъ цѣну хорошей кришки, тотъ уже и самъ силенъ въ языкѣ и наукѣ краснорѣчія; но кто еще не довольно въ томъ утверждень, тотъ худую приметъ за хорошую, и утвердится въ ложныхъ понятіяхъ. Зло сіе, равно какъ и другія нравственныя злы, сообщаясь отъ одного къ другому расползается и умножается. Умъ не всегда ограждаетъ насъ отъ заблужденій: онъ часто самъ временнымъ безуміемъ своимъ удивляется. Ничто не приноситъ столько вреда языку и словесности, какъ распространеніе ложнаго мнѣнія, что прежній языкъ нашъ былъ худъ, труденъ для простаго слога, и что потому надлежитъ изъ него всѣ важныя, по ихъ названію *Славенскія* слова, и вездѣ замѣнять ихъ обыкновенными, простыми, которыя называютъ они *Рускими* словами. Мнѣніе сіе, какъ ни ложно, однакожъ имѣетъ нѣкоторое основаніе; ибо дѣйствительно потребно не малое знаніе для употребленія словъ, не только по точности ихъ смысла, но сверхъ того и по важности или простотѣ имъ свойственной. Оно требуетъ отъ

писателя великаго искусства и прилѣжнаго
чтенія старинныхъ книгъ, въ которыя рѣд-
ко заглядываютъ, и даже стараются вво-
дитъ ихъ въ презрѣніе. Опселя происхо-
дитъ, что слогъ новѣйшихъ писателей час-
то подобенъ бываетъ городу, въ которомъ
между французскими и нѣмецкими домика-
ми стоятъ иногда гошпическія зданія, иног-
да крестьянскія избы. Должно ли силу и
достоинство языка разрушать для того,
чтобъ подвесить оныя подъ ограниченность
знанія писателей? Должно ли писателямъ
симъ вѣрять и почиать ихъ законодаще-
лями въ языкѣ? Мнѣ случалось не однократ-
но слышать, что сами учители, преподавая
ученикамъ своимъ уроки изъ риторики, слѣ-
дующіе Ломоносова прекрасные стихи, въ
которыхъ олицетворяя Россію говоритъ
онъ:

Сѣдитъ и ноги просшираетъ
На степь, гдѣ Хину ошдѣляетъ
Проспранная стѣна опъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вокругъ довольства исчисляетъ,
Возлегли лактемъ на Кавказъ.

Сами, говорю учители, читая стихи сіи,
произносятъ, вмѣсто сѣдитъ, сидитъ;
вмѣсто веселый, весёлый; вмѣсто лактемъ,
локтемъ. Чемужь научать они учениковъ

своихъ, когда не чувствуюшъ сего грубаго искаженія языка? Мнѣ кажется, давъ Россіи поль величавый видъ, сполькожъ не хорошо сказать о ней *сидитѣ*, сколько о курицѣ: *сѣдитѣ на яцахѣ*; сполькожъ худо въ важномъ слогѣ произносишъ: *возлеги локтемѣ на Кавказѣ* (вмѣсто лакшемѣ.), сколько въ простой рѣчи, такой на примѣръ, какъ ударъ его по локтю, сказать: *ударъ его по лактю*. Вопшъ трудности языка нашего, не воспрѣчаемая или меньше воспрѣчаемая въ другихъ языкахъ, и не преодолимыя для шѣхъ писателей, которые чрезъ чтеніе Священныхъ книгъ не ушвердятъ себя въ немъ. Ежели мы сего приличія словъ разбирашъ не спашемъ, то со всею своею эстетикою, филологіею, филологіею, и прочими *филами* и *логіями*, далеко отстанемъ отъ нашихъ предковъ, которые, хотя и мало или совсѣмъ не упражнялись въ свѣтскихъ сочиненіяхъ (можешъ бытъ истребившихся и не достигшихъ до насъ), однакожъ въ духовныхъ вишійствовали, гремѣли, возносились высоко мыслями, и вмѣстѣ съ правильностію слога знали, гдѣ говорить *ладонь*, *правая рука*, *огонь*, *сегодня* и проч. и гдѣ *длань*, *десница*, *огнь*, *днесь*, и проч., они не называли сихъ словъ *Славенскими*, не *употребительными*, не вооружались противъ нихъ, не говорили, что ихъ надобно истребляшъ, выкидывашъ изъ языка.

Толь странная мысль, чѣмъ подѣ предлогомъ очищенія языка забыть лучшую великолѣпнѣйшую часть онаго, единственно для того, дабы Рускимъ языкомъ говорить по Француски, никогда не приходила имъ въ голову. Они даже и въ произношеніи словъ соображались съ важностію ихъ и достоинствомъ, рассуждая справедливо, что ежели нѣсколько площадныхъ, низкихъ словъ, шаковыхъ какъ *шліѡпнуться*, *кліѡкѣ* и тому подобныхъ, такъ же нѣкоторое число простыхъ, шаковыхъ какъ *іѡлка*, *беріѡзка*, *звѣріѡкѣ*, *куліѡкѣ*, и проч; и пребуютъ сего выговора, то лучше писать и въ чтеніи произноситъ ихъ по книжному, нежели сіе простонародное произношеніе вводить въ письменный языкъ и сообщать оное словамъ, не употребляемымъ иначе какъ шокмо въ важномъ и благородномъ слогѣ. По истиннѣ, ежели бы мнѣ какой поселянинъ сказалъ: *у нашева барина много этакихѣ сіѡлѣ*, я бы продолжалъ съ нимъ разговаривать, но ежели бы Ломоносовъ написалъ:

Желѣзо браней да не знаешь,
Служа въ шрудѣ безмолвныхъ сіѡлѣ,
то бы я не спалъ его далѣе чишать.

Н Ъ Ч Т О

О СОКРАЩЕНІИ СЛОВЪ.

Сокращеніе словъ въ языкѣ нашемъ происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1е, гласныя буквы въ составѣ слова почи- шались ненужными, или выбрасывались, или вставлялись по произволению. Отсюда и нынѣ во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ пишушъ однѣ согласныя *влк*; говоряшъ же или чупъ произнося гласную, или измѣняя оную въ *волкѣ*, *вилкѣ*, *вулкѣ*, поже дѣлаюшъ и съ другими многими словами, какъ напри- мѣръ *крв*, *сткло* (кровь, стекло), и проч. Слѣды сего сохраняются и въ нашихъ нѣ- кошорыхъ рѣченіяхъ: напримѣръ отъ *стекло* говоримъ и пишемъ *скляница*, а не *сткляни- ца* или *стекляница*. (Отсюда же слово *скло*). Вмѣсто *крестины* въ просторѣчїи говоряшъ *кстины* и проч. 2е. Во всѣхъ языкахъ, а особливо въ нашемъ, яко богатѣйшемъ, въ высокихъ сочиненіяхъ, для опличенія важ- наго слога отъ простаго, спараются избѣ- гать употребляемыхъ всѣми вообще словъ и выражений, кошорыя дѣлаются чрезъ то простонародными или слишкомъ обыкно- венными, такъ что не опличаюшъ рѣчи

Часть IX.

Царя или Вельможи или мудреца ошъ рѣчи
 простолюдина, или сближаютъ разговоръ о
 великихъ предметахъ съ разговоромъ о ма-
 лыхъ, и чрезъ шо опнимають у перваго
 силу и важность. Въ семъ - шо разумѣ Ло-
 моновъ сказалъ, что ежели бы Карлъ V,
 разсуждавшій, что Гишпанскимъ языкомъ
 съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣ-
 мецкимъ съ недругами, Италіянскимъ съ
 женщинами разговаривашъ прилично, иску-
 сенъ былъ въ Рускомъ языкѣ, шо присово-
 купилъ бы, что имъ со всѣми оными гово-
 рить пристойно. Отсюду для избѣжанія
 въ высокомъ слогѣ шѣхъ словъ, которыя
 чрезъ общенародное употребленіе сдѣлались
 приличны одному только простому разго-
 вору или слогу, стали сокращать ихъ, дабы
 симъ малымъ измѣненіемъ возвысить и оп-
 личить оныя. Такимъ образомъ вмѣсто ко-
 рова, молоко, соловей, воробей, огонь, поло-
 мя, и проч., стали въ возвышенномъ слогѣ
 писать: крава, млеко, вранѣ, славій, врабій,
 огонь, пламя. Сія способность малымъ измѣ-
 неніемъ опличать слова возвысила достоин-
 ство языка, но вмѣстѣ съ симъ умножила
 трудъ писателей; ибо сдѣлалось нужно
 чинять много книгъ, дабы чрезъ познанія
 изъ нихъ свойствъ языка своего умѣть
 употреблять слова прилично слогу. Сіе са-
 мое сдѣлалось камнемъ прешыканія для шѣхъ,

которыя мало читають, еще меньше рассуждаютъ, и думаютъ что для знанія языка довольно одного изуспнаго употребленія онаго, или что надобно весь Французской языкъ перевести по Руски. Сіе ввело ихъ въ заблужденіе и понудило нехвощу и нехвощество выдавать за вкусъ и науку. Опселъ сіи вопіянія и крики: *мы не знаемъ книжнаго языка, мы хотимъ писать, какъ говоримъ*, и тому подобныя. Но оставимъ ихъ и обратимся къ нашимъ примѣчаніямъ. Сокращеніе словъ не дѣлаетъ иногда никакой перемѣны въ значеніи оныхъ, а иногда дѣлаетъ не малую, такъ что уже значить не ту самую вещь, но другую, имѣющую съ нею сходство, или лучше сказать шуже но въ иномъ видѣ: *воронъ и вранъ, корова и крава, соловей и славій*, значать одно и тоже. Но *порохъ и прахъ, волость и власть хоромы и храмъ*, означають въ коренномъ токмо смыслѣ одинакія, въ частномъ же различныя вещи; ибо хотя *порохъ* и значить иногда вообще *прахъ, пыль*, какъ-то *въ глаза порошинка попала*; однакожь болѣе разумѣется подъ онымъ особаго рода *прахъ* искусственный, возгорающійся, употребляемый для стрѣлянія изъ пушекъ и ружей. На многихъ иностранныхъ языкахъ оба сіи праха т. е. общій и частный (или прахъ и порохъ) подъ однимъ словомъ разумѣются:

*

по Лат. *pulvis*; по Нѣм. *pulver*; по Итал. *polvere*; по Франц. *poudre* (вѣроятно однокоренныя съ нашимъ пылъ). *Волость* и *власть*, хошя въ частномъ значеніи и различающся; ибо первое въ Акад. Словарѣ опредѣлено: „нѣсколько деревень или селъ одного вѣдомства или одного помѣщика и однимъ начальникомъ управляемыхъ;“ второе: „воля, произволь, свобода дѣлать то, что заблаго-разсудились;“ однакожъ коренной смыслъ не престаешь быть въ нихъ одинъ и шопъ же; ибо и *волость* (въ смыслѣ многихъ деревень вмѣстѣ) говоритъ тожъ самое, ш. е. моя власть, мое владѣніе, деревни подъ моею властію находящіяся, между шѣмъ частныя значенія сихъ словъ (или справедливѣе одного и того же слова нѣсколько измѣненнаго) производятъ и вѣшви къ каждому смыслу относящіяся: къ общему *властитель* или *властелинъ*, къ частному *волостель* (начальникъ надъ волостью, см. Судбн. Царя Іоан. Вас. гл. 22, 65, 72). Иногда въ производствѣ опъ сего колѣна вѣшвей благозвучіе принуждаешь сокращать коренныя буквы: такимъ образомъ въ словѣ *область* опъ слова *власть*, по причинѣ соединенія съ нимъ предлога *объ* буква *в* выпускается, и ошашается шолько *ласть*. Тоже и при другихъ вѣшвахъ: *обладатель*, *обладать*, и проч.; а не *обвладатель*, *обвла-*

дать. — Нѣкоторыя слова хотя равно какъ полныя такъ и сокращенныя одну и ту же вещь безъ всякаго различія означаютъ, однакожь приличіе слога требуетъ непременно индѣ полнаго, индѣ сокращеннаго слова: *хоромы* и *храмъ*, *голова* и *глава*, *ладонь* и *длань* *), *локоть* и *лаоть*, и проч., есть одно и то же; но приличіе требуетъ въ простомъ слогѣ говорить: онъ въ деревнѣ построилъ себѣ *хоромы* (а не *храмъ*), въ важномъ же: онъ соорудилъ Богу великолѣпный *храмъ* (а не *хоромы*), или: онъ пошелъ въ свою *хоромину*, (а не *храмину*), и грядетъ во *храмину* свою (а не въ *хоромину*). Весьма бы странно было сказать: у меня *глава* болитъ (вмѣсто *голова*); но еще бы странно было написать: Церковь о пяти *головахъ* (вмѣсто *главахъ*). Также книгу раздѣлять должно на *главы* (а не на *головы*). Сія разность одного и того же слова, сперва состоящая токмо въ приличіи употребленія онаго, смотря по возвышенію или простотѣ слога, становится на послѣдокъ такъ велика, что кажется уже иною, какъ бы не истекающею изъ сего источника мы-

*) Слово *длань* сокращено изъ слова *долонь*, происходящаго отъ имени *доля* или *долина*, по причинѣ, что кисть руки сгибается и нижнею стороною своею представляешь подобіе *дола* или *долины*. Просторѣчіе, переставя начальные слоги, сдѣлало изъ *долонь*, *лодонь* или *ладонь*.

слію; ибо каждое изъ сихъ словъ (ш. е. полнаго и сокращеннаго), аки корень, пускаешъ свои особенныя отрасли: отъ голова происходящія отрасли суть: *головка, головушка, головня, головешка, головоломный, головорѣзъ*, и проч. Во всѣхъ сихъ словахъ первоначальный слогъ *голо* не можешъ сокращаться въ *гла*: приличіе не позволяешъ; ибо хотя понятіе и одинакое, или подобіе одно и тоже, но оное имѣешъ свою важность и маловажность, свое величіе и малость, свою высокопарность и простоту: на булавкѣ *головка*, на Церквѣ *глава*. Отсюда слово *глава*, важнѣйшее нежели *голова*, переходитъ къ означенію и другихъ важныхъ выраженій или словъ, шаковыхъ какъ *натало, преимущество* (*глава* въ книгѣ, *глава* народа). Въ вѣшняхъ же производимыхъ отъ сихъ двухъ словъ (*голова* и *глава*) разность смысла еще болѣе увеличивается, какъ на примѣръ: *головной уборъ* и *главный уборъ*, суть два выраженія весьма между собою различныя: *головной* значитъ принадлежащій головѣ (поелику другія части тѣла какъ по руки и ноги, могутъ также имѣть свои уборы), а подъ словомъ *главный* (поелику слово *глава* перешло ужѣ, какъ мы выше сего видѣли, въ значеніе начала, преимущества) не разумѣется *прилежащій головѣ*, но *превосходнѣйшій, преимуществен-*

нѣйшій прочихъ, начальный. — Новѣйшіе наши писатели, учителя краснорѣчія, разбиратели въ сочиненіяхъ красоть и погрѣшностей, далеко отступають отъ истинныхъ началъ въ преподаваніи сихъ уроковъ. Они толкуютъ объ *изящномъ*, о *прекрасномъ*, о *вкусѣ*, и проч., не разсуждая никогда о томъ, безъ чего не лзя понимать и чувствовать *изящнаго* и *прекраснаго*, то есть о составѣ, правилахъ и свойствахъ языка, или еще хуже, хопятъ чрезъ испребленіе въ немъ всѣхъ важныхъ словъ и выраженій унизить оный до единообразія Францускаго языка, въ которомъ нѣтъ, или очень мало различія между высокими и простыми словами, такъ что книжной ихъ языкъ почти одинаковъ съ разговорнымъ. Сей недостатокъ ихъ языка, самими Французами признаваемый, опъемлющій у нихъ всякую надежду чипать на немъ какое либо важное Эпическое швореніе, пріемлютъ многіе неопытные и науками не ушвержденные, хотя впрочемъ довольно острые умы, за достоинство, и хопятъ изъ Рускаго величаваго языка, выкидывая изъ него всѣ высокія, въ простыхъ разговорахъ не употреблемыя слова и выраженія, сдѣлають скудной Француской языкъ, или еще несравненно скуднѣйшій онаго, пошому что тогда будетъ онъ съ недостаточнаго подлинника самоѣднѣй-

шій сколокъ. Намѣреніе сколько безразсудное, сколько же и не возможное, однакожь не взирая на то многими проповѣдуемое и распространяемое, соблазняющее тѣмъ ложнымъ мнѣніемъ, что на немъ легче будетъ писать, словно какъ бы въ сочиненіяхъ не умъ долженъ былъ располагать языкомъ, но языкъ умомъ, и что достоинство всякаго произведенія состоить не въ выборѣ приличныхъ, выражающихъ мысли словъ, но только въ томъ, чтобы онѣ были обыкновенныя, въ разговорахъ употребляемыя. Сіе называютъ они гладкостію и чистотою, и всякую другую рѣчь, какъ бы она сильно ни выражала мысли, почишаютъ обвѣшалою, Славенскою, какъ скоро найдутъ въ ней такое слово, или нѣсколько словъ, которые въ простыхъ разговорахъ рѣдко употребляются. На семь премудромъ правилъ основываютъ они всѣ свои сужденія о красотѣ слога, часто сами себѣ противурѣча, и не разсуждая о томъ, что сіе противное истиннымъ познаніямъ мнѣніе ведетъ ихъ къ презрѣнію всего древняго, и къ загражденію чрезъ то всѣхъ источниковъ создавшаго языкъ человѣческаго ума.

Разсмотрѣніе въ составѣ словъ первоначальныхъ частей ихъ, коими всѣ наши понятія разнообразятся и дѣлятся на тысячи разныхъ видовъ, есть еще нужнѣйшій,

нежели обыкновенныя наши грамматички, ключъ, отверзающій двери къ познанію силы, свойствъ и правилъ языка, познаніе, безъ котораго легко можемъ мы заблуждаться, внимаешь съ излишествомъ невѣжественному гласу навыка, и по его часто противнымъ здравому разсудку внушеніямъ принимаешь хорошее за худое и худое за хорошее. Упражненіе въ Словесности, безъ упражненій въ языкѣ, и даже самый даръ стихотворства, не защитишь насъ отъ сихъ заблужденій. Не видимъ ли мы такихъ писателей въ стихахъ и прозѣ, которые, даже и опличаясь краснорѣчіемъ и силою воображенія, впадають иногда въ грубыя погрѣшности, какихъ не сдѣлалъ бы шотъ, кто не имѣя равнаго имъ дара писать, основательнѣе ихъ знаетъ языкъ? — Сокращеніе словъ имѣетъ свои законы, въ которыхъ надлежитъ себя утверждать, въ иныхъ изъ грамматическихъ правилъ, а въ другихъ изъ чтенія книгъ и еще болѣе изъ изслѣдованія свойствъ языка. Ломоносовъ говоритъ :

Увидѣвъ времена златыя
Среди градовъ своихъ и селъ,
Гласишь спасенная Россія
Къ защитницѣ своихъ предѣлъ.

Здѣсь слово *предѣлъ* не есть единственнаго числа именительный падежъ, но роди-

пелый множественнаго, и слѣдственно сокращено изъ слова *предѣловѣ*. Сіе сокращеніе свойственно одному пошмо важному слогу, въ которомъ и можешь съ разборомъ бышь употребляемо.

Сокращеніе окончанія *и на ъ*, давно уже присвоено было простымъ словамъ, въ обыкновенныхъ разговорахъ употребляемымъ; но мало по малу распространилось оно и вообще на всѣ слова, такъ что въ нынѣшнемъ слогѣ окончаніе на *и* сдѣлалось неперпимо; однакожь сія неперпимость не должна простирапья на весь важный языкъ; ибо чрезъ то випійство, а особливо стихотворство безъ всякой нужды во многихъ случаяхъ лишитъ себя способовъ величаво объясняпья, и принуждено будетъ наполняпья стихи такъ называемыми вспавками. Для чего въ пристойныхъ мѣстахъ, не оскорбляющихъ ни ума, ни слуха, воспрещать сіе? Для чего въ стихахъ Ломоносова:

Въ небесны уранія круги
Возыси посреди лучей
Елисаветины заслуги.

и л и :

Чпюбъ рапай могъ избрати время
Когда землѣ повѣришь сѣмн.

и л и :

Помысли зря дѣла велики
И шрудъ, что можемъ понести,

Что можешь нынѣ Петръ Великій
 Чрезъ дочь свою *произвести*.

и л и :

Геройскихъ подвиговъ хранишь
 И проковѣдашь Парнасъ,
 Временъ и рока побѣдишь,
Возвыси нынѣ свѣплый гласъ,
Приблизь къ небесамъ вершины,
 И для похвалъ Екатерины
 Какъ наша радость разцвѣтай.

Или въ стихахъ Дмишріева:

Можешь быть въ сію минушу,
 Милый другъ, всесильный рокъ
 Посылаетъ парку любу
 Дней моихъ *прервати* шокъ.

Для чего, вопрошаю, не шерпѣшь глаголовъ: *возвыси, избрати, понести, произвести, приблизь, прервати*? Убѣгая ихъ въ просомъ слогѣ, или въ разговорахъ, мы основываемся на томъ, чтобъ не говорить пышно, высокопарно, не свойственно просомѣ; но почему распространять сіе на важный, величавый слогъ, которому не свойственно просторѣчіе? Для чего не сказать иногда *возвыси*, иногда *возвысь*, какъ пошъ же Ломоносовъ и въ шой же одѣ сказалъ:

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
 Механика, ты ль честь возвысь
 Монархамъ, отъ которыхъ Россы
 Подъ солнцемъ славой вознеслись?

Чтѣ шутъ прошивнаго разуму? дѣлая
правила безъ исключенія напрасно назы-
ваютъ оное вкусомъ. Вкусъ состоишь въ
знаніи употреблять слова прилично слогу.
Иногда и то и другое слово (ш. е. сокра-
щенное и не сокращенное) оба не поршашъ,
иногда же одно приличнѣе другаго, смотря
по простотѣ или важности выраженія. Ло-
моносовъ въ одномъ мѣстѣ восклицаетъ:

Ты, муза; лиру *приими*,
И чнѣшь слышала вселенна,
Коль здѣсь наукамъ жизнь блаженна,
Возникни, вознесись, греми!

А въ другомъ Славянка говоритъ у него Невѣ:

Но малые мои потоки
Приими въ себя какъ Ниль широкій.

Гдѣ мысль возвышеннѣе, шамъ онъ по-
ставилъ полное слово *приими*, а гдѣ про-
стѣе, шамъ сокращенное *прими*. Конечно
мы не скажемъ нынѣ: *пойдемъ гуляти, спа-
немъ плясати*; но и никогда такимъ обра-
зомъ не говорили; однакожь писали и нынѣ
должно писать: *погребсти во глубинѣ моря,
сподобитися пригастію, сласти невиннаго*, а
не *погрестъ, сподобиться, сласть*, хотя сіи
послѣднія выраженія и могутъ въ простомъ
слогѣ бытъ употребляемы.

Между тѣмъ сколь сіе сокращеніе ни
сдѣлалось общимъ для всѣхъ словъ, но

остаются еще такіа, въ которыхъ оно неперпимо. Напримѣръ вмѣсто *престани* можно не унижая важности слога сказать *престань*, поелику есть слово ниже сего, *перестань*; но *отисти* неприлично иначе сократить, какъ развѣ въ самомъ простомъ выраженіи, такомъ, какъ *отисть огурецѣ*, или пому подобномъ. Въ важныхъ же или возвышенныхъ словахъ, таковыхъ какъ *уклоны*, *опредѣли*, *возбрани*, и проч., сокращеніе сіе совсѣмъ несвойственно языку.

Просторѣчіе для скорѣйшаго выговора, стихотворство же для мѣры стиха, сокращаютъ, или лучше сказать измѣняютъ букву и на ъ даже и въ срединѣ словъ, какъ-то вмѣсто *щастіе*, *страданіе*, *терпѣніе*, и проч. произносятся и пишутъ *щастье*, *страданье*, *терпѣнье*; однакожъ сіе второе сокращеніе еще меньше свойственно важному слогу; ибо еслии худо вмѣсто *брусъ*, *отрель*, говоришь *брусіе*, *отреліе*, то еще хуже вмѣсто *благолѣіе*, *великолѣіе*, пишешь *благолѣье*, *великолѣье*. Надлежитъ въ семъ случаѣ, смотря по слогу, наблюдать крайнюю оспорожность и разборчивость.

Сокращеніе прилагательныхъ именъ, опниаіемъ у нихъ окончной буквы, въ стихахъ необходимо нужно, какъ-то:

Ты пола превышая свойство
Явила *мужеско* геройство.

и л и :

Врагамъ *ужасно* сиротство.

и л и :

Котору онъ для насъ побою
Подобну обоимъ родиль.

Всѣ сіи сокращенія *мужеско*, *ужасно*,
котору, *подобну*, вмѣсто *мужеское*, *ужасное*,
которую, *подобную*, не дѣлають ничего для
ума и слуха прошивнаго, а пошому и по-
зволишельны. Ломоносовъ простираеть далѣ
сіи сокращенія. Напримѣръ :

На *Встокѣ*, Западѣ и Югѣ.

(вмѣсто на *Востокѣ*)

Ошмспишель *храбрѣ* враговъ сварливыхъ.

(вмѣсто *храбрый*.)

Къ наукамъ *матерьски* нисходитъ.

(вмѣсто *матерински*.)

Когда открылъ Петрову граду

Избавльшія богини зракъ.

(вмѣсто *избавившія*)

Къ утѣхѣ *Росскаго* народа

Пешра съ Екашериной вновъ

Счетаеѣ щастье и порода,

Пригожство, младость и любовь.

(вмѣсто *Россійскаго*, *сочетаваетѣ*.)

Ошесушсвун ты будеть съ нами :

Покрытымъ *орлими* крилами

Кто смѣетъ прикоснуься намъ ?

(вмѣсто *орлиными*.)

Всѣ сія сокращенія не столько нужны въ прозѣ, сколько въ стихахъ; и для того не позволять оныя, тогда, когда не дѣлають онѣ ни малѣйшей темноты въ смыслѣ, было бы наблюденіемъ излишней спрогоспистѣсненія свободу мыслей; однакожь и въ стихахъ нѣкоторыя изъ нихъ преимущественнѣе другихъ. Напримѣръ *на встокѣ, стетаетъ*, кажутся нѣсколько напхнувшими; *напротивъ того избавльшія, орлими, величавѣе и лучше, нежели избавившія, орлиными.*

Сокращеніе словъ произвело предлоги, которые сами сокращеніемъ своимъ дають разнообразіе словамъ, не перемѣняя смысла ихъ, но токмо дѣлая одиѣ изъ нихъ приличнѣйшими важному, а другія простому слогу. Такъ напримѣръ, хошя предлогъ *пере* и *пре* есть одинъ и тотъ же, однакожь *пере* приличеспівуетъ простымъ, а *пре* болѣе важнымъ выраженіямъ: *перейти* черезъ дорогу, *прейти* пушъ жизни; *переступить* черезъ порогъ, *преступить* заповѣдь; *перервать* по поламъ, *прервать* знакомство, дружбу, и проч. Многія слова, а особливо простыя, не шерпятъ въ предлогѣ сокращенія, а другія напрошивъ, а особливо весьма важныя, не шерпятъ въ немъ расхяженія: *перелпрыгнуть, перекувырнуться, перекинуть, переинатить, перевозъ, переулокъ*, и проч., отвергають предлогъ *пре*; а другія: *пре-*

возносить, пребываніе, преимущество, прелесть, пренебреженіе, и проч., отвергають предлогъ *пере*. — Равнымъ образомъ предлогъ *воз*, или правильнѣе *вос* (поелику сокращень изъ имени *высь*, *высота*), сокращается и самъ, теряя гласную букву, какъ напримѣръ *возстани* и *встань*, *воскрикнуть* и *вскрикнуть*, *возрыдать* и *взрыдать*, и пр. Предлогъ сей послѣдуетъ тому же общему правилу, то есть полный увеличиваетъ важность словъ, сокращенный же уменьшаетъ оную. Въ словахъ, таковыхъ какъ: *возстеналъ*, *возникъ*, *воскурился*, *возтекъ*, *возблисталъ*, *воспарилъ* и проч., не можеть онъ сокращаться; въ словахъ же, таковыхъ какъ: *вспрыгнулъ*, *взлезъ*, *вскарабкался*, *вскотилъ*, *вздуло*, *вспутило*, и проч., не можеть быть полный.

Сіи не разлучныя съ нашимъ языкомъ свойства отличаютъ его отъ многихъ другихъ, въ которыхъ сокращенія словъ, а особливо предлоговъ, мало участвуютъ въ ихъ словосочиненіи. По сей причинѣ желающему въ немъ утвердиться надлежитъ вникать въ сей коренной его составъ, дабы прописвойственнно ему не дѣлать его похожимъ на чужой языкъ, и не смѣшивать въ немъ высошы съ низоспїю, красоты съ безобразіемъ. Французъ, напримѣръ, судя по своему языку о нашемъ, не почувствуетъ различія

между *исходить* и *выходить*; ибо онъ и то и другое назовешъ *sortir*; но Рускому не чувствовашъ разности въ выраженіяхъ: *изшелъ на брань* и *вышелъ изъ бани*, или въ простомъ разговорѣ скажашъ: *студень изъ тѣлтыхъ ножекъ* (вмѣсто *изъ тѣлятыхъ*) а въ возвышенномъ слоgъ написашъ: *возносятъ на жертвенникъ тѣляги стегна* (вмѣсто *тѣльчія*) было бы не знашь свойствъ языка своего, не знашь различія между важнымъ словомъ *тѣлецъ* и проспонароднымъ *тѣленокъ*.

Въ сокращеніи (равно какъ и въ растяженіи) словъ корень часто закрывается, и чрезъ то въ словѣ зашмѣвается первоначальная произведшая оное мысль. По сему надлежитъ самымъ симъ сокращеніемъ руководствовашъ для опысканія сей мысли. Напримѣръ въ глаголѣ *обѣщать*, представляющемъ намъ предлогъ *объ*, и никакого смысла въ осшальной своей часши *ѣщать*, мы, примѣчая въ языкѣ свойство сокращенія словъ, легко можемъ добратъся, что онъ происходитъ отъ *обѣщать*, и что оба сіи глагола (полный *обѣщать* и сокращенный *обѣщать*) выражаютъ въ коренномъ смыслѣ одно и тоже понятіе о *ѣщаніи*, но въ вѣщивенномъ или часшномъ первый означаетъ *ѣщаніе*, обносимое вокругъ чего нибудь (*обѣщити по городу, по всей округѣ*)

Ч а с ш ь IX.

25

а вшорой *вѣщаніе*, обнадѣживающее кого въ чемъ либо, иначе называемое *дать слово*. — Въ глаголѣ *слю* сокращеніе показываетъ намъ, что оный происходитъ отъ *соллю* (*сопѣть*), поелику одно изъ сихъ дѣйствій всегда или часто соединено бываетъ съ другимъ. — Изъ названій *усерязи* и *серги* видимъ мы, какъ много послѣднее измѣнилось отъ перваго (*усе*, ш. е. уши, сокрашилось въ *се*, а изъ *рязи*, *ряжу*, *наряжаю*, сдѣлалось *рзи* или *рги*), и ежелибъ полное, сложное (*усерязи*) не сохранилось въ старинныхъ книгахъ, то бы сокращенное (*серги*) почипзали мы первообразнымъ, и не знали откуда оно происходитъ. Слово *ферязи* изъясляющее нарядную одежду крестьянокъ, по той же причинѣ легко могло сокрашиться изъ *тѣлорязи*, такъ что существишельное имя *тѣло*, сохранившееся въ подобномъ же названіи *тѣлогрѣя*, здѣсь не сохранилось, и сперва сокрашилось въ *тѣ*, а потомъ произносимое шепелеваго (подобно Греческому слову *теорія* и *еорія*) измѣнилось въ *фе*. Многія подобныя сему слова, до которыхъ начала не стараемся мы добираться, во влекають насъ въ ложное, несвойственное разумному существу мнѣніе, что будто бы языкъ не былъ плодъ размышленій человѣческихъ, но состоялъ только изъ пустыхъ звуковъ, къ которымъ люди, подобно без-

словеснымъ животнымъ, чрезъ навѣкъ при-
лагають свои понятія; ибо такимъ обра-
зомъ и пщицы, или звѣри, разнообразяють
голосъ свой, и разумѣють одни другихъ. —
Измѣненіе, такожь сокращеніе и распряже-
ніе (ш. е. убавка и прибавка буквъ), сіи не-
обходимо нужныя способы, кошорыми умъ
человѣческій, для раздробленія мыслей сво-
ихъ на множество понятій, при составле-
ніи языка дѣйствовалъ, могутъ быть намъ
вѣрными руководителями къ открытію
сихъ таинствъ словопроизводства, обнару-
живающихся при вниканіи, и помрачающих-
ся при невниканіи въ оныя. Оставимъ из-
мѣненіе и распряженіе словъ (ибо каждый
изъ сихъ спашей требуетъ особеннаго из-
слѣдованія), и скажемъ шокмо о сокращеніи.
Возмемъ, напримѣръ, выраженіе *щурить гла-*
за, и спросимъ: откуда происходитъ гла-
голь *щурить*? Сокращеніе покажетъ намъ
первоначальную, содержащуюся въ немъ
мысль. Буква *щ* есть не иное что, какъ со-
кращенное или слишное произношеніе буквъ
сѣ. Ишакъ въ семь словѣ видимъ мы пред-
логъ *со* или *сѣ* (означающій всегда соедине-
ніе или сближеніе двухъ вещей), и корень
тур. Слово *турѣ* значить черту, предѣлъ.
По сему *щурить* значить *сотурять*, шо есть
сближать двѣ какія нибудь вещи къ одному
и шомужь чуру или предѣлу. Посмотримъ

теперь дѣйствіе глазъ, изъявляемое глаголомъ *щуришь*: не ешь ли оное сближать, соединять верхнюю и нижнюю ресницы съ тою проходящею по срединѣ очей черпою или предѣломъ, которой составилъ бы, когдабъ сіи ресницы совершенно сомкнулись? Вотъ какъ человѣкъ глубоко умствовалъ и рассуждалъ при составленіи словъ! Далеко отъ того, чшобъ бышь пустыми звуками, онѣ содержащъ въ себѣ умъ его и мысли, которыхъ не познавать ешь ощущдашь себя отъ знаній языка.

Конецъ девятой части.

66 425 A A 304387

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06739 5411

